

Чарльз
Сандерс
Пирс

Начала Прагматизма

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

приложение к альманаху

Charles Sanders Peirce

ISSUES OF PRAGMATISM

HARVARD UNIVERSITY PRESS
1931-1958

DOVER PUBLICATIONS, INC.
1955

Чарльз Сандерс Пирс
НАЧАЛА ПРАГМАТИЗМА

Перевод с английского *В. В. Кирющенко* и *М. В. Колопотина*

Переводчики выражают благодарность *И. Ларионову* за помощь в переводе греческих и латинских терминов и цитат, а также *В. А. Серковой* за содействие в переводе статьи «Закрепление убеждения».

лаборатория метафизических исследований
при философском факультете СПбГУ
издательство «АЛЕТЕЙЯ», Санкт-Петербург
2000

ББК ЮЗ(7США)5

УДК 1[Пирс]

П 33

1

Пирс Ч.

П 33 Начала прагматизма / Перевод с английского В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина, послесловие Сухачева В. Ю. — СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. — 318 с. (серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху»)

ISBN 5-89329-259-6

Первый том настоящего издания составлен из ряда статей известного американского мыслителя Чарльза Сандерса Пирса, написанных им в период с 1868 по 1903 г. и адресованных, по его словам, «непосвященной публике», а также нескольких издательских компиляций более позднего времени, в которых излагаются философские предпосылки его семиотического проекта, получившего название «прагматизм».

Пирс был и до сих пор остается для истории философии своего рода фигурой по умолчанию, фигурой, которая никак не хочет встраиваться в записные историко-философские сценарии. Вместе с тем, даже оставаясь в одиночестве, Пирс как исследователь знаменует собой целую эпоху в развитии философской мысли, которая, с одной стороны, в значительной степени воплощает в себе духовное наследие американского трансцендентализма, а с другой — исторически предшествует началу «философской эмиграции» в Америку. Несмотря на указанное положение, а также вопреки своей очевидной значимости с точки зрения истории мысли в целом, его философия по сей день представляет собой своего рода «слепое пятно» этой истории, оставаясь малоизученным наследством, от случая к случаю требуемым в философии науки и аналитической традиции.

Книга адресована самому широкому кругу читателей, проявляющих интерес к проблемам философской антропологии, семиотики и логического анализа.

ISBN 5-89329-259-6

© издательство «АЛЕТЕЙЯ» (СПб.), 2000
© лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ, 2000

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

Не только и не столько ввиду особенностей авторского языка, сколько в силу разных других обстоятельств, среди которых чрезвычайное разнообразие тем и не вполне привычная техника мысли, полагаем, что не погрешим против истины, если скажем, что для чтения работ Пирса весьма вероятна ситуация, при которой это непростое занятие, так сказать, «не окупится». Несмотря на всю нелепость подобной формы приглашения к чтению, таковая тем не менее представляется небезосновательной. Поэтому нам хотелось бы предложить не столько объяснение трудностей перевода, сколько своего рода предуведомление читателю, что в том увлекательнейшем путешествии, которое ему предстоит, он — к вящему ли удовольствию или тягостному разочарованию — так или иначе неизбежно столкнется со многими и многими трудностями.

Первая и основная в ряду прочих состоит в том, что представленным в данном издании работам Пирса по логике и философии науки, как, впрочем, и всему когда-либо им написанному, совершенно невозможно дать вполне строгое определение в рамках того или иного «философского жанра». Иными словами, в данном случае мышлению, обретающему себя в некоторой абсолютной, но вместе с тем неочевидной точке, не предпосылается никакая традиционная матрица или контекст. Формально начинаясь в качестве «реакции» и «критики», предпринятый прагматизмом философский эксперимент, для которого «антирационализм» является лишь некоторым промежуточным результатом, но никак не отправным пунктом, на деле главным образом обращен к своей собственной материи — понятию *практического*.

Еще одна существенная трудность связана с самым значительным и, увы, невосполнимым недостатком, который обнаруживает себя в любом издании произведе-

ний Чарльза С. Пирса. Этот недостаток заключается в том факте, что оригинальный текст автора зачастую не может быть полностью восстановлен, ввиду чего значительная часть его опубликованных работ в той или иной степени представляет собой издательские компиляции, составленные из различных сохранившихся рукописных фрагментов.

Учитывая последнее обстоятельство, первый том настоящего издания составляют по преимуществу работы, опубликованные Пирсом при жизни и поэтому представляющие собой законченные статьи. Эти статьи, как он писал, «адресованы непосвященной публике». Вместе с тем знаменателен тот факт, что затея с популяризацией прагматизма самим Пирсом в свое время оказалась по сути провальной, так что за него эта работа (к его величайшему неудовольствию, но с гораздо большим рвением и вполне пропорциональным оному успехом) была продолжена другими. Причем эти другие подчас весьма вольно и совершенно неадекватно истолковывали оригинальную мысль Пирса. Пирс сам прекрасно осознавал, что «в сфере идей публика предпочитает то, что подешевле», однако любая попытка объясниться всегда дается гению, неспособному сделать даже самую незначительную уступку конъюнктуре, с гораздо большим трудом, нежели менее одаренным, но более осведомленным относительно спроса и предложения на рынке идей эпигонам.

Но зависимость неудачной попытки объясниться от особенностей стиля и неуживчивости нрава, которые очевидны для всякого, кто знаком с оригинальным текстом и биографией Пирса, в данном случае весьма относительна. На наш взгляд, объективной причиной того, что разговор о прагматизме — прежде всего, в историко-философском плане — все еще не состоялся, является чрезвычайная теоретическая сложность задачи, поставленной прагматизмом перед мыслью. Ведь одним из существенных свойств знака, по Пирсу, является то, что он представляет собой отношение, избегающее детерминации, вернее, он есть нечто *смутное*, лишенное *объективной определенности*. Он может (и должен) быть детерминирован логически, но полная детерминация доступна лишь совершенно открытой и *честной* мысли. Имен-

но в этом смысле детерминация есть обретение убеждения или *экзистенциальной значимости*, которая, в свою очередь, возможна лишь в том случае, когда человек полностью контролирует свою мысль. Честность мысли есть логическая ясность в значении стремления к абсолютной *открытости*. И как раз там, где мы вступаем в область этой открытости, мы обнаруживаем *Человека*. В этой области мы обретаем *истинное значение*. Здесь происходит фундаментальное по своей значимости «иколическое событие» — *встреча* размышляющего с самим собой. Поэтому мышление по сути представляет работу некоей пространственной интуиции, поиск *места*, в котором слово объединяется с вещью. Моральная полноценность всегда стремится к логической точности и наоборот. Причем последнее отношение гораздо менее очевидно, нежели первое; доказательству и объяснению механизма этой обратной зависимости, попытке осветить *ту сторону* человеческого существа и посвятил свою жизнь ученый.

Несколько технических замечаний о переводе.

Термин *belief* переводится как «убеждение» (а не как «вера» или «верование»). Несмотря на то главное обстоятельство, что между приведенными значениями нет разницы (по крайней мере между *faith* и *belief* нет разницы для Пирса — см. его письмо к леди Уэлби от 23 дек. 1908 г.) — более того, именно *благодаря* этому обстоятельству — выбор пал на «убеждение»: это слово в русском языке имеет более благозвучное множественное число, нежели «вера», и более точно передает смысл *belief*, нежели «верование». И хотя такой перевод имеет свой недостаток — образованный от «убеждения» глагол «быть убежденным в» лишен благозвучия и гибкости глагола «верить», — как раз сравнительно редкое употребление этого слова в глагольной форме заставило в данном случае посчитать «убеждение» меньшим из двух зол. Помимо указанных, есть еще одна причина: в *belief* приставка *be-* указывает на совершенность действия, отсутствующую в слове «вера» (в этом смысле *to belief* надлежало бы переводить не как «верить», а как «поверить» или «уверовать»). Исключение из этого правила составляет статья «Законы При-

роды и аргумент Юма против чудес»: здесь *belief* переводится как «вера», во-первых, потому что того требует контекст (имеющийся достаточно точный перевод гл. X «Исследования о человеческом познании» Юма), во-вторых, потому что во времена Юма слово *belief* еще не употреблялось в том смысле, в каком позже стало возможно говорить о *beliefs*, и, в-третьих, потому что текст данной статьи позволяет сделать такой перевод, не нарушая благозвучия (т. е. в нем слово «вера», по указанной только что причине, не употребляется во множественном числе).

Часто употребляемый Пирсом термин *reasoning* переводится как «рассуждение». Хотя собственным его переводом, несомненно, должно быть «обоснование» (иногда такой перевод дается дополнительно в скобках), контексты употребления «обоснования» и *reasoning* не вполне совпадают, и «рассуждение» обладает в данном случае очевидным преимуществом. С другой стороны, невозможно по-русски передать амбивалентность английского *reason*, означающего одновременно и разум (именно *reason* переводит немецкий *Vernunft*), и основание (то же самое можно сказать и о *reasonable* — «обоснованном» и «разумном»). Исходя из «разума», *reasoning* нужно было бы переводить как «разумение», но по причине, указанной для «обоснования», предпочтение было отдано «рассуждению».

Термин *proposition* переводится как «пропозиция». Этот перевод (и само слово) стал уже достаточно традиционным в русских вариантах англоязычных (особенно логических) текстов. Кроме того, см. сноску к п. 14 статьи «Что есть прагматизм».

Еще одно замечание касается перевода слова *virtual*. В данном издании оно сохраняется в транслитерированной форме («виртуальный»), так как все его возможные русские варианты (вроде «предположительный», «потенциальный», «возможный») — кальки того неверного истолкования данного схоластического термина, против которого Пирс не раз выступал. См., например, его определение в Болдуиновском Словаре Философии и Психологии (*Baldwin's Dictionary of Philosophy and Psychology*): «<...> (1) Виртуальное X (где X -- имя нарицательное)

есть нечто, что не есть X, но что обладает действительностью (*virtus*) X. Таково собственное значение этого слова, однако (2) его всерьез путают с “потенциальным”, значение которого “виртуальному” почти противоположно. Ибо потенциальное X обладает природой X, но лишено актуальной действительности X. Так, виртуальная скорость есть нечто — не скорость, но перемещение, — эквивалентное скорости в формуле: “что приобретается в скорости, то теряется в силе” <...> ».

Примечания, сноски и вступительные статьи, принадлежащие редакторам изданий, с которых осуществлялся перевод, заключены в квадратные скобки [...] (за исключением некоторых специально оговариваемых или ясных из контекста случаев, когда они принадлежат самому Пирсу), принадлежащие переводчикам — в угловые <...>.

По изданию: *Peirce Ch. S. Collected Papers. Vol. I–VIII*, Camb. (Mass.): Harvard Univ. Press, 1931–1958, сделан перевод следующих статей: «Некоторые последствия четырех неспособностей», «Основания силы законов логики: дальнейшие последствия четырех неспособностей», «Закрепление убеждения», «Как сделать наши идеи ясными», «Что есть прагматизм», «Вопросы прагматицизма» — Vol. V. P. 264–463; «Пролегомены к апологии прагматицизма» — Vol. IV. P. 530–572; раздела «Спекулятивная грамматика» — Vol. II. P. 219–444. По изданию: *Peirce Ch. S. Selected Writings (Values in a Universe of Chance)*. N. Y.: Dover Publications, Inc. 1958, сделан перевод следующих отрывков из корреспонденции Пирса: писем к Лэнгли и статьи «Законы Природы и аргумент Юма против чудес» — P. 275–321; писем к леди Уэлби — P. 380–420. По изданию: *Peirce Ch. S. Philosophical Writings*. N. Y.: Dover Publications, Inc. 1955, сделан перевод следующих компиляций: «Принципы феноменологии» — P. 74–97; «Абдукция и индукция» — P. 150–156; «Суждение восприятия» — P. 302–305; «Восприятие и мотивация» — P. 306–309; «Приближение к метафизике» — P. 310–314; отрывков из рукописей 1903 г. — P. 294–300.

В. Кирющенко
М. Колопотин

НЕКОТОРЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕТЫРЕХ НЕСПОСОБНОСТЕЙ¹

Дух картезианства

1. Декарт является отцом современной философии, и дух картезианства — то, что отличает картезианство от вытесненной им схоластики — можно сжато постулировать следующим образом:

1) Картезианство учит, что философия должна начинаться с универсального сомнения; схоластика же никогда не ставила под сомнение фундаментальные положения (fundamentals).

2) Картезианство учит, что окончательная проверка достоверности находится в индивидуальном сознании; схоластика же покоилась на свидетельстве мудрецов и Католической Церкви.

3) Многообразная аргументация средневековья заменяется единственной линией вывода, зачастую зависящей от принятия некоторых неявных (inconspicuous) посылок.

4) Хотя у схоластики были свои таинства веры, она предпринимала попытки объяснить все сотворенное. Картезианство же не только не объясняет многие факты, но и делает их абсолютно необъяснимыми — если только не считать слова «Бог сделал их такими» объяснением.

2. В некоторых — или во всех — из перечисленных аспектов большинство современных философов оказываются, в конечном счете, картезианцами. И хотя у меня нет желания возвращаться к схоластике, мне кажется, современная наука и современная логика требуют от нас встать на платформу, значительно отличающуюся от картезианской.

¹ <«Some Consequences of Four Incapacities», *Journal of Speculative Philosophy*. Vol. 2 (1868). P. 140–157.>

1) Мы не можем начинать с совершенного сомнения. Мы должны начинать, имея все те предрассудки, которые действительно имеются у нас, когда мы беремся за исследование философии. Эти предрассудки нельзя рассеять предписанием собственной воли, ибо они таковы, что *возможность* сомневаться в них не приходит нам в голову. Изначальный скептицизм поэтому всегда будет просто самообманом, а не реальным сомнением; и никто из следующих картезианскому методу никогда не будет удовлетворен, пока формально не возродит все те убеждения, от которых формально же отказался. Их подготовительный метод, таким образом, столь же бесполезен, как путешествие на Северный полюс с целью добраться оттуда до Константинополя строго по меридиану. Правда, что человек может в ходе своих исследований обнаружить основание для сомнения в том, в чем изначально он был убежден — но в таком случае он сомневается, потому что имеет для этого положительное основание, а не потому что так предписано картезианской максимой. Не будем притворяться, что в философии нам представляется сомнительным то, что несомненно для нас в собственном сердце.

2) Подобный формализм содержится и в картезианском критерии <познания>, сводящемся к следующему: «Все, в чем я ясно убежден (convinced), истинно». Если бы я был реально убежден, мне следовало бы покончить с рассуждениями и не требовать какой бы то ни было проверки достоверности. Но такое превращение единичных индивидов в абсолютных судей истинности таит в себе немалый вред. В результате все метафизики согласились бы, что метафизика достигла степени достоверности, намного превышающей ту, что достигнута физическими науками, — правда, теперь согласиться они смогли бы только в этом и ни в чем больше. В тех науках, где ученые приходят к согласию, обнародование теории влечет за собой лишь условное ее принятие — до тех пор, пока относительно нее такое согласие не будет достигнуто. После же того, как оно достигнуто, вопрос о достоверности уже становится праздным, так как не осталось никого в ней сомневающегося. Мы не можем обоснованно надеяться достичь той философии, к кото-

рой стремимся, индивидуально; а поэтому мы можем заниматься ее поисками, только имея в виду *сообщество* философов. Из этого следует, что если дисциплинированные и добросовестные умы подвергнут некую теорию тщательному изучению и откажутся ее принять, это необходимо приведет к появлению сомнения в уме самого ее создателя.

3) Философии с точки зрения метода необходимо подражать успешно развивающимся наукам, а значит, основываться только на ощутимых посылах, могущих быть подверженными тщательному исследованию, и доверять больше многообразию своих аргументов, нежели окончательности какого-либо одного из них. Философское рассуждение должно быть не цепью, прочность которой не превышает прочности слабейшего звена, но канатом, волокна которого могут быть еще слабее — лишь бы они были достаточно многочисленны и плотно переплетены.

4) Всякая неидеалистическая философия предполагает некий абсолютно необъяснимый и неанализируемый предел (*ultimate*) — вкратце, нечто, являющееся результатом опосредования, но само по себе опосредованию не подлежащее. Но то, что нечто *действительно* настолько необъяснимо, можно узнать лишь при помощи рассуждения посредством знаков. Единственным же оправданием вывода, построенного из знаков, является объяснение конкретного факта полученным заключением. И так как посчитать факт абсолютно необъяснимым не значит объяснить его, такое предположение недопустимо.

В предыдущем номере этого журнала читатель может найти статью, озаглавленную «Вопросы относительно некоторых способностей, которыми, как утверждают, обладает Человек»¹ и написанную в том же духе — как противопоставление картезианству. Результатом приведенного в ней критического рассмотрения некоторых наших способностей стали четыре отрицательных положения, которые для удобства можно здесь повторить:

1) У нас нет такой способности, как Интроспекция, всякое же знание внутреннего мира выводится при по-

¹ [«Questions Concerning Certain Faculties Claimed for Man», *Journal of Speculative Philosophy*. Vol. 2 (1868). P. 103–114.]

мощи гипотетического рассуждения, основанного на нашем знании внешних фактов.

2) У нас нет такой способности, как Интуиция, всякое же знание логически детерминировано предыдущими знаниями.

3) У нас нет способности мыслить без посредства знаков.

4) У нас нет понятия абсолютно непознаваемого.

Эти пропозиции не могут считаться достоверными, и чтобы подвергнуть их дальнейшей проверке, я предлагаю здесь рассмотреть, к каким последствиям они приводят. Для начала мы можем рассмотреть последствия лишь первого положения; затем — первого и второго вместе; затем — что может выйти из принятия также и третьего; и, наконец, добавить к нашим гипотетическим посылкам четвертую.

Умственное действие

3. Принимая первое положение, мы должны отказаться от всех предрассудков, происходящих из философии, которая базирует наше знание внешнего мира на нашем самосознании. Мы не можем принять ни одного такого утверждения о происходящем внутри нас, которое не было бы при этом гипотезой, необходимой для объяснения происходящего в том, что мы обычно называем внешним миром. Более того, предположив на подобных основаниях наличие у ума некоторой способности или модуса действия, мы, разумеется, не можем принять какую-то другую гипотезу, объясняющую факт, который можно объяснить нашим первым предположением, и должны придерживаться этого последнего настолько долго, насколько оно нам это позволяет. Другими словами, в той мере, в какой мы способны обойтись без дополнительных гипотез, мы должны редуцировать все разновидности умственного действия к одному общему типу.

4. Существование класса модификаций сознания, с которого мы должны начать наше исследование, должно быть несомненным, законы его должны быть известны

лучше всего, а поэтому (так как знание приходит извне) он должен ближе всего следовать за внешними фактами; то есть он должен быть некой разновидностью познания. Здесь мы можем гипотетически принять второе положение предыдущей статьи, согласно которому нет абсолютно первого знания какого бы то ни было объекта, но приращение знания есть непрерывный процесс. Мы поэтому должны начинать с процесса познания, причем такого процесса, чьи законы известны лучше всего и ближайшим образом следуют внешним фактам. Это не что иное, как процесс сильного (*valid*) вывода, следующего от своей посылки А к своему заключению В, только если с фактической точки зрения (*as a matter of fact*) такая пропозиция, как В, всегда или обычно истинна тогда, когда истинна такая пропозиция, как А. Таким образом, из первых двух рассматриваемых принципов следует, что мы должны, насколько способны, без каких бы то ни было предположений, кроме тех, к которым приводит рассуждение нашего ума (*than that the mind reasons*), редуцировать всякое ментальное действие к формуле имеющего силу (*valid*) рассуждения.

5. Но разве наш ум фактически проходит через силлогистический процесс? Наверняка было бы очень сомнительно, если бы умозаключение — как нечто существующее в уме независимо, наподобие образа — внезапно заменяло бы собой две посылки, существующие в уме точно таким же способом. И тем не менее, постоянный опыт на деле показывает, что если человек убежден в посылках — в том смысле, что он будет действовать исходя из них и назовет их истинными, — то при благоприятных условиях он также будет готов действовать, исходя из заключения и назвать его истинным. В организме, следует из этого, имеет место нечто равносильное силлогистическому процессу.

6. Сильный вывод бывает либо *полным*, либо *неполным*. Сила (*validity*) неполного вывода зависит от некоторого факта (или фактов), не содержащегося в посылках. Это подразумеваемый факт, который мог бы быть постулирован как посылка, а поэтому он, вне зависимости от того, постулирован он в явном виде или нет, соотносится с заключением точно так же — ведь он, по мень-

шей мере виртуально, принимается за данное; всякий неполный вывод, таким образом, есть виртуально полный. Полные аргументы подразделяются на *простые* и *составные*. Составной аргумент из трех или более посылок приходит к заключению, к которому можно было бы прийти последовательными шагами рассуждения, причем каждый из них был бы простым. Таким образом, составной вывод окончательно приходит к тому же, к чему приходит последовательность простых.

7. Полный, простой и имеющий силу аргумент, или силлогизм, бывает либо *аподиктическим*, либо *вероятным*. Сила аподиктического или дедуктивного силлогизма находится в безусловной зависимости от отношения выводимого факта к фактам, постулируемым в посылках. Силлогизм, чья сила зависела бы не просто от собственных посылок, а от существования некоторого другого знания, был бы невозможен; ибо это другое знание либо постулируется, и тогда оно — часть посылок, либо имплицитно предполагается, и тогда мы имеем дело с неполным выводом. Однако, если сила силлогизма частично зависит от несуществования некоторого другого знания, это означает, что мы имеем дело с *вероятным* силлогизмом.

8. Несколько примеров прояснят для нас, о чем здесь идет речь. Два следующих аргумента аподиктичны или дедуктивны:

1) Ни одна последовательность дней, первый и последний из которых — разные дни недели, не превосходит на один число дней, кратное семи; первый же и последний дни любого високосного года есть разные дни недели, и, следовательно, ни один високосный год не состоит из такого числа дней, которое на один превышало бы число, кратное семи.

2) Среди гласных нет двойных букв; однако одна из двойных букв (*w*) составлена из двух гласных; следовательно, буква, составленная из двух гласных, не является с необходимостью гласным.

В обоих этих случаях ясно, что если истинны посылки, то, каковы бы ни были другие факты, заключения будут истинными. С другой стороны, допустим, что мы рассуждаем следующим образом: «Некоторый человек заболел азиатской холерой. Он находился в состоянии

коллапса, имел серый цвет лица, сильный озноб, и у него не прощупывался пульс. Ему сделали обильное кровопускание. Во время кровопускания он вышел из коллапса, и на следующее утро больной был вполне здоров, так что можно было уже не опасаться за его жизнь. Следовательно, кровотечение склонно излечивать холеру». Это — вполне вероятный вывод при условии, что посылки репрезентируют все наше знание по данному вопросу. Но если бы мы, например, знали, что выздоровления больных холерой часто случаются внезапно и что врач, изложивший данную историю болезни, зная о сотне других случаев применения данного способа исцеления, не сообщил их результатов, полученный вывод потерял бы всю свою силу.

9. Существенное для силы всякого вероятного аргумента отсутствие знания относится к вопросу, который детерминирован самим аргументом. Этот вопрос, как и любой другой, заключается в том, имеют ли некоторые объекты некоторые свойства. Следовательно, отсутствует знание либо о том, обладают ли данными свойствами какие-то другие объекты, помимо тех, что обладают этими свойствами согласно посылкам, — либо о том, имеются ли некоторые другие, не обязательно подразумеваемые посылками, свойства у данных объектов, помимо тех, что имеются у них согласно посылкам. В первом случае по ходу рассуждения предполагается, что известны все обладающие данными свойствами объекты, и это *индукция*; во втором случае вывод делается на основании предположения, что известны все требующиеся для детерминации данного объекта или класса объектов свойства, и это *гипотеза*. Это различие также можно прояснить на примере.

10. Допустим, что мы подсчитываем, сколько раз разные буквы встречаются в данной английской книге, которую обозначим как А. Конечно, каждая новая из подсчитываемых букв будет изменять численный показатель относительной частоты разных букв; однако чем больше букв мы посчитали, тем это изменение будет меньше. Допустим, что мы обнаруживаем: по мере увеличения подсчитанных букв относительная частота *e* приближается к примерно $11\frac{1}{4}$ процентам от числа всех букв,

t — к $8\frac{1}{2}$ процентам, a — к 8 процентам, s — к $7\frac{1}{2}$ процентам и т. д. Допустим, что мы повторяем те же наблюдения с полудюжиной других английских текстов (которые мы можем обозначить В, С, D, E, F, G), получая тот же результат. Теперь мы можем вывести, что в каждом достаточно объемном английском тексте разные буквы встречаются с частотой, показатели которой приблизительно соответствуют полученным нами.

Итак, сила этого аргумента зависит от нашего незнания пропорции букв в каком бы то ни было английском тексте, помимо А, В, С, D, E, F и G. Ибо если нам известна эта пропорция в отношении H, и она даже близко не совпадает с полученной нами, наше умозаключение мгновенно рушится; если она та же самая, то законный вывод делается на основании А, В, С, D, E, F, G и H, а не только первых семи из них. Это, таким образом, будет *индукция*.

Допустим далее, что мы имеем перед собой зашифрованный фрагмент текста и не имеем к нему ключа. Допустим, мы обнаруживаем, что в нем содержится меньше 26 значков, один из которых встречается где-то в 11 процентах всех случаев, другой — в $8\frac{1}{2}$ процентах, третий — в 8 процентах, и четвертый — в $7\frac{1}{2}$ процентах. Допустим, что когда мы подставляем на место этих значков соответственно e , t , a и s , мы оказываемся способны понять, как заменить буквами оставшиеся значки, чтобы получившийся английский текст имел смысл — при условии, однако, что мы допускаем возможность наличия орфографических ошибок. Если текст обладает достаточным объемом, мы с большой вероятностью можем вывести, что именно он и был зашифрован.

Сила этого аргумента зависит от отсутствия у зашифрованного текста других известных нам свойств, которые могли бы быть сколько-нибудь важны для нашего метода расшифровки; ибо если таковые наличествуют — если, например, мы знаем, есть ли какое-нибудь другое решение этой задачи или нет, — должно быть учтено их воздействие в аспекте поддержки или ослабления всего заключения. Это, таким образом, будет *гипотеза*.

11. Всякое имеющее силу рассуждение бывает дедуктивным, индуктивным или гипотетическим; в другом

случае из этих свойств оно может сочетать в себе два или более. Дедукция достаточно подробно изложена в большинстве учебников по логике; что же касается индукции и гипотезы, необходимо сказать о них несколько слов — дабы нижеизложенное стало более понятно.

12. Определение индукции как аргумента таково: она исходит из предположения, что всеми свойствами, которыми обладают все известные с точки зрения наличия или отсутствия у них этих свойств члены некоего класса или агрегата, обладают все члены данного класса вообще; или, другими словами, она предполагает истинность относительно всего собрания того, что истинно относительно некоторого числа примеров, выбранных наугад. Это можно назвать статистическим аргументом. Его общим смыслом, при большом количестве случаев, будет то, что он должен позволить прийти к достаточно правильным заключениям из истинных посылок. Если у нас есть мешок черных и белых бобов, сосчитав относительные пропорции двух цветов в нескольких раз за разом взятых из него пригоршнях, мы можем более или менее приблизиться к относительной их пропорции во всем мешке, так как достаточное число пригоршней исчерпало бы все бобы в мешке. Центральной характеристикой индукции и ключом к ее пониманию оказывается то, что, сделав достигнутое описанным образом заключение большей посылкой силлогизма, а пропозицию, устанавливающую, что такие-то и такие-то объекты взяты из рассматриваемого класса, — меньшей, мы увидим, что оставшаяся посылка индукции дедуктивно из них вытекает. Так, в приведенном ранее примере мы заключили, что во всех книгах на английском все буквы *e* представляют собой около $11\frac{1}{4}$ процента от числа всех букв. Из этого, как из большей посылки, а также из дополнительной пропозиции, в соответствие с которой А, В, С, D, E, F и G есть книги на английском, дедуктивно вытекает, что в А, В, С, D, E, F и G все буквы *e* представляют собой около $11\frac{1}{4}$ процента от числа всех букв. Аристотель соответствующим образом определял индукцию, как вывод большей посылки силлогизма из его меньшей посылки и заключения. Функция индукции — заменить ряд многих субъектов одним-единственным, который бу-

дет обнимать их всех, а также неопределенное количество других. Таким образом, она представляет собой вид «редукции множественного к единству».

13. Определение гипотезы как аргумента таково: она исходит из предположения, что некое свойство, о котором известно, что оно необходимо подразумевает некоторое число других, может вероятно сказываться о любом объекте, имеющем все свойства, которые, как известно, подразумевает данное свойство. Индукцию можно рассматривать как вывод большей посылки силлогизма, и точно так же гипотезу можно рассматривать как вывод меньшей посылки из двух остальных пропозиций. Так, приведенный ранее пример состоит из двух таких выводов меньших посылок следующих силлогизмов:

1) Каждый английский текст достаточного объема, в которых такие-то и такие-то значки денотируют e , t , a и s , имеет около $11\frac{1}{4}$ процентов значков первого рода, $8\frac{1}{2}$ — второго, 8 — третьего и $7\frac{1}{2}$ — четвертого.

Этот тайный текст есть английский текст достаточного объема, в котором такие-то и такие-то значки денотируют e , t , a и s , соответственно:

∴ Этот тайный текст имеет около $11\frac{1}{4}$ процентов значков первого рода, $8\frac{1}{2}$ — второго, 8 — третьего и $7\frac{1}{2}$ — четвертого.

2) Фрагмент, написанный подобным алфавитом, имеет смысл, если такие-то и такие-то значки соответственно заменяются такими-то и такими-то буквами.

Этот тайный текст написан подобным алфавитом:

∴ Этот тайный текст имеет смысл, если произведены такие-то и такие-то замены.

Функцией гипотезы, следовательно, является заменить огромный ряд предикатов, самих по себе единства не образующих, одним-единственным (или небольшим числом), который будет подразумевать (*involve*) их все, а также (возможно) и неопределенное число других. Таким образом, она также представляет собой редукцию множественного к единству.¹ Всякий дедуктивный силлогизм можно облечь в следующую форму:

¹ Несколько человек, подкованных в логике, возражают против моего, по их мнению, неверного применения термина *gi-*

Если А, то В;
 Однако А:
 ∴ В.

И так как меньшая посылка в этой форме оказывается антецедентом или основанием гипотетической пропозиции, гипотетический вывод можно назвать рассуждением от консеквента к антецеденту.

14. Своей силой аргумент от аналогии, который один популярный логик¹ называет рассуждением от частных (particulars) к частностям, обязан тому, что он сочетает свойства индукции и гипотезы и сводится ана-

позеза, и утверждают, что обозначаемое мной таким термином есть аргумент от аналогии. Чтобы ответить им, было бы достаточно сказать, что пример с шифром приводится как достойное объяснение гипотезы Декартом (Правило 10, *Œuvres choisies*: Paris, 1865, страница 334), Лейбницем (*Nouv. Ess.*, lib. 4, ch. 12, § 13, Ed. Erdmann, p. 383b), а также (как я узнал из Д. Стюарта (D. Stewart): *Works*, Vol. 3. P. 305, *et seq.*) Грейвсандом (Gravesande), Восковичем (Boscovich), Хартли (Hartley) и Ж. Л. Лесажем (G. L. Le Sage). Термин Гипотеза используется в следующих смыслах: (1) Для обозначения темы или пропозиции, образующей предмет речи (subject of discourse). (2) Для обозначения предположения (assumption). Аристотель подразделяет *тезы* или пропозиции, принятые без какого бы то ни было основания, на определения и гипотезы. Последние есть пропозиции, устанавливающие существование чего-то. Так геометр говорит: «Пусть существует треугольник». (3) Для обозначения условия в общем смысле. Говорится, что мы ищем что бы то ни было, кроме счастья *ex hypotheseos*, условно. Наилучшее государство есть идеально совершенное, второе наилучшее — наилучшее на земле, третье наилучшее — наилучшее *ex hypotheseos*, при каких-то обстоятельствах. Свобода есть *hypothesis*, или условие, демократии. (4) Для обозначения антецедента гипотетической пропозиции. (5) Для обозначения риторического вопроса, подразумевающего какие-то факты. (6) В «Синописе» Пселла, для обозначения ссылки субъекта на то, что он денотирует. (7) Наиболее обычно в наше время — для обозначения заключения аргумента, сделанного из следствия и консеквента к антецеденту. Именно таково мое употребление этого термина. (8) Для обозначения такого заключения, основанная на котором теория слишком слаба, чтобы быть включенной в корпус научного знания. <...>

¹ [J. S. Mill. *Logic*. Bk. II. Ch. 3, § 3.]

лизом либо к дедукции или индукции, либо к дедукции и гипотезе.

15. Однако, хотя вывод, как оказалось, имеет три существенно различающихся друг от друга вида, все они тем не менее принадлежат к одному роду. Мы увидели, что нельзя законно сделать ни одно заключение, если к нему не пришли посредством последовательности аргументов, имеющих по две посылки и не подразумевающих ни одного факта, о котором не сделано утверждения.

16. Каждая из этих посылок есть пропозиция, утверждающая, что некоторые объекты обладают некоторыми свойствами. Заключение можно рассматривать как пропозицию, подставляемую на место любой из посылок при условии, что подмена оправдана фактом, постулированным в другой посылке. Заключение, соответственно, делается на основании любой из посылок путем замены либо субъекта этой посылки на новый субъект, либо — ее предиката на новый предикат, либо же посредством обеих замен. Замена же одного термина на другой может быть оправдана лишь в той мере, в какой заменяющий термин репрезентирует только то, что репрезентировано в термине заменяемом. Если поэтому денотировать заключение формулой

S есть P

и сделать путем замены субъекта такое заключение из посылки, которую, исходя из сказанного, можно было бы выразить формулой

M есть P,

то другая посылка должна утверждать, что все репрезентируемое S должно репрезентироваться и M, или что

Всякое S есть некое M,

а если заключение «S есть P» сделано на основании любой из посылок путем замены предиката, эта посылка будет иметь вид

S есть M,

и другая посылка должна утверждать, что все свойства, подразумеваемые в P, подразумеваются в M, или что

Все, что есть М, есть Р.

И в том и в другом случае, следовательно, силлогизм должно быть возможно выразить в форме

S есть М; М есть Р:
∴ S есть Р.

Наконец, если заключение отличается от каждой из посылок и субъектом и предикатом, форма заключения и посылки может быть изменена так, чтобы у них имелся общий термин. Мы не всегда способны это сделать, так как если Р — посылка, а С — заключение, их можно постулировать в таком виде:

Положение вещей, репрезентированное в Р, реально,
и

Положение вещей, репрезентированное в С, реально.
В этом случае другая посылка должна в какой-то форме виртуально утверждать, что любое такое положение вещей, как то, что репрезентировано в С, должно быть репрезентировано в Р.

Всякое имеющее силу рассуждение оказывается, таким образом, обладающим одной общей формой; и стремясь редуцировать всякое умственное действие к формулам сильного вывода, мы стремимся редуцировать его к одному-единственному типу.

17. Видимым препятствием редукции всякого умственного действия к тому или иному типу сильного вывода является существование ошибочного (fallacious) рассуждения, или заблуждения. Всякий аргумент подразумевает истинность общего принципа выводимости (будет ли эта истинность зависеть от чего-то фактического, относящегося к субъекту аргумента, или просто от относящейся к некоей системе знаков максимы), согласно которому он и оказывается аргументом, имеющим силу. Если этот принцип ложен, аргумент будет заблуждением (fallacy); но ни имеющий силу аргумент из ложных посылок, ни чрезвычайно слабая, однако хоть сколько-нибудь законная индукция или гипотеза — пусть их сила будет излишне преувеличена, пусть их заключение будет совершенно ложно — не будет заблуждением.

18. Итак, слова, взятые как они есть — в форме аргумента, — подразумевают тем самым наличие некоего факта, который необходим для того, чтобы аргумент был исчерпывающе доказательным (соключенным — *conclusive*). То есть, в таком случае, для занимающегося формальной логикой (того, кто имеет дело лишь со значениями слов в согласии с надлежащими принципами интерпретации, а не с могущим быть понятым лишь в опоре на какие-то другие указания намерением говорящего) ошибочность аргументов будет заключаться единственно в абсурдности и противоречивости — либо потому, что заключения этих аргументов абсолютно несвязны (*inconsistent*) с их посылками, либо потому, что эти аргументы связывают пропозиции некоей разновидностью выводной (*illative*) конъюнкции, которой они (с точки зрения силы аргумента) ни при каких обстоятельствах связаны быть не могут.

19. Однако для психолога аргумент будет иметь силу, только если посылки, на основании которых делается умозаключение, будучи истинными, достаточны для оправдания (*justification*) последнего — достаточны либо сами по себе, либо вместе с другими пропозициями, предварительно принятыми за истинные. Легко показать, что всякий делаемый человеком вывод, который не оказывается сильным в этом смысле, принадлежит к одному из четырех классов, и они таковы: (1) выводы, чьи посылки ложны; (2) выводы, обладающие совсем незначительной убедительностью (*force*), — но какой-то убедительностью все-таки обладающие; (3) выводы, получающиеся в результате принятия одной пропозиции за другую; (4) выводы, получающиеся в результате неотчетливого понимания, неверного применения или ложности правила выводимости. Если бы ошибочное рассуждение человека не принадлежало ни к одному из указанных классов, то из совершенно отчетливо мыслимых истинных посылок он — не будучи введен в заблуждение каким-либо предрассудком или другим суждением, использованным как правило выводимости, — пришел бы к заключению, реально несколько не уместному. Если бы такое было возможно, спокойствие, тщательность и осторожность вряд ли чем-то были бы полезны мыс-

ли — ведь польза осторожности лишь в том, что она позволяет учесть все факты и сделать их отчетливыми; спокойствие и хладнокровность также всего лишь позволяют нам быть осторожными и мешают страстям влиять на нас — не дают нам сделать вывод об истинности чего-то, если он основан на нашем желании этой истинности (или страхе перед ней), или если мы следуем какому-то другому неверному правилу вывода. Однако опыт показывает, что спокойный и тщательный учет одних и тех же отчетливо мыслимых посылок (включая предрассудки) гарантирует вынесение всеми людьми одного и того же суждения. Итак, если заблуждение относится к первому из указанных четырех классов и его посылки ложны, следует предположить, что либо умственная процедура, ведущая от этих посылок к заключению, верна, либо ее ошибочность относится к трем оставшимся классам — ибо нельзя предположить влияние ложности посылок на процедуру разума, если эта ложность разуму неизвестна. Если заблуждение относится ко второму классу и обладает какой-то, пусть самой небольшой, силой, оно представляет собой законный вероятный аргумент, то есть один из типов сильного вывода. Если это — заблуждение третьего класса, которое получается в результате принятия одной пропозиции за другую, такая путаница, должно быть, обязана своим возникновением сходству между этими двумя пропозициями; другими словами, рассуждающий, увидев у одной пропозиции какие-то свойства, которые принадлежат также и другой, заключает, что первая обладает всеми существенными свойствами второй, а поэтому эквивалентна ей. Это — гипотетический вывод, являющийся, несмотря на свою слабость и возможную ложность своего заключения, одним из типов сильного вывода; и следовательно (так как узловой пункт заблуждения находится в принятии одного за другое), имеющая место в таких заблуждениях третьего класса процедура ума не нарушает формулы сильного вывода. Если заблуждение относится к четвертому классу, оно получается либо в результате неверного применения или понимания правила выводимости — и поэтому относится к заблуждениям, основанным на путанице, — либо

в результате использования неверного правила вывода-мости. В этом последнем случае правило фактически берется как одна из посылок, а поэтому ложность заключения проистекает из ложности посылки. Получается, что процедура человеческого ума в каждом возможном для него заблуждении не выходит за рамки формулы сильного вывода.

Мысли-знаки

20. Согласно третьему из принципов, последствия которых мы должны дедуцировать, всякий раз, когда мы мыслим, нашему сознанию налично (*present*) некоторое переживание, образ, понятие или другая репрезентация, и оно служит нам знаком. Однако из нашего собственного существования следует (и это доказывается наличием в нем незнания и заблуждения), что все, присутствующее для нас, есть проявление (*phenomenal manifestation*) нас самих. Это не мешает такому присутствующему быть феноменом чего-то вне нас — так радуга есть одновременно проявление и солнца и дождя. Получается, что, когда мы мыслим, мы сами — как мы есть в этот момент — проявляемся как знак. Знак же как таковой отсылает к чему-то тремя способами: во-первых, он есть знак для (*stands to*) некоей мысли, его интерпретирующей; во-вторых, он есть знак, замещающий (*stands for*) некий объект, которому в этой мысли он эквивалентен; в-третьих, он есть знак в (*stands in*) некотором аспекте (*respect*) или качестве, которое связывает его с его объектом. Зададимся вопросом о том, что есть эти три коррелята, к которым отсылает мысль-знак.

21. (1) Когда мы мыслим, к какой мысли обращается (*addresses itself*) тот мысль-знак, который есть мы сами? Он может, через посредство внешнего выражения — какового он, по всей видимости, достигает только после немалого внутреннего развития, — обратиться к мысли другого лица. Но произойдет это или нет, он всегда интерпретируется нашей собственной последующей мыслью. Если — после какой бы то ни было мыс-

ли — поток идей свободно течет далее, он следует закону умственной ассоциации. В этом случае каждая предшествующая мысль предпосылает (*suggests*) нечто мысли, следующей за ней, т. е. оказывается знаком для этой последней. Наше последовательное сцепление мыслей может, правда, быть прервано. Но мы должны помнить, что в дополнение к принципиальному элементу мысли в нашем уме в любой момент есть сотня вещей, на которые, пусть и в самой минимальной степени, направлено какое-то внимание или осознание. Поэтому из того, что новая составляющая мысли становится наиважнейшей, вовсе не следует, что мыслительная последовательность, которой она пришла на смену, прерывается совершенно. Наоборот, из нашего второго принципа («Нет интуиции или такого познания, которое не было бы детерминировано предыдущим познанием») вытекает, что новый, неожиданный опыт никогда не является делом мгновения, но является *событием*, занимающим время и пришедшим к своему свершению через непрерывный процесс. Поэтому знаменательность (*prominence*) этого опыта для сознания должна быть, вероятно, венцом некоего нарастающего процесса; а если так, то для мысли, только что бывшей ведущей (*leading*), нет достаточной причины прекратиться решительно и мгновенно. Однако если мыслительная последовательность прекращается или постепенно угасает, она на протяжении всей своей длительности свободно следует собственному закону ассоциации, и нет ни одного момента, в который имела бы место некая принадлежащая этому ряду мысль и последовательно за которым не имела бы места другая мысль, интерпретирующая или повторяющая эту первую. Поэтому из закона, в согласии с которым каждый мысль-знак переводится или интерпретируется в последующем мысли-знаке, нет исключений — если не считать того случая, когда всякая мысль приходит к решительному и окончательному концу в момент смерти.

22. (2) Следующий вопрос таков: что замещает мысль-знак — что он называет — что есть его *suppositum*? Внешняя вещь, несомненно — если мыслится именно какая-то реальная внешняя вещь. Но в то же время всякая мысль, будучи детерминирована предыдущей мыслью о том же

объекте, ссылается на вещь лишь через денотирование этой предыдущей мысли. Допустим, к примеру, что мыслится Туссен <Лувертюр>, и будучи сперва мыслимым как *негр*, он мыслится как человек неотчетливо. Отчетливость может добавиться потом лишь через посредство мысли, что *негр* есть *человек*. Другими словами, последующая мысль, *человек*, ссылается на данную внешнюю вещь благодаря тому, что она сказывается о предыдущей мысли, *негр*, которая как раз и мыслится об этой вещи. Если мы далее помыслим о Туссене как о генерале, то мы будем мыслить, что этот негр, этот человек был генералом. И таким образом, последующая мысль в любом случае денотирует то, что мыслилось в предыдущей мысли.

23. (3) Мысль-знак замещает свой объект в том аспекте, в каком он <объект> мыслится. Иначе говоря, этот аспект есть в мысли непосредственный объект осознания, или, другими словами, этот аспект есть сама мысль или по меньшей мере то, каковой мысль мыслится в последующей мысли, для которой эта первая есть знак.

24. Теперь предметом нашего рассмотрения должны стать чрезвычайно важные в теории познания два других свойства знаков. Ясно, что поскольку знак не тождествен обозначаемой им вещи, но различается с ней в некоторых аспектах, у него должны иметься некоторые свойства, принадлежащие ему самому по себе и не имеющие отношения к его репрезентативной функции. Такие свойства я называю *материальными* качествами знака. Примером этих качеств можно назвать трехбуквенность (consisting of three letters) слова «man», плоскость и нерельефность изображения (picture). Во-вторых, знак должен быть способен быть связанным (connected) (не в разуме, а реально) с еще одним знаком того же объекта или с самим этим объектом. Так, слова вообще ничего бы не стоили, если бы их нельзя было связывать в предложения посредством реальной связки, соединяющей знаки одной и той же вещи. Полезность некоторых знаков — таких, как флюгер, ярлык и т. д. — целиком состоит в их реальной связанности с теми самыми вещами, которые они обозначают. В случае изображения такая связанность, не будучи наглядной, все же существу-

ет в способности ассоциации, связывающей картину с тем мозговым знаком (brain-sign), который является ее меткой (labels it). Эту реальную, физическую связанность знака с его объектом — либо непосредственную, либо опосредованную связью с другим знаком — я называю *чистой демонстративной применимостью* (pure demonstrative application) знака. Что касается репрезентативной функции знака, то ее не стоит искать ни в его материальном качестве, ни в чистой демонстративной применимости. Причина здесь в том, что данная функция, не будучи тем, что знак есть сам по себе или в реальном отношении к своему объекту, оказывается тем, что знак есть *для мысли* — в то время как свойства, получившие выше свое определение, принадлежат знаку независимо от его обращенности к какой бы то ни было мысли. И все же, если я возьму все имеющие некоторые свойства вещи и физически свяжу их с еще одним рядом вещей, каждую с каждой, они станут способны быть знаками. Если их не рассматривают (they are not regarded) как таковые, они не есть действительно знаки, однако они все-таки знаки в том смысле, в котором, например, о цветке, которого не видели, можно сказать, что он *красный* — ибо «красный» также является термином, относящимся к умственной аффектации (affection).

25. Рассмотрим то состояние ума, которое мы называем понятием. Оно есть понятие в силу обладания *значением*, логическим охватом (comprehension); и если понятие будет применимо к какому бы то ни было объекту, то потому, что этот объект обладает свойствами, содержащимися в охвате этого понятия. Что касается логического охвата, то, как обычно считается, он состоит из содержащихся в нем мыслей; мысли же суть события, акты ума. Две мысли это два отделенных во времени события, и одна не может буквально содержаться в другой. Можно сказать, что все в точности подобные мысли рассматриваются как одна мысль — что слова о содержании одной мысли в другой значат, что одна мысль содержит мысль, в точности подобную этой другой. Но как две мысли могут быть подобны? Два объекта могут лишь *рассматриваться* как подобные — если в уме они сравниваются и сводятся вместе. Мысли не могут суще-

ствовать где-то помимо ума — как они рассматриваются, так они и существуют. Следовательно, две мысли не могут *быть* подобными, пока они не сведены вместе в уме. Но с точки зрения их существования две мысли разделены интервалом времени. Мы слишком легко склонны вообразить, что способны сформировать (frame) мысль, подобную некоторой прошлой мысли, путем сопоставления первой с последней — как будто эта прошлая мысль до сих пор присутствует для нас. Однако ясно, что знание о подобии или какой бы то ни было репрезентативности одной мысли по отношению к другой не может быть взято из непосредственного восприятия, но должно быть гипотезой (несомненно, полностью оправданной фактически), и так же ясно, что формирование такого рода репрезентативной мысли должно зависеть от реальной силы, приводящей сознание в действие (real effective force behind consciousness), а не просто от умственного сопоставления. Поэтому, говоря, что одно понятие содержится в другом, мы должны иметь в виду (mean), что мы обычно (normally) представляем одно как сущее в другом; то есть что мы формируем некоторую частную разновидность суждения,¹ субъект которого обозначает одно понятие, а предикат — другое.

26. Таким образом, ни одна мысль сама по себе (и ни одно переживание само по себе) не содержит в себе каких-то других, а является абсолютно простой и неанализируемой. Сказать же, что она составлена из других мыслей (или других переживаний), будет подобно тому, чтобы сказать, что движение по прямой линии составлено из двух движений, для которых оно является результирующим — другими словами, такие слова будут метафорой или фикцией, параллельной истине. Всякая сколь угодно искусственная или сложная мысль есть — в той мере, в какой она непосредственно присутствует — про-

¹ Суждение, выносимое относительно минимума информации, теорию какого суждения можно найти в моей статье об Охвате и Расширении (Comprehension and Extension) [«Upon Logical Comprehension and Extension», *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*. Vol. 7 (Nov. 13, 1867). P. 416-32. См. Том II настоящего издания, «Спекулятивная грамматика», п. 173-208>].

стое бесчастное ощущение, а поэтому есть сама по себе, вне подобия любой другой мысли — не подлежащая сравнению ни с какой другой и абсолютно *sui generis*.¹ Все, что полностью несравнимо ни с чем другим, — полностью необъяснимо, потому что объяснение состоит в подведении под общие законы или распределении по естественным классам. Следовательно, всякая мысль в той мере, в какой она есть особенного рода переживание, является попросту окончательным, необъяснимым фактом. И все же то, что этому факту следует позволить остаться необъяснимым, не противоречит моему постулату. Ибо, с одной стороны, мы никогда не бываем способны мыслить «Это присутствует (*is present*) для меня», так как до того, как у нас появляется время на рефлексю, ощущение уже оказывается в прошлом; а, с другой стороны, если оно прошло, мы никогда не будем способны вернуть качество переживания таким, каким оно было *само по себе и для себя* (*in and for itself*), или знать, каково оно было само по себе, или даже обнаружить существование этого качества в каком-то другом виде нежели как следствие из нашей общей теории самих себя, и поэтому — не в его характерности (*idiosyncrasy*), а только как нечто присутствующее. Однако как присутствующие все переживания подобны друг другу и не требуют объяснения, ибо содержат в себе только всеобщее. Получается, что необъяснимым остается не все то, что мы способны истинно сказывать о переживаниях, а только то, что мы неспособны знать рефлексивно. Также получается, что мы не впадаем в противоречие рассмотрения Опосредованного как непосредуемого (*making the Mediate immediable*). Наконец, ни одна присутствующая дей-

¹ Обратите внимание, что я говорю: *сама по себе* (*in itself*). Я не настолько радикален, чтобы отрицать подобие моего сегодняшнего ощущения красного моему вчерашнему ощущению красного. Я лишь говорю, что это подобие может *состоять* (иметь свою связность — *consist*) только в физиологической силе, приводящей сознание в действие (*force behind consciousness*), — которая заставляет меня сказать: я признаю (заново познаю — *recognize*) это переживание тем же самым, что и некоторое прошлое переживание, и которая поэтому не состоит в общности (*community*) ощущения.

ствительная мысль (будучи всего лишь переживанием) не обладает каким бы то ни было значением, интеллектуальной ценностью (value); ибо это значение лежит не в том, что действительно мыслится, но в том, с чем эта мысль может быть связана в репрезентации ее последующими мыслями. Отсюда следует, что значение всякой мысли есть нечто, полностью виртуальное. Можно возразить, что если ни одна мысль не имеет никакого значения, то всякая мысль лишена значения. Однако это будет заблуждением, подобным тому, чтобы сказать, что если ни в одном из сменяющих друг друга частей пространства, которые занимает тело, нет места для движения, то нет места для движения во всем пространстве движения тела вообще. В моем сознании ни в одно мгновение нет ни знания, ни представления, однако в отношении между моими состояниями сознания в разные мгновения — есть.¹ Коротко говоря, Непосредственное (the Immediate) (а поэтому само по себе не подверженное опосредованию — то есть Неанализируемое, Необъяснимое, Неинтеллектуальное) протекает непрерывным потоком через наши жизни. Оно есть совокупность сознания, чье опосредование, которое и есть его непрерывность, обязано своим существованием реальной действующей силе, подразумеваемой сознанием.

27. Таким образом, мы имеем в мысли три элемента; во-первых, репрезентативная функция, которая делает мысль *репрезентацией*; во-вторых, чистое денотативное применение — или реальная связь, — которое приводит одну мысль в *отношение* с другой; и в-третьих, материальное качество — или то, как мысль переживает-ся, — которое дает мысли ее *качество*.

28. То, что ощущение не есть с необходимостью интуиция, или первое впечатление чувств, очень наглядно демонстрируется примером с переживанием прекрасного; это также было показано² и на примере звука. Если ощущение прекрасного детерминировано предыдущими

¹ Точно так же, соответственно, как мы говорим, что тело в движении, а не что движение в теле, нам необходимо сказать, что мы — в мысли, а не что мысли — в нас.

² <«Questions Concerning Certain Faculties Claimed for Man», *Journal of Speculative Philosophy*. Vol. 2 (1868). P. 103–114.>

знаниями, оно всегда возникает как предикат — то есть мы думаем, что нечто прекрасно. Когда ощущение возникает подобным образом как следствие других, индукция показывает, что эти другие оказываются более или менее сложными. Так, ощущение какой-то особой разновидности звука возникает как следствие испытываемых разными нервами уха впечатлений, которые сочетаются особым образом и следуют друг за другом с некоторой скоростью. Ощущение цвета зависит от впечатлений глаза, с некоторой регулярностью и некоторой скоростью следующих друг за другом. Выполнение того же самого будет обнаружено во всех случаях. Во-вторых, все эти ощущения сами по себе просты, или более просты, чем ощущения, благодаря которым они возникли. Соответственно, ощущение есть простой предикат, заступающий на место сложного предиката — иначе говоря, оно выполняет функцию гипотезы. Однако общий принцип, согласно которому все, к чему принадлежит такое-то и такое-то ощущение, имеет такой-то и такой-то сложный ряд предикатов, это не тот принцип, который детерминирован разумом (как мы видели), а тот, что обладает произвольной природой. Следовательно, класс гипотетических выводов, с которым схоже возникновение ощущения, есть класс рассуждения от определения к определяемому, в котором большая посылка обладает произвольной природой. Только в таком модусе рассуждения эта посылка детерминирована конвенциями языка и выражает случай, при котором слово должно быть употреблено. С точки же зрения формирования ощущения оно детерминировано конституцией нашей природы и выражает случай, при котором возникает ощущение, или естественный умственный знак. Таким образом, ощущение в той мере, в какой оно что-то репрезентирует, детерминировано, в согласии с логическим законом, предыдущими знаниями; другими словами, эти знания детерминированы тем, что должно быть некое ощущение. Но в той мере, в какой ощущение есть просто переживание особого рода, оно детерминировано только некой необъяснимой, скрытой силой; и в той же мере оно не есть репрезентация, но только материальное качество репрезентации. Ибо в точности подобно рассуждению от

определения к определяемому, где для логика безразлично, как должно звучать определяемое слово или сколько оно должно содержать букв, в случае этого устроющего (constitutional) слова оно не детерминируется внутренним законом относительно того, как оно будет переживаться (shall feel) само по себе. Поэтому переживание как таковое есть просто *материальное качество* умственного знака.

29. Тем не менее нет такого переживания, которое не было бы также и репрезентацией, предикатом чего-то, логически детерминируемым переживаниями, ему предшествовавшими. Ибо если и есть такие переживания-непредикаты, то это — эмоции. Всякая же эмоция имеет субъект. Если человек рассержен, то он говорит себе «то или иное оскорбительно и возмутительно». Если он в радости, он говорит «это чудесно». Если он удивлен, он говорит «это странно». Коротко говоря, всякий раз, когда человек переживает, он о *чем-то* мыслит. Даже те страсти, что не имеют определенного объекта — как меланхолия, — осознаются только как некоторая дополнительная окраска (tingeing) *объектов мысли*. Видеть же атрибуты Я (affections of self) в эмоциях более, чем в других познаниях, нас заставляет то, что мы находим их более зависимыми от нашей случайной ситуации, чем имеющие место в тот же момент другие познания. Однако это всего лишь значит, что они суть слишком ограниченные (narrow) познания, чтобы как-то их использовать. Как демонстрирует даже небольшое наблюдение, эмоции возникают, когда наше внимание крепко приковано к сложным и немислимым обстоятельствам. Страх возникает, когда мы не можем предсказать нашу судьбу; радость — в случае некоторых неопишуемых и особенно сложных ощущений. Если что-то указывает на возможность того, в чем я весьма заинтересован и что, как я предчувствовал, должно было случиться, и если после взвешивания вероятностей, изобретения способа самозащиты и напряженного ожидания дальнейшей информации я обнаруживаю себя неспособным прийти к какому-то закреплению заключению в отношении будущего, на месте искомого мной интеллектуального гипотетического вывода возникает чувство *тревоги*. Если слу-

чается нечто, что я не способен объяснить, я *удивляюсь*. Когда я пытаюсь внутренне осознать (realize) для себя нечто, что я никогда не способен сделать, некое удовольствие в будущем, я *надеюсь*. «Я вас не понимаю» — фраза рассерженного человека. Неопишущему, невыразимому, не умещающемуся в уме присуще возбуждать те или иные эмоции — но ничто так не утишает страсть, как научное объяснение. Таким образом, эмоция всегда есть простой предикат, которым умственная операция подменяет некоторый очень сложный предикат. Если же мы учтем, что некоторый очень сложный предикат требует объяснения посредством гипотезы, что назначение гипотезы — быть тем более простым предикатом, который встает на место сложного, что, когда у нас есть какая-то эмоция, гипотеза в строгом смысле вряд ли возможна, — аналогия между ролями, которые играют эмоция и гипотеза, окажется весьма впечатляющей. Между эмоцией и гипотезой есть та разница, которая дает нам основание, в случае последней, сказать, что некоторый сложный предикат будет истинно сказываться о том, о чем истинно сказывается соответствующий простой гипотетический предикат. В то же время в случае эмоции не может быть никакого основания для пропозиции, ее выражающей — она будет детерминирована всего лишь нашей эмоциональной конституцией. А так как именно это в точности соответствует разнице между гипотезой и рассуждением от определения к определяемому, то эмоция, по-видимому, есть не что иное, как ощущение. Тем не менее между эмоцией и ощущением есть, кажется, некоторая разница, и я постулировал бы ее следующим образом:

30. Есть основание полагать, что в наших телах имеет место некоторое движение, соответствующее каждой эмоции внутри нас. Это свойство мысли-знака, по причине того, что оно не находится ни в какой рациональной зависимости от значения этого знака, можно сравнить с тем, что я назвал материальным качеством знака. Однако оно отличается от последнего в той мере, в какой ее переживание не будет существенно необходимо для того, чтобы какой бы то ни было мысль-знак имел место. В случае с ощущением множество предшествующих

ему и его детерминирующих впечатлений не относится к той разновидности, соответствующие которой телесные движения происходят из какого-то большого нервного узла или мозга, и, вероятно, именно это есть основание того, что ощущение не производит сколько-нибудь значительной подвижности в телесном организме. Также само по себе ощущение не принадлежит тем мыслям, которые обладают очень сильным влиянием на поток мысли — если только в силу информации, источником которой оно может послужить. Наоборот, эмоция возникает гораздо позднее в развитии мысли (я имею в виду, дальше от первоначально познания объекта этой мысли): мысли, которые детерминируют ее, уже имеют соответствующие им движение в мозге или главном нервном узле. Следовательно, она производит значительные движения в теле и независимо от ее репрезентативной ценности оказывает значительное влияние на поток мысли. Человек в первую очередь (и очевидно) совершает те животные движения, о которых я говорю, когда: краснеет, бледнеет, уставляется взглядом на что-нибудь, улыбается, хмурится, недовольно поджимает губы, смеется, рыдает или просто «хнычет», бессознательно отстраняется от резкого движения, вздрагивает, дрожит, «каменеет» от испуга или еще чего-нибудь, вздыхает, втягивает воздух носом, пожимает плечами, когда из его груди вырывается стон, когда его сердце «уходит в пятки» или начинает быстро биться и т. д. и т. д. К этим, вероятно, во вторую очередь можно добавить и другие, более сложные действия, которые тем не менее происходят от прямого импульса и не являются сколько-нибудь обдуманными.

31. То, что отличает и ощущения в собственном смысле слова и эмоции от переживания мысли, это то, что в случае двух первых материальное качество выходит на первый план, так как мысль оказывается лишенной отношения основания с мыслями, ее детерминирующими, каковое отношение существует в последнем случае и уменьшает внимание, уделяемое просто переживанию. Под отсутствием отношения основания с детерминирующими мыслями я имею в виду, что в содержании мысли нет ничего, что бы объясняло, почему она должна возникнуть именно в случае этих детерминирующих мыс-

лей. Если такое отношение основания есть, если мысль существенно ограничена в своем применении к этим объектам, то эта мысль охватывает мысль, иную, нежели она сама; другими словами, она в таком случае есть сложная мысль. Несложная мысль может, следовательно, быть не чем другим, как ощущением или эмоцией, не имеющими рационального свойства. Сказанное очень разнится с распространенным учением, согласно которому высочайшие и наиболее метафизические понятия абсолютно просты. Меня спросят, как можно проанализировать стоящее в этом ряду понятие *бытия*, или как я вообще смогу, не пользуясь счетом (*diallelon*), определить *один*, *два* и *три*. Я должен сразу же признать, что ни одно из этих понятий не может быть разделено на два других, более высоких, чем оно само; и, следовательно, в этом смысле я полностью признаю, что некоторые весьма метафизические и явно интеллектуальные представления (*notions*) абсолютно просты. Но хотя эти понятия не могут быть определены через родовое отличие, существует еще один способ дать им определение. Всякая детерминация происходит через отрицание; мы изначально можем распознать какое-то свойство, лишь сравнив объект, который им обладает, с объектом, который им не обладает. Следовательно, понятие, которое было бы вполне общим в любом аспекте, нераспознаваемо (*unrecognizable*) и невозможно. Мы не приобретаем понятие Бытия в смысле, подразумеваемом родительным падежом,¹ наблюдая, что все вещи, которые мы только можем помыслить, обладают чем-то общим, ибо нет такой наблюдаемой вещи, как Бытие. Мы обретаем его, рефлекслируя над знаками — словами или мыслями; мы наблюдаем, что разные предикаты могут быть приложимы к одному и тому же субъекту и что каждый из них делает приложимой к этому субъекту какое-то понятие; затем мы воображаем, что нечто может истинно сказываться о любом субъекте просто по причине того, что к нему приложим предикат (какой угодно) — и это мы называем Бытием. Следовательно, понятие бытия есть

¹ <В оригинале: «the conception of Being, in the sense implied by the copula, [...]».>

понятие о знаке — мысли или слове; и поскольку оно приложимо не к каждому знаку, оно не есть изначально общее, хотя оно и есть таковое в своем опосредованном приложении к вещам. Следовательно, бытие может быть определено; оно может быть определено, например, как то, что оказывается общим и для всех объектов, включенных в какой бы то ни было класс, и для объектов, в него не включенных. Но нет ничего нового в том, чтобы сказать, что метафизические понятия суть изначально и в своем существе мысли о словах, или мысли о мыслях; таково учение и Аристотеля (чьи категории есть части речи), и Канта (чьи категории есть свойства разных видов пропозиций).

32. Ощущение и способность абстрагирования или внимания в некотором смысле могут рассматриваться как единственные составляющие всякой мысли. Первое мы уже рассмотрели, и теперь нам стоит попытаться проанализировать вторую. Силой внимания подчеркивается один из элементов сознания. Отсюда следует, что само это внимание не является объектом непосредственного осознания; и в этом аспекте оно полностью разнится с переживанием. А так как подчеркивание состоит, тем не менее, в некотором воздействии на сознание (будучи поэтому способным существовать только в той мере, в какой оно влияет на наше знание); и так как никакой акт даже предположительно не может детерминировать то, что предшествует ему во времени, акт подчеркивания может состоять только в имеющейся у подчеркнутого познания способности как-то воздействовать на память или вообще влиять на последующую мысль. Это подтверждается тем фактом, что внимание есть дело непрерывного количества; ибо непрерывное количество, насколько мы о нем знаем, сводится в конечном счете ко времени. Соответственно, мы обнаруживаем, что внимание фактически производит очень значительное воздействие на последующую мысль. Во-первых, оно сильно влияет на память, и чем больше внимания было изначально уделено мысли, тем дольше она помнится. Во-вторых, чем больше уделяется внимания, тем теснее связь внутри логической последовательности мысли и тем более точна эта последняя. В-третьих, вниманием мысль

может вернуть то, что было забыто. Из совокупности этих фактов мы понимаем, что внимание есть способность, которой мысль в одно время связывается и ставится в отношении с мыслью в другое время; или, если мы применим понятие мысли как знака, что оно есть *чистое демонстративное применение* мысли-знака.

33. Внимание возбуждается, когда один и тот же феномен снова и снова являет свое присутствие (*presents itself*) в разных случаях или когда один и тот же предикат присутствует у разных субъектов. Мы видим, что А обладает некоторым свойством, что им же обладает и В, и С; это возбуждает наше внимание, и мы говорим: «У *этих* есть это свойство». Таким образом, внимание есть акт индукции; однако это индукция, которая не увеличивает нашего знания, потому что нашим словом «эти» имеется в виду не что иное, как примеры опыта. Коротко говоря, внимание есть аргумент от перечисления.

34. Внимание производит те или иные воздействия на нервную систему. Эти воздействия есть привычки, или нервные ассоциации. Привычка возникает, когда мы, испытав ощущение выполнения некоторого акта *m* в нескольких случаях *a, b, c*, начинаем выполнять его каждый раз, когда происходит некое общее событие *l*, особыми случаями которого являются *a, b, c*. Другими словами, тем познанием, что

Каждый из случаев *a, b, c* есть случай *m*,

детерминируется то познание, что

Каждый случай *l* есть случай *m*.

Получается, что формирование привычки есть индукция, а поэтому необходимо оно связано с вниманием или абстрагированием. Произвольные действия есть результат производимых привычками ощущений — так же как инстинктивные действия есть результат нашей изначальной природы.

35. Таким образом, мы увидели, что каждая модификация сознания — Внимание, Ощущение и Понимание (*Understanding*) — есть вывод. Могут возразить, что, так как вывод имеет дело только с общими терминами, образ, или абсолютно единичная репрезентация, невыводим.

36. «Единичный» («Singular») и «индивидуальный» — неоднозначные термины. «Единичный» может значить «такой, который способен быть только в одном месте в одно время». В этом смысле единичное не противопоставляется общему (general). Солнце (the sun) в этом смысле единично — однако это, что объясняется в любом хорошем логическом трактате, есть общий термин. Я могу иметь очень общее понятие о Ермолае Варваре, однако я мыслю его только как способного быть в одном месте в одно время. Когда образ называют единичным, имеют в виду, что он абсолютно детерминирован во всех аспектах. Об этом образе должно истинно сказываться каждое возможное качество — или отсутствие такового. По словам одного из самых выдающихся толкователей этого учения, образ человека «должен быть либо образом белого, либо черного, либо смуглого; распрямленного либо согбенного; высокого либо низкого, либо обладающего средним ростом».¹ Он должен быть образом человека с закрытым либо открытым ртом, чьи волосы точно такого-то и такого-то оттенка, чья фигура имеет в точности такие-то и такие-то пропорции. Ни один постулат Локка не был так отрицательно воспринят приверженцами учения об образах, как его отрицание того, что «идея» треугольника должна быть либо идеей тупоугольного, либо прямоугольного, либо остроугольного треугольника. Фактически образ треугольника должен быть образом одного-единственного треугольника — каждый из углов которого должен иметь данное число градусов, минут и секунд.

37. Если так, то, по всей видимости, ни один человек не имеет *истинного* образа дороги к конторе, где он служит, или любой другой реальной вещи. На деле он вообще не имеет образа этой дороги, если не способен не только признать ее, но и вообразить (истинно или ложно) во всех ее бесконечных подробностях. Исходя из всего этого, мы можем сильно усомниться в том, что когда-либо имеем в своем воображении такую вещь, как образ. Я попрошу читателя взглянуть на ярко-красную книгу или другой объект яркого цвета, а затем закрыть глаза и

¹ [Berkeley, *Principles of Human Knowledge*, § 10, Introduction.]

сказать, *видит* ли он (ярко или смутно) этот цвет — имеет ли место на деле внутри него что-то зрительное вообще. Юм и другие последователи Беркли считают, что нет разницы между видом красной книги и памятью о ней, разве что в «степени их силы и живости». «Цвета в нашей памяти, — пишет Юм, — смутны и притуплены по сравнению с теми, в которые облачены наши изначальные восприятия».¹ Если бы эта разница была установлена правильно, мы должны были бы помнить книгу менее красной, чем она есть на самом деле; но фактически мы помним цвет книги с очень большой точностью в течение нескольких мгновений (попрошу читателя проверить самого), хотя ничего подобного ему мы не видим. Мы ничего не берем от цвета, кроме *сознания того, что мы могли бы признать его*. В качестве доказательства я еще раз попрошу читателя провести маленький эксперимент. Пусть он вызовет, если способен, образ лошади — не одной из тех, что он когда-либо видел, а любой воображаемой лошади — и прежде чем читать дальше, пусть он при помощи настойчивого созерцания закрепит образ в своей памяти... [sic]. Сделал ли читатель так, как я его попросил? Я возражаю против того, чтобы он продолжал читать дальше, не выполнив моей просьбы, ибо это было бы нечестно. Теперь читатель способен сказать в общем, какой масти была эта лошадь — серой, гнедой или вороной. Однако он, вероятно, не способен сказать *точно*, какого оттенка она была. Он не способен установить это так же точно, как был бы способен сразу после того, как *увидел* бы такую лошадь. Но почему, если в его уме имелся образ, который обладал общей мастью не больше чем частным оттенком, последний так внезапно исчез из его памяти, в то время как первая по-прежнему остается? Можно ответить, что мы всегда забываем подробности прежде более общих свойств; но недостаточность такого ответа демонстрируется, я считаю, чрезвычайной диспропорцией между продолжительностью памяти об увиденном точном оттенке — по сравнению с мгновенным забвением точного оттенка у чего-то воображаемого — и живостью памяти об увиденной вещи,

¹ [Ср. его *Treatise of Human Nature*, Pt. I, § 3 and Pt. III, § 5.]

которая лишь ненамного превосходит живость памяти о вещи воображаемой.

38. Номиналисты, я подозреваю, смешивают между собой то мышление о треугольнике, когда не мыслится, что он либо равносторонний, либо равнобедренный, либо неравносторонний, и то мышление о нем, когда не мыслится, равносторонний он, равнобедренный или неравносторонний.

39. Важно помнить, что у нас нет интуитивной способности различать между одним субъективным модусом познания и каким-нибудь другим; именно поэтому мы часто думаем, что нечто присутствует для нас как картина, в то время как это нечто реально собрано из незначительных данных нашим пониманием (*understanding*). Как раз такими являются сны, и это видно из частой невозможности дать умопостигаемый отчет о сне без добавления чего-то, чего, как мы чувствуем, в сне не было. Многие сны, превращаемые бодрствующей памятью в подробные и внутренне последовательные истории, по всей вероятности, фактически должны были быть просто беспорядочной совокупностью тех переживаний способности к признанию того или иного, о которых я только что упоминал.

40. Теперь я осмелюсь сказать, что никакие образы не возникают у нас даже в действительном восприятии. Чтобы доказать это, было бы достаточно разобрать пример со зрением; ибо если у нас не возникает никакой картины, когда мы смотрим на объект, то ни слух, ни осязание, ни другие переживания никак не могут приязать в этом аспекте на превосходство перед зрением. То, что картина не рисуется на нервах сетчатки, — абсолютно достоверно, если, как сообщают нам физиологи, эти нервы есть «игольные кончики», направленные к свету, и разделены расстоянием, ощутимо превышающим *минимально видимое*. То же демонстрируется нашей неспособностью воспринять то, что рядом с серединой сетчатки находится большое слепое пятно. Если, таким образом, когда мы смотрим, перед нами имеется некая картина, она оказывается собранной сознанием из посыла, который сообщается предыдущими ощущениями. Если допустить, что такие ощущения есть знаки, то

всего того знания о внешних вещах, которое мы выводим из зрения, понимание будет способно достигнуть, опираясь на рассуждение из этих знаков — в то время как сами ощущения не вполне приспособлены к формированию абсолютно детерминированного образа или репрезентации. Если у нас имеется образ или картина, мы должны иметь в уме репрезентацию поверхности, которая есть только часть всякой видимой нам поверхности, и мы должны видеть, что каждая сколь угодно малая часть имеет такой-то и такой-то цвет. Если мы смотрим с некоторого расстояния на крапчатую поверхность, мы, кажется, не видим, крапчатая она или нет; но если мы имеем перед собой образ, она должна являться нам либо как крапчатая, либо как не крапчатая. Опять же, глаз можно обучить различать минимально различающиеся цвета; но если мы видим только абсолютно детерминированные образы, мы должны — равно и обученным и необученным глазом — видеть каждый цвет как такой-то и такой-то частный оттенок. Итак, предположение о том, что, когда мы смотрим, перед нами имеется некий образ, оказывается гипотезой, не только ничего не объясняющей, но в действительности создающей затруднения, которые в свою очередь требуют новых гипотез, чтобы объяснить уже их.

41. Одно из этих затруднений проистекает из того факта, что подробности не так легко различить, как общие обстоятельства, и первые забываются быстрее, чем вторые. По этой теории, общие черты существуют в подробностях: подробности фактически и есть вся картина. Тогда кажется очень странным, что лишь вторично существующее в картине оказывает большее впечатление, чем вся картина целиком. Разобрать детали на старых полотнах и правда нелегко; однако причина здесь в том, что мы знаем, что почернение возникает с течением времени, а не является частью самой картины. Нет ничего затруднительного в том, чтобы разобрать детали картины в том виде, в каком она предстает перед нами в настоящем; затруднение в том, чтобы угадать, какой она была раньше. Но если мы имеем картину на сетчатке, ее мельчайшие детали будут столь же — нет, даже более — выдающимися, чем ее общие очертания и значимость ее

в целом. И тем не менее то, что действительно должно быть видимо, чрезвычайно трудно признать; то же, что лишь абстрагируется из увиденного, весьма очевидно.

42. Однако исчерпывающе доказательным (conclusive) аргументом против того, что у нас имеются образы или абсолютно детерминированные репрезентации в восприятии, будет то, что в таком случае в каждой подобной репрезентации мы имели бы материал для бесконечного количества сознательного знания, которого тем не менее мы никогда не осознаем. И ничего не значило бы, если бы мы сказали, что у нас в уме имеется что-то, что ни малейшим образом не воздействует на то, знание чего мы осознаем. Можно сказать лишь, что когда мы смотрим, мы оказываемся в положении, в котором <станем способны> достичь очень большого и, вероятно, бесконечно большого количества знаний о видимых качествах объектов.

43. Более того, то, что восприятия не есть нечто абсолютно детерминированное и единичное, очевидно из того факта, что каждое переживание представляет собой абстрагирующий механизм. Само по себе зрение информирует нас только о цветах и формах. Никто не сможет утверждать, что образы зрения детерминированы в отношении вкуса. Следовательно, они достаточно общи, чтобы быть ни сладкими, ни не сладкими, ни горькими, ни не горькими, ни вкусными, ни безвкусными.

44. Следующий вопрос касается того, встречаем ли мы общие понятия где-либо еще, кроме как в суждении. В восприятии, где мы знаем вещь как существующую, очевидно, имеет место суждение о том, что вещь существует, так как просто общее понятие вещи ни в коем случае не есть познание ее как существующей. Тем не менее обычно говорят, что мы способны вызвать любое понятие, не вынося при этом никакого суждения; но мы, видимо, в этом случае всего лишь произвольно допускаем, что имели какой-то опыт. Чтобы помыслить число 7, я допускаю, то есть я произвольно высказываю гипотезу или суждение, что перед моими глазами есть некоторые точки, и далее я сужу, что их семь. Это, по всей видимости, есть самое простое и рациональное воззрение относительно данного вопроса, и

я могу добавить, что именно его придерживались самые выдающиеся логики. Если так, то называемое ассоциацией образов есть в реальности ассоциация суждений. Ассоциация идей, как обычно говорят, происходит в согласии с тремя принципами — подобия, смежности и причинности. Но столь же истинно было бы сказать, что знаки денотируют что-то именно в согласии с этими тремя принципами подобия, смежности и причинности. Не подлежит сомнению, что нечто *есть* знак всего того, что ассоциируется с ним по подобию, смежности или причинности: нельзя сомневаться и в том, что всякий знак вызывает в памяти (recalls) им обозначаемое. Таким образом, получается, что ассоциация идей состоит в том, что одно суждение предоставляет случай (occasions) для еще одного, которого первое есть знак. Это же есть не больше и не меньше, чем вывод.

45. Все, в чем мы в малейшей степени заинтересованы, вызывает в нас соответствующую частную эмоцию, как бы неощутима она ни была. Эта эмоция есть знак и предикат данной вещи. Когда же перед нами свое присутствие являет вещь, подобная этой первой, возникает схожая эмоция; следовательно, мы непосредственно выводим, что последняя подобна первой. Приверженец формальной логики старой школы мог бы сказать, что в заключение не может входить ни один термин, который не содержался бы в посылках, и что поэтому предложение чего-то нового существенно разнится с выводом. Однако я отвечаю, что это правило логики применимо лишь к аргументам, носящим формальное название полных. Мы способны рассуждать следующим образом (и так и делаем) —

Элиас был человеком;

∴ Он был человеком.

И этот аргумент имеет такую же силу, что и полный силлогизм, хотя этим он обязан тому, что большая посылка последнего оказалась истинной. Если перейти от суждения «Элиас был человеком» к суждению «Элиас был смертен», в действительности не говоря себе «Все люди смертны», не будет выводом, то термин «вывод» употребляется в таком ограниченном смысле, что

за пределами книги по логике вряд ли можно встретить хотя бы один его пример.

46. Сказанное здесь об ассоциации по подобию истинно относительно всякой ассоциации вообще. Всякая ассоциация происходит знаками. Все имеет свои субъективные или эмоциональные качества, приписываемые либо абсолютно, либо относительно, либо же конвенциональным вменением чему бы то ни было, что есть его знак. И таким образом, мы рассуждаем:

Этот знак есть такой-то и такой-то;

∴ Этот знак есть эта вещь.

Если это заключение, тем не менее, видоизменить в опоре на другие соображения, оно примет вид:

Этот знак есть почти эта вещь (есть репрезентирующий эту вещь).

Человек, знак

47. Теперь мы переходим к рассмотрению последнего из тех четырех принципов, последствия которых нам надлежало выявить; того именно принципа, что абсолютно непознаваемое абсолютно немислимо. В том, что в согласии с картезианскими принципами сами реальности вещей не могут быть ни в малейшей степени известны, наиболее осведомленные лица убедились, должно быть, уже давно. Реакцией именно на это стал расцвет идеализма — учения, антикартезианского по своему существу как в случае с эмпирицистами (Беркли), так и среди ноологистов (Гегель, Фихте). Принцип, который мы будем обсуждать, идеалистичен в прямом смысле; ибо, так как значение слова есть понятие, которое оно передает, абсолютно непознаваемое не имеет значения по той причине, что к нему не приложимо никакое понятие. Следовательно, данное слово лишено значения; и, далее, что бы ни имелось в виду под таким термином, как «реальное», оно в какой-то степени познаваемо, а поэтому имеет природу некоторого познания, в объективном смысле этого термина.

48. В любой момент мы обладаем некоторой информацией, то есть познаниями, логически — индуктивно и гипотетически — полученными из предыдущих познаний, которые менее общи, менее отчетливы и менее живо осознаваемы нами. Эти последние в свою очередь были выведены из других еще менее общих, отчетливых и живых; и так далее до некоего идеального¹ первого, которое было в достаточной степени единичным и в достаточной мере неосознаваемым. Идеальное первое есть частная вещь в себе. *Как таковая* она не существует. То есть нет вещи, которая была бы в себе, в смысле не была бы как-то соотнесена с умом, хотя вещи, соотнесенные с умом, вне сомнения, есть и помимо такой их соотнесенности. У познаний, которые таким образом достигают нас посредством указанного бесконечного ряда индукций и гипотез (которая хотя и бесконечна *a parte ante logice*, тем не менее есть один непрерывный процесс, имеющий начало *во времени*), есть две разновидности — это истинные и неистинные познания, или те познания, чьи объекты *реальны*, и те, чьи — *нереальны*. Что же мы имеем в виду под реальным? Это понятие, которое мы впервые получили, когда обнаружили, что существует и нереальное, иллюзия; то есть когда мы в первый раз поправили себя. Различие же, которого требовала логика для этого факта, было различием между *ens*, относящимся к приватным внутренним детерминациям, отрицаниям, принадлежащим характерности, и таким *ens*, которое оставалось (*stand*) бы в конечном счете (*in the long run*). Реальное, таким образом, есть то, к чему рано или поздно окончательно привели бы (*would finally result in*) информация и рассуждение, и что, следовательно, независимо от моих или ваших причуд. Итак, само происхождение понятия реальности показывает, что это понятие по своему существу подразумевает представление (*notion*) о СООБЩЕСТВЕ, не имеющем определенных границ и способном к определенному приращению знания. А поэтому два упомянутых ряда познаний — реальных и нереальных — состоят из тех познаний, которые до

¹ Под идеалом я имею в виду предел, которого не может достичь возможное.

наступления достаточно отдаленного будущего сообщество будет всегда непрерывно снова и снова утверждать; и из тех, которые при подобных же условиях будут всегда впоследствии отрицаться. Пропозиция же, ложность которой никогда нельзя будет установить и ошибочность которой поэтому будет абсолютно непознаваемой, не содержит, согласно нашему принципу, абсолютно никакой ошибки. Следовательно, то, что мыслится в таких познаниях, и есть реальное — так как оно реально есть. Таким образом, ничто не препятствует нашему знанию внешних вещей такими, какие они есть, и наиболее вероятно, что в бесчисленных случаях мы такими их и знаем, хотя никогда и не будем способны достоверно знать, что именно так знаем их в данном особом случае.

49. Однако из сказанного также следует, что поскольку ни одно наше познание не детерминировано абсолютно, общие должны иметь реальное существование. Такой схоластический реализм обычно расценивают как убеждение в метафизических фикциях. На деле же реалист это тот, кто не знает менее понятной (*more respondite*) реальности, чем та, которая репрезентирована в истинной репрезентации. И поэтому, поскольку слово «человек» истинно сказывается о чем-то, то, что «человек» значит, реально. Номиналист должен признать, что «человек» истинно приложимо к чему-то; но он убежден, что под этим что-то существует вещь в себе, непознаваемая реальность. Так что метафизическая фикция имеет место именно в его убеждении. Современные номиналисты в своем большинстве люди поверхностные, не знающие того, что знали более добросовестные Росцеллин и Оккам, — что реальность, никак не репрезентированная, есть реальность без отношений и качеств. Главный аргумент в пользу номинализма гласит, что нет человека, если нет какого-то частного человека. Тем не менее это никак не влияет на реализм Скота; ибо хотя и нет человека, относительно которого можно было отрицать всякую дальнейшую детерминацию, есть некоторый человек, т. е. абстракция от всякой дальнейшей детерминации. Есть реальная разница между человеком безотносительно к тому, какой может быть дру-

гая его детерминация, и человеком с тем или иным набором частных детерминаций, пусть эта разница есть, несомненно, лишь в отношении к уму, а не *in re*. Такова позиция Скота.¹ Согласно главному возражению Оккама, не может быть такого реального различия, которого не было бы *in re*, в вещи в себе; но это спорно, так как само по себе основывается всего лишь на представлении (*notion*), что реальность есть нечто независимое от репрезентативного отношения.²

50. Если такова в общем природа реальности, в чем состоит реальность ума? Мы видели, что содержание сознания, совокупность феноменального проявления ума, есть знак, оказывающийся результатом вывода. Поэтому, согласно тому нашему принципу, что абсолютно непознаваемое не существует и феноменальное проявление субстанции есть субстанция, мы должны заключить, что ум есть знак, разворачивающийся (*developing*) по законам вывода. Что отличает человека от слова? Отличие здесь, несомненно, есть. Материальные качества, силы, конституирующие чистое денотативное применение, и значение человека как знака (*human sign*) чрезвычайно сложны по сравнению со словом. Однако эта разница лишь относительна. Что еще есть в этом знаке? Можно сказать, что человек осознает (*is conscious*), слово же — нет. Но сознание — термин очень смутный. Он может значить ту эмоцию, которая сопровождает рефлексию о том, что мы обладаем животной жизнью. Такое сознание притупляется, когда животная жизнь в упадке — в старости или во сне, — но не притупляется, когда в упадке жизнь духовная; оно тем живее, чем лучше человек оказывается как *животное*, но не живее, чем лучше человек оказывается как *человек*. Мы не атрибутируем

¹ [Eadem natura est, quae in existentia per gradum singularitatis est determinata, et in intellectu hoc est ut habet relationem ad intellectum ut cognitum ad cognoscens, est indeterrminata. <Природа равным образом есть то, что в своем существовании детерминировано по степени единичности, а в интеллекте не детерминировано, то есть, так относится к последнему, как познаваемое к познающему. — лат.> — *Quaest. Subtillissimae*, lib. 7, qu. 18.]

² [См. его аргумент в *Summum logices*. Pars 1. Cap. 16.]

этому ощущению слова, потому что у нас есть основание быть убежденными в том, что оно зависит от обладания животным телом. Тем не менее это сознание, будучи лишь ощущением, есть только часть материального качества человека-знака. Сознание, опять же, употребляется для обозначения *я мыслю*, или единства мысли; но единство это не что иное, как связность (consistency) или признание таковой. Связность относится к каждому знаку в той мере, в какой он есть знак; и, следовательно, каждый знак, в первую очередь обозначающий именно то, что он — знак, обозначает собственную связность. Человек-знак приобретает информацию и начинает значить больше, нежели значил раньше. Но то же самое происходит и со словами. Разве не значит электричество в наши дни нечто большее, нежели то было во времена Франклина? Человек создает слова, и слово значит не более, чем то, что человек создал его значить, да и то не для всякого человека. Но поскольку человек способен мыслить только посредством слов или других внешних символов, эти последние могут обернуться к нему и сказать: «Всему, что ты значишь/имеешь в виду, научили тебя мы, и даже так ты способен на это только в той мере, в какой ты обращаешься к какому-то слову как интерпретанту своей мысли». Фактически получается, что люди и слова взаимно обучают друг друга; каждое увеличение объема имеющейся у человека информации (man's information) подразумевает соответствующее увеличение объема информации, имеющейся у слова (word's information), и наоборот.

51. Чтобы не утомить читателя излишним затягиванием этой параллели, достаточно сказать, что в человеческом сознании нет ничего такого, что не имело бы чего-то соответствующего в слове; основание подобного утверждения очевидно. Оно в том, что слово (или знак), употребляемое человеком, *есть* сам человек. Ибо как тот факт, что всякая мысль есть знак, взятый вместе с тем фактом, что жизнь есть последовательность (train) мысли, доказывает, что человек это знак, так же и то, что всякая мысль есть *внешний* знак, доказывает, что человек есть *внешний* знак. Другими словами, человек и внешний знак тождественны в том же смысле, в ка-

ком тождественны слова *homo* и *человек*. Таким образом, мой язык есть совокупность (the sum total) меня самого; ибо человек есть мысль.

52. Человеку трудно это понять, потому что он упорствует в отождествлении себя со своей волей, своей властью над животным организмом, с грубой силой. Но организм есть лишь инструмент мысли. И самотождественность (identity) человека состоит (consists) в *связности* (consistency) того, что он делает и что мыслит, а связность есть интеллектуальное свойство вещи, то есть ее выражение чего-то.

53. Наконец, в той же степени, в которой все реально сущее есть то, чем оно может окончательно стать как нечто известное в идеальном состоянии полной информации, так что эта реальность зависит от окончательного решения упомянутого сообщества, мысль есть то, что она есть, лишь в силу ее обращенности к будущей мысли, и эта последняя по своей мыслеценности (thought value) тождественна с ней, хотя и более развернута. Таким образом, получается, что существование мысли зависит от того, что будет впоследствии; а поэтому она имеет лишь потенциальное существование, зависимое от будущей мысли сообщества.

54. Индивидуальный человек, поскольку его отдельное существование проявляется лишь в его невежестве и заблуждении, в той мере, в какой он в чем-то отделен от таких же смертных и от того, чем ему и им должно стать (are to be), есть только отрицание. Этот человек —

«... proud man,
Most ignorant of what he's most assured,
His glassy essence».¹

¹ <«...гордец, / более всего невежественный в том, в чем более всего уверен — / в своей зеркальной сущности».>

ОСНОВАНИЯ СИЛЫ ЗАКОНОВ ЛОГИКИ: ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЧЕТЫРЕХ НЕСПОСОБНОСТЕЙ¹

Возражения против силлогизма

1. Если, как я утверждал в статье, помещенной в прошлом номере этого журнала,² всякое суждение есть результат вывода, то сомневаться во всяком выводе — то же самое, что сомневаться во всем. Аргументы, показывающие самопротиворечивость абсолютного скептицизма, выдвигались не раз; но это заблуждение: а даже если и нет, то все равно такое утверждение не стало бы аргументом против абсолютного скептика, так как он не признает того, что все противоречивые пропозиции неистинны. Такого человека на деле невозможно было бы сдвинуть с его точки зрения, ведь его скептицизм состоит в том, чтобы, рассматривая всякий аргумент, никогда не принимать решения о том, имеет ли он силу; поэтому он стал бы вести себя точно так же и по отношению к аргументам, которые выдвигаются против него.

Но тогда получается, что такого существа, как абсолютный скептик, нет. Всякое умственное предприятие состоит в выводе, и поэтому, хотя и есть неодушевленные объекты, лишённые убеждений, наделенного интеллигенцией существа в таком состоянии быть не может.

Тем не менее сомневаться во всяком принципе выводимости для некоторого лица вполне возможно. Он мог не изучать логики, а потому, хотя какая-нибудь логи-

¹ <«Grounds of Validity of the Laws of Logic: Further Consequences of Four Incapacities», *Journal of Speculative Philosophy*. Vol. 2 (1868). P. 193–208.>

² [См. «Некоторые последствия четырех неспособностей», п. 32.]

ческая формула звучит для него со всей очевидностью истинно, он может чувствовать себя немного неуверенно относительно того, не закрался ли в нее какой-нибудь тонкий обман. И правда, среди моих самых образованных и уважаемых читателей наверняка найдутся такие, кто отрицает, что в общем признаваемые людьми законы логики имеют универсальную силу. Но я обращаюсь в том числе и к тем, кто подобных сомнений не имеет, ибо даже для них может быть интересно рассмотреть, каким образом эти принципы оказываются истинными. Наконец, поскольку я выдвинул в предшествующих номерах этого журнала несколько довольно еретических принципов философского исследования, один из которых гласит, что ничто не может быть признано абсолютно необъяснимым,¹ мне подобает принять вызов, который был брошен мне, дабы показать, как в согласии с моими принципами сила законов логики может быть объяснимой.

2. С самого начала меня должны прервать кардинальным возражением против моего предприятия в целом. Мне скажут, что вся сила моей дедукции логических принципов, которая сама по себе есть аргумент, зависит от истинности самих рассматриваемых принципов; так что каким бы ни могло быть доказательство, оно должно принять за данное как раз то, что требуется доказать. Но на это я отвечу, что я не обращаюсь ни к абсолютным скептикам, ни вообще к людям, пребывающим в состоянии какого бы то ни было фиктивного сомнения. Я требую от читателя быть добросовестным; и если он уверится в заключении — принять его. Нет ничего, что бы помешало человеку воспринять силу некоторых особых аргументов, хотя он еще не знает, что выполняется некоторый общий закон аргументации; ибо общее правило может выполняться в одних случаях и не выполняться в других. Человек может хорошо рассуждать и не понимая принципов рассуждения, так же как он может хорошо играть в бильярд, не понимая аналитической механики. Если ты, читатель, действительно обнаружишь, что моя аргументация имеет для тебя уверительную силу, будет всего лишь притворством называть ее нелогичной.

¹ [См. «Некоторые последствия четырех неспособностей», п. 2.]

3. В том, что если один знак денотирует в общем все денотируемое вторым, и если этот второй денотирует в общем все денотируемое третьим, то первый денотирует в общем все денотируемое третьим, не сомневается никто, схватывающий значение этих слов. Дедукция общей формы силлогизма, следовательно, будет состоять всего лишь в объяснении *suppositio communis*.¹ То же, что занимаю-

¹ Слово *suppositio* это один из тех полезных средневековых технических терминов, которые были осуждены пуристами Ренессанса как неправильные. Ранние логики различали *significatio* и *suppositio*. Определение *significatio* таково: «*rei per vocem secundum placitum representatio*». <представление вещи через высказывание согласно особому соглашению. — *лат.*> Он относится исключительно к ведению лексикографии и зависит от особого соглашения (*secundum placitum*), а не от общего принципа. *Suppositio* принадлежит не прямо к *vox*, а к *vox*, как имеющему то или иное *significatio*. «*Unde significatio prior est suppositione et differunt in hoc, quia significatio est vocis, suppositio vero est termini jam compositi ex voce ex significatione*». <Таким образом обозначение стоит выше суппозиции, а отличаются они в том, что обозначение является речью, суппозиция же есть термин, который принадлежит только той речи, которая уже имеет какое-то обозначение. — *лат.*> Разные *suppositiones*, которые могут принадлежать к одному слову с одним *significatio*, суть разные смыслы, в которых это слово может быть взято в согласии с общими языковыми или логическими принципами. Так, слово *table* (стол; таблица) имеет разные *significationes* в выражениях «*table of logarithms*» («*таблица логарифмов*») и «*writing-table*» («*письменный стол*»); но слово *man* (человек) имеет одно и то же *significatio*, и лишь *suppositiones* — разные, в следующих предложениях: «*A man is an animal*» («*человек есть животное*»), «*a butcher is a man*» («*мясник есть человек*»), «*man cooks his food*» («*человек приготавливает свою еду*»), «*man appeared upon the earth at such a date*» («*человек появился на земле в такое-то время*») и т. д. Некоторые из более поздних авторов предприняли попытку заменить термин «*suppositio*» на «*acceptio*»; но мне представляется, что, когда научная терминология более не осуждается, наилучшим бы было возродить термин *суппозиция* (*допущение* — *supposition*). Следует добавить, что поскольку логические и языковые принципы употребления разных частей речи разнятся, применение суппозиции должно быть ограничено принятием какого-либо *субстантива* (*substantive*). Термин *copulatio* употреблялся для обозначения принятия *прилагательного* или *глагола*.

щийся формальной логикой имеет в виду под выражением формы «Всякое М есть Р», это: «Что бы то ни было, о чем может сказываться М, есть Р; так, если S есть М, это S есть Р». Следовательно, посылку «Всякое М есть Р» можно отрицать; но принять ее недвусмысленно и в предполагающемся смысле — есть принять, что вывод: «S есть Р, если S есть М» выполняется. Следовательно, тот, кто не отрицает, что S есть Р — при том, что М, S, Р суть такие любые термины, что S есть М и всякое М есть Р, — не отрицает ничего, что занимающийся формальной логикой утверждал бы в этом отношении; тот же, кто отрицает это, попросту обманут двусмысленностью языка. То, как мы выносим любые суждения вроде вышеприведенного «Всякое М есть Р», можно понять из теории реальности, выдвинутой в статье в прошлом номере. Там было показано, что реальные вещи имеют познавательную, а поэтому знаковую природу, так что реальное есть то, что обозначает нечто реальное.¹ Следовательно, сказывать что бы то ни было о чем бы то ни было реальном есть сказывать его о том, о чем о самом сказывается этот субъект (реальное); ибо сказывать что-то о чем-то еще — это устанавливать, что первое есть знак второго.

4. Эти соображения показывают нам основание силы формулы

$$\begin{aligned} S \text{ есть } M; M \text{ есть } P: \\ \therefore S \text{ есть } P. \end{aligned}$$

Она выполняется, чем бы ни могли быть S и P, при условии, что они таковы, что между ними можно обнаружить какой-то средний термин. Следовательно, то, что P будет отрицательным термином, или S — частным, никак не помешает силе формулы. Отсюда вытекает, что следующие формулы также имеют силу:

$$\begin{aligned} S \text{ есть } M; M \text{ не есть } P: \\ \therefore S \text{ не есть } P. \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{Некоторое } S \text{ есть } M; M \text{ есть } P: \\ \therefore \text{Некоторое } S \text{ есть } P. \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{Некоторое } S \text{ есть } M; M \text{ не есть } P: \\ \therefore \text{Некоторое } S \text{ не есть } P. \end{aligned}$$

¹ [См. «Некоторые последствия четырех неспособностей», п. 48.]

5. Более того, если весь тот класс выводов, что зависит от введения относительных терминов, может быть сведен к данной выше общей форме, то демонстрируется, что эти выводы также имеют силу. Так, доказано, что верно рассуждать следующим образом:

Всякое отношение субъекта к своему предикату есть отношение релятива «не находится в отношении X, если не находится в отношении X с чем-то» («not X'd, except by the X of some») к своему корреляту, где X — есть какой угодно релятив.

Всякое отношение «человека» к «животному» есть отношение субъекта к предикату.

∴ Всякое отношение «человека» к «животному» есть отношение релятива «не находится в отношении X, если не находится в отношении X с чем-то» («not X'd, except by the X of some») к своему корреляту, где X — есть какой угодно релятив.

Всякое отношение релятива «не находится в отношении X, если не находится в отношении X с чем-то» («not X'd, except by the X of some») к своему корреляту, где X — есть какой угодно релятив, есть отношение релятива «не *наделен головой*, если не [наделен] чьей-то *головой*» («not *headed*, except by the *head of some*») к своему корреляту.

∴ Всякое отношение «человека» к «животному» есть отношение релятива «не наделен головой, если не наделен чьей-то головой» («not *headed*, except by the *head of some*») к своему корреляту.¹

6. В то же время, как можно увидеть из этого примера, доказательство того, что эти выводы имеют силу, зависит от предполагаемой истинности некоторых общих постулатов, касающихся относительных единиц (relatives). Все приведенные формулы могут быть деду-

¹ «Если кто-то при помощи обычного силлогизма докажет, что, поскольку всякий человек есть животное, следовательно, всякая голова человека есть голова животного, я буду готов задать ему следующий вопрос». — Морган: «О силлогизме четвертой фигуры и логике отношений» (De Morgan: «On the Syllogism No. IV and on the Logic of Relations»). [Transactions, Cambridge Philosophical Society, X. Pt. II. P. 337.]

цированы из того принципа, что в системе знаков, в которой ни один знак не берется в двух разных смыслах, два знака, разнящиеся только манерой репрезентации их объекта, но эквивалентные с точки зрения их значения, могут всегда быть подставлены один вместо другого. В любом случае фальсификации этого принципа модус существования репрезентируемой вещи зависел бы от того или иного модуса ее репрезентации, что, как было показано в статье в прошлом номере, противно природе реальности.¹

7. Следующая формула силлогизма, которую нам следует рассмотреть, такова:

S есть иное, нежели P; M есть P:

∴ S есть иное, нежели M.

Значение слов «не» («not») или «иное, нежели» («other than»), кажется, вызывает большие затруднения у немецких логиков, и это, возможно, потому, что они употребляются в разных смыслах. Если так, я намерен отстоять силу приведенной формулы, только если *иное, нежели* употребляется в некотором частном смысле. Говоря, что одно (вещь или класс) есть иное, нежели второе, я имею в виду, что любое — какое угодно — третье тождественно с классом, который составлен из этого третьего и чего угодно, что было бы одновременно первым и вторым. Например, если я говорю, что крысы не есть мыши, я имею в виду, что любой третий класс — например, собаки — тождествен собакам *плюс* крысам-которые-есть-мыши; другими словами, добавление крыс-которые-есть-мыши к чему угодно оставляет это последнее тем, чем оно было. Так как ничего больше я не имею в виду, говоря, что S есть иное, нежели P, я имею в виду абсолютно то же самое, говоря, что P есть иное, нежели S; и говоря, что S есть иное, нежели M, — то же самое, что говоря, что M есть иное, нежели S. А поэтому вышеприведенная формула это лишь другой способ написать следующее:

M есть P; P не есть S:

∴ M не есть S.

Но сила этого вывода уже была нам продемонстрирована.

¹ [См. «Некоторые последствия четырех неспособностей», п. 48.]

8. Очень схожа с вышеприведенной следующая формула:

S есть M; некоторое S есть P:
 ∴ Некоторое M есть P.

Говоря, что нечто из класса обладает каким бы то ни было свойством, я имею в виду всего лишь, что неистинен ни один постулат, подразумевающий, что ничто из этого класса не обладает этим свойством. Но сказать, что ничто из этого класса не обладает этим свойством — как я понимаю слово «не» — значит сказать, что ничто, обладающее этим свойством, не принадлежит этому классу. Следовательно, сказать, что нечто из A есть B, — как я понимаю слова и в единственном смысле, в котором я отставляю эту формулу, — значит сказать, что некоторое B есть A. В этом смысле последняя формула сводится к следующей — чья сила уже была продемонстрирована:

Некоторое P есть S; S есть M:
 ∴ Некоторое P есть M.

9. Единственные демонстративные силлогизмы, которые не были включены в приведенные выше формы, это Теофрастовы наклонения, которые легко редуцируются посредством простых обращений.

10. Рассмотрим теперь, какие возражения могут быть выдвинуты против всего вышесказанного, и возьмем те из них, которые действительно не раз выдвигались против разных силлогистических формул, — начиная с возражений общей природы и заканчивая софизмами, провозглашающимися неразрешимыми с точки зрения правил обычной логики.

Очень древнее представление (*notion*) гласит, что ни одно доказательство ничего не стоит, так как покоится на посылках, которые сами по себе требуют доказательства, каковое в свою очередь опять покоится на посылках — и так до бесконечности. Реально это показывает лишь то, что ничто нельзя доказать по ту сторону *возможности* сомнения; что ни один аргумент нельзя законно использовать против абсолютного скептика; и что вывод есть только переход (*transition*) от одного познания к другому, а не творение самого познания. Однако это возражение нацеливается гораздо дальше, а именно

показать (как, кажется, оно наверняка и показывает), что вывод не только не способен произвести какое-либо *непогрешимое* познание, но неспособен *произвести* какое бы то ни было познание вообще. Истинно то, что поскольку некоторое суждение предшествует всякому выведенному суждению, то либо первые посылки невыводимы, либо таковых нет вообще. Однако из этого не следует, что поскольку в ряду не было никакого первого, то этот ряд не имел начала во времени; ибо ряд может быть *непрерывным*¹ и мог начаться постепенно (*gradually*), как было показано в статье в этом томе,² где это затруднение уже было разрешено.

11. В чем-то схожее с этим возражение было выдвинуто Локком³ и другими,⁴ смысл которых был в том, что обычный демонстративный силлогизм есть *petitio principii* в той мере, в какой заключение уже имплицитно постулировано в большей посылке. Возьмите, к примеру, силлогизм

Все люди смертны;
Сократ — человек;
∴ Сократ смертен.

Говорят, что попытка доказать, что Сократ смертен, направляется на вопрос, так как если заключение отрицается кем-то, этот кто-то тем самым отрицает, что все люди смертны. Но эти соображения реально доказывают лишь то, что этот силлогизм — демонстративный. Называть его *petitio principii* есть просто языковая путаница. Странно, что философы, столь подозрительно относящиеся к таким словам, как *виртуальный* и *потенциальный*, оставляют слово «имплицитный» без всякого объяснения. *Petitio principii* состоит в рассуждении от неизвестного к неизвестному. Поэтому, что касается этой разновидности заблуждения, логик, занятый только установлением того, какие из общих

¹ В кантианском смысле. — 1893.

² [«Questions Concerning Certain Faculties Claimed for Man», *Journal of Speculative Philosophy*. Vol. 2 (1868). P. 103–114.]

³ [An Essay Concerning Human Understanding. Bk. IV. Ch. xvii, § 4.]

⁴ [Например, Дж. С. Миллем; см. его *System of Logic*. Bk. II. Ch. iii.]

форм аргументации имеют силу, может в лучшем случае отметить те случаи, в которых в соответствии с логическими принципами посылка некоторой формы не может быть известна более, чем соответствующей формы заключение. Однако ясно, что за пределы области логика, который только предложил установить, какие формы фактов подразумевают какие другие, исследовать, способен ли человек обладать знанием общих пропозиций в отсутствие знания каждой частной, в них содержащейся, посредством естественной интуиции (*insight*), божественного откровения, индукции или свидетельства (*testimony*). Единственный случай *petitio principii*, который он может отметить, это предположение заключения в его посылке; и несомненно, что называющие силлогизм *petitio principii*, убеждены, что именно это имеет место в вышеприведенной формуле. Однако пропозиция «Все люди смертны» сама по себе не подразумевает утверждения, что Сократ смертен, но лишь — что «что бы истинно не сказывалось о человеке, это — смертно». Другими словами, не заключение подразумевается в значении посылки, но лишь сила силлогизма. Поэтому рассматриваемое нами возражение сводится лишь к тому доводу, что силлогизм не имеет силы, потому что он демонстративен.¹

12. Гораздо более интересное возражение гласит, что силлогизм есть чисто механический процесс. Он происходит согласно голому правилу или формуле; поэтому можно создать машину, которая составляла бы термины посылок именно таким образом, как это делается в силлогизме. Если так (а это так), то аргумент будет в том, что силлогизм не может мыслиться; что в нем нет жизни. Свифт осмеял силлогизм в своем «Путешествии в Лапуту», описав машину для изготовления знания:

«При помощи этого приспособления самые невежественные могли за разумную плату, и приложив немного телесного труда, писать книги по философии, поэзии,

¹ М-р Милль полагает, что силлогизм есть просто формула для воспоминания забытых фактов. Нельзя понять, значит ли это, что он отрицает то, что, как полагают все логики с кантовских времен, силлогизм служит, чтобы сделать спутанные мысли отчетливыми, или, что он не знает, что это — обычное учение.

политике, праву, математике и теологии без малейшей помощи со стороны гения или учености».

Идея, подразумеваемая этим возражением, как кажется, заключается в том, что для применения какой-либо формулы или использования какой-либо машины требуется ум. Если же этот ум сам по себе лишь еще одна формула, требуется еще один ум, чтобы привести этот первый в действие (*operation*), и так далее *ad infinitum*. Это возражение не достигает своей цели во многом подобно первому из нами рассмотренных. Это как если бы человек обратился к геодезисту со словами: «Вы не даете истинной репрезентации этой земли; Вы лишь измеряете длину, которая отделяет одни точки от других — другими словами, линии. Если Вы отмечаете углы, то лишь для построения треугольников, которые позволили бы Вам получить длины их сторон. И когда в конечном счете Вы изготавливаете карту, то используете карандаш, который, опять же, способен чертить лишь линии. Так что вы имеете дело исключительно с линиями. Но ведь земля это поверхность; а никакое сколь угодно большое число линий не даст в результате поверхности, сколь угодно малой. Поэтому Вы никак не репрезентируете землю». Геодезист, я полагаю, ответил бы: «Сэр, Вы доказали, что мои линии не могут дать в результате земную поверхность, и что поэтому моя карта не есть земля. Я никогда и не имел в виду, что это так. Однако все это не мешает моей карте — в той мере, в какой она для этого предназначена, — истинно репрезентировать землю. Она не может репрезентировать каждую травинку; но не репрезентирует она и того, что какой-то травинки нет там, где она есть. Абстрагироваться от обстоятельств не значит отрицать их». Допустим, что возражающий в этом месте сказал бы: «Абстрагироваться от обстоятельств значит отрицать их. Везде, где ваша карта не репрезентирует травинку, она именно репрезентирует, что травинки нет. Давайте рассматривать вещи в согласии с имеющейся у них их собственной оценкой». Геодезист ответил бы только: «Эта карта представляет собой мое описание данной местности. Ее собственная оценка не превышает ту, которую я ей приписываю, и весь мир понимает, что я имею виду под этой картой».

Разве не было бы совершенно необоснованным требовать, чтобы все понимали именно то, что я имею в виду, если мне и так удалось снискать полное понимание?» Каков будет ответ возражающего на этот вопрос, я предоставляю право сказать любому, кто считает, что позиция возражающего основательна. Дело же в том, что описанное возражение параллельно выдвигаемому против силлогизма. Показывается, что любое число силлогизмов не может конституировать совокупную сумму какого бы то ни было умственного действия — в сколь бы узких границах оно ни было взято. Это положение можно беспрепятственно признать за истинное, и однако из него не следует, что силлогизм не будет истинно репрезентировать умственное действие — в той мере, в какой он вообще для этого предназначается (*purports*). Есть основание для убеждения в том, что действие ума есть, так сказать, непрерывное движение. Учение же, которое воплощено в силлогистических формулах (в той мере, в какой они вообще приложимы к уму), гласит, что если в этом движении ум занимает две каких-то следующих друг за другом позиции, то между этими позициями будут обнаружены некоторые отношения. Никакое число последовательностей таких позиций поистине не способно составить непрерывное движение; и именно это, я полагаю, имеется в виду под словами о том, что силлогизм представляет собой мертвую формулу, в то время как мышление — живой процесс. Однако ответить на это следует в том смысле, что силлогизм предназначен репрезентировать ум не в аспекте его жизненности или омертвелости, но лишь в аспекте отношений между разными его суждениями об одном и том же. Следует также добавить, что отношение между силлогизмом и мыслью выстраивается не из формально-логических, а из психологических причин. Все, что имеет сказать занимающийся формальной логикой, это то, что если факты, способные получить выражение в таких-то и таких-то словах, истинны, другой факт, чье выражение соотносится некоторым образом с выражением этих первых, также истинен.

13. Гегель учил, что обычное рассуждение «односторонне». В какой-то мере он хотел этим сказать, что при помощи подобного вывода можно лишь частично узнать

истинное о некотором объекте — благодаря тому, что выводимые предикаты будут общими и абстрагированными. Такое возражение, следовательно, в чем-то сходно с предыдущим; ибо оно сводится к тому, что никакое число силлогизмов не даст полного знания объекта. Оно, однако, вызывает затруднение, которого не вызывает первое; а именно: если ничто непознаваемое не существует и всякое знание обязано посредством умственного действия, то посредством умственного действия все познаваемо. Так что если посредством силлогизма все не познаваемо, силлогизмом не исчерпывается все умственное действие. Но стоит признать, что этот аргумент имеет силу, и окажется, что он доказывает слишком многое; ибо он делает ничего не стоящим не только силлогизм в частности, но и всякое конечное знание вообще. Как бы мало мы ни знали, всегда можно будет обнаружить что-то еще. Это, по всей видимости, противоречит тому факту, что ничто не может считаться абсолютно непознаваемым; и так бы оно и было на деле, *если наше знание* было бы чем-то абсолютно ограниченным. Ибо сказать, что никогда нельзя знать все, значит сказать, что информация может выходить за пределы какой угодно возможной назначенной (*assignable*) точки; то есть что абсолютный предел (*termination*) всякого роста знания абсолютно непознаваем, а поэтому не существует. Другими словами, эта пропозиция попросту значит, что сумма известного к любому моменту времени в будущем, сколь бы не был он от нас удален, имеет меньшее *ratio*, чем любое возможное назначенное *ratio* ко всему могущему быть известным в еще более удаленный момент времени. Однако это нимало не противоречит тому факту, что все познаваемо; это лишь противоречит той пропозиции — которой никто не может последовательно придерживаться, — что возможно познать все,¹ то есть что когда-то все вещи будут известны. И тем не менее можно с большой долей уверенности сказать, что по-прежнему остается затруднение относительно того, как может быть, что во всякое будущее время, сколь бы уда-

¹ Разница между этими двумя утверждениями подобна разнице между «Всякий человек есть сын некоторой женщины» и «Некоторая женщина есть мать всякого человека».

лено от настоящего оно ни было, сможет произойти что-то еще. Это уже не противоречие, но затруднение; другими словами, показывается, что *длины времени* не позволяют адекватного понятия будущности (futurity) в общем; и возникает вопрос, как мы могли бы помыслить это по-иному. На деле я мог бы, вероятно, — что было бы справедливо, — оставить рассмотрение этого вопроса и сказать, что данное затруднение в частном случае силлогизма удалено из него в настолько полном объеме, что для занимающегося формальной логикой нет особой необходимости в ее рассмотрении. Решение, впрочем, выглядит довольно просто. Оно состоит в том, что мы мыслим будущее в целом посредством учета того, можно ли взять это *слово* — как любой другой общий термин, например, «житель Сент-Луиса» — в распределительном или в собирательном смысле. Следовательно, мы мыслим бесконечное не прямо, или со стороны его бесконечности, но посредством рассмотрения слов или второй интенции (second intention).

14. Еще одно возражение, выдвигаемое против силлогизма, состоит в том, что употребляемое в нем слово «следовательно» всего лишь субъективно; что из силлогистического следования некоторого заключения из посылки не следует, что денотируемый заключением факт реально зависит от факта, денотируемого посылкой, а потому силлогизм не репрезентирует вещи такими, каковы они реально суть. Однако было исчерпывающе показано: если факты таковы, какими их репрезентируют посылки, они таковы, какими их репрезентирует заключение. Это — чисто объективный постулат; и, следовательно, между фактами, постулированными как посылки, и фактами, постулированными как заключение, существует реальная связь. И правда, зачастую имеет место лишь видимость дедуктивного рассуждения от действий к причинам. Так, мы можем рассуждать следующим образом: «Там — дым; дыма никогда не бывает без огня: следовательно, там был или есть огонь». И в то же время дым есть не причина огня, но его действие. Очевидно, что на деле во многих случаях событие являет собой демонстративный знак того, что произошло некоторое предшествующее событие. Следовательно, мы мо-

жем дедуктивно рассуждать от относительно будущего к относительно прошлому — при том, что причинность¹ реально детерминирует события в прямом порядке времени. Тем не менее если мы и способны так рассуждать — против потока времени, — то как раз благодаря тому, что реально есть тот факт, что «Если есть дым, то есть (был) огонь», и ему подобные — где последующее событие выступает антецедентом. На деле, если мы рассмотрим тот способ, которым нам становится известна подобная пропозиция, мы обнаружим, что реальное ее значение таково: «Если мы обнаружим дым, мы обнаружим (*shall find*) очевидное свидетельство в целом того, что там был или есть огонь»; а это, если реальность состоит в согласии, к которому в конечном счете придет все общество в целом, есть точно то же, что сказать, что там реально был или есть огонь. Коротко говоря, все настоящее затруднение мгновенно разрешается этой теорией реальности, потому что она делает всякую реальность чем-то, устанавливаемым (*constituted*) неопределенно будущим событием.

15. Еще одно возражение, авторство которого я отношу целиком на счет великого немецкого философа, состоит в том, что иногда заключение бывает ложным, несмотря на правильность как обеих посылок, так и самой силлогистической формы.¹ Автор возражения приводит следующие примеры. Из среднего термина — «стена покрашена в голубой цвет» — можно правильно заключить, что она голубая; и однако же, несмотря на этот силлогизм, она может быть зеленой, если она получила дополнительно и желтую окраску — из какового обстоятельства самого по себе следовало бы, что стена желтая. Если из <обладания> способностью к чувствованию — взятого как средний термин — заключить о том,

¹ В той мере, в какой у этого понятия имеется какая-то сила. — 1893.

¹ «So zeigt sich jener Schlusssatz dadurch als falsch, obgleich für sich dessen Prämissen und ebenso dessen Consequenz ganz richtig sind». <Таким образом, посредством этого всякое заключение предстает ложным, несмотря на то, что его посылки, точно так же, как и его следствия, сами по себе суть верны. — нем.> — гегелевские *Werke*. Т. V. С. 124. [Berlin, 1841].

что человек не хорош и не плох, так как ни то, ни другое не может сказываться о чувственном, то силлогизм правилен. Однако заключение ложно, ибо о конкретном человеке столь же истинно сказывается <обладание> духовностью, которое может послужить средним термином противоположного силлогизма. Из тяготения планет, спутников и комет к Солнцу — взятого в качестве среднего термина — правильно следует, что эти тела сталкиваются с Солнцем; но они не сталкиваются с ним, потому что (!) они столь же тяготеют к собственным центрам, или, другими словами (!!), они удерживаются центробежной силой. Что же имеет в виду Гегель — что приведенные силлогизмы удовлетворяют правилам силлогизма, выдвигаемым теми, кто отстаивает <силу> последнего, или что они, разумеется, не удовлетворяют *этим* правилам, а поэтому он намерен установить собственные, которые обеспечили бы в силлогизме следование ложного заключения из истинных посылок? Если верно второе, он обходит стороной реальный вопрос о том, правилен ли силлогизм, определенный правилами формальной логики, подменяя его вопросом о том, правилен ли силлогизм, представленный Гегелем. Но если он имеет в виду, что вышеприведенные примеры удовлетворяют обычно определению истинного силлогизма, он ошибается. Первый пример в надлежащей форме выглядит так:

Все, что покрашено в голубой, — голубое,

Эта стена покрашена в голубой:

∴ Эта стена голубая.

Если взять словосочетание «покрашено в голубой», оно может значить «покрашено голубой краской» или «покрашено так, что стало голубым». Если бы в примере имелось в виду первое, большая посылка была бы ложной. Так как Гегель постулирует (*states*), что она все-таки истинна, в словосочетание «покрашено в голубой» должно вкладываться именно второе значение. Слово «голубой», опять же, может значить «голубой в какое-то (*some*) время» или «голубой в данное (*this*) время». Если имеется в виду последнее, ясно, что большая посылка ложна; следовательно, имеется в виду первое. Однако о заключении сказано, что оно противоре-

чит установленному факту, который заключается в том, что стена желтая. Если бы «голубой» было взято здесь в более общем из двух смыслов, противоречия бы не было. Отсюда — в заключении Гегель имеет в виду, что эта стена голубая сейчас; другими словами, он рассуждает так:

Все, что сделано голубым, становится голубым;
 Эта стена была сделана голубой:
 ∴ Эта стена голубая сейчас.

Подставляя буквы вместо субъектов и предикатов, получаем форму:

M есть P;
 S есть M:
 ∴ S есть Q.

Это — не силлогизм ни в обычном смысле этого термина, ни в каком бы то ни было другом смысле, в котором кто бы то ни было мог отстаивать то, что силлогизм имеет силу.

Второй пример, приводимый Гегелем, если его рассмотреть в деталях, выглядит так:

Чувственность ни хороша, ни плоха;
 Человек *имеет* (а не *есть*) чувственность:
 ∴ Человек ни хорош, ни плох.

Этому аргументу можно придать и такую форму:

Чувственное (The sensuous) *как таковое* ни хорошо, ни плохо;
 Человек чувственен (is sensuous):
 ∴ Человек ни хорош, ни плох.

Замена субъектов и предикатов на буквы в любом из этих двух аргументов дает:

M есть P;
 S есть N:
 ∴ S есть P.

Это, опять же, если и напоминает силлогизм, то очень отдаленно.

Третий пример, будучи постулирован подробно, таков:

Все, что стремится (tends) к Солнцу, в целом сталкивается с Солнцем;

Планеты стремятся к Солнцу:

∴ Планеты сталкиваются с Солнцем.

Здесь заблуждение подобно только что разобранному примеру.

Мне остается лишь удивляться, что этот выдающийся логик не добавил к своему реестру правильных силлогизмов следующий:

Либо идет дождь, либо не идет;

Дождь не идет:

∴ Идет дождь.

Он заслуживает полностью серьезного рассмотрения не менее тех, что были разобраны выше. И дождливый день, и погожий, это в первую очередь дни. Во-вторых, каждый есть отрицание дня. Здесь безразлично, который из них считать положительным. Погожее есть Иное (the Other) дождливого, и так же дождливое есть Иное погожего. Так, оба суть в равной степени Иные (Others). Оба суть Иные каждого иного (друг друга — each other), или каждый есть Иное для себя. Таким образом, поскольку этот день иной, нежели дождливый, то, чему он будет Иное, есть он сам. Но он есть Иное, нежели он сам. Следовательно, он сам есть Дождливый.

Три разновидности софизмов

16. Несмотря на сказанное, софизмы, впервые представленные главным образом элеатами и софистами, реально разрешить при помощи силлогистических правил чрезвычайно сложно; и согласно некоторым современным авторам, в действительности такое разрешение невозможно. Эти софизмы подразделяются на три класса: во-первых, относящиеся к непрерывности; во-вторых, относящиеся к допущениям того, что нечто не таково, каково оно есть; в-третьих, относящиеся к пропозициям, подразумевающим их собственную ложность. Из тех, что принадлежат к первому классу, наиболее знамениты

Зеноновы аргументы о движении. Один из них гласит, что если Ахиллу нужно обогнать черепаху в какое бы то ни было конечное время, а черепаха начинает движение на каком-то расстоянии впереди Ахилла, которое можно назвать a , то Ахилл должен преодолеть сумму расстояний, репрезентируемых следующим многочленом:

$$\frac{1}{2}a + \frac{1}{4}a + \frac{1}{8}a + \frac{1}{16}a + \frac{1}{32}a \text{ и т. д.}$$

до бесконечности. Каждый член этого многочлена конечен, а сам он имеет бесконечное число членов, следовательно, Ахилл должен за конечное время преодолеть расстояние, равное этой сумме бесконечного числа конечных расстояний. Такое расстояние должно быть бесконечным, потому что помноженное на бесконечное число конечное расстояние, как мало бы ни было это последнее, может дать в результате только бесконечное расстояние. Так что даже если бы ни одно из этих конечных расстояний не было больше наименьшего (которое конечно, так как все — конечны), их сумма в целом все равно была бы бесконечной. Но Ахилл не способен преодолеть бесконечное расстояние за конечное время; следовательно, он ни за какое, сколь угодно большое время не способен обогнать черепаху.

Разрешение этого заблуждения таково. Допускается, что заключение следует из одного несомненного факта: Ахилл не способен обогнать черепаху без того, чтобы преодолеть бесконечное число членов приведенного выше ряда расстояний. То есть ни один случай обгона им черепахи не будет случаем не-преодоления им не-конечного (non-finite) числа членов; то есть (простым обращением) ни один случай не-преодоления им не-конечного числа членов не будет случаем обгона им черепахи. Но если он не преодолевает не-конечное число членов, он либо преодолевает конечное их число, либо не преодолевает ни одного; и наоборот. Следовательно, сказано было всего лишь то, что всякий случай преодоления им только конечного числа членов (или не преодоления ни одного) есть случай не-обгона им черепахи. Следовательно, заключить можно лишь о том, что он преодолевает расстояние, большее, чем сумма любого конечного числа членов приведенного выше ряда. Однако из того, что какое-то

число больше любого конечного числа членов некоторого ряда, не следует, что первое больше любого количества вообще.¹ Фактически рассуждение этого софизма может быть показано следующим образом. Мы начинаем с ряда чисел

$$\begin{aligned} & \frac{1}{2}a \\ & \frac{1}{2}a + \frac{1}{4}a \\ & \frac{1}{2}a + \frac{1}{4}a + \frac{1}{8}a \\ & \frac{1}{2}a + \frac{1}{4}a + \frac{1}{8}a + \frac{1}{16}a \\ & \text{и т. д., и т. д.} \end{aligned}$$

Тогда подразумеваемый этим аргумент будет выглядеть так:

Любое число этого ряда меньше a ;

Но какое угодно любое число меньше числа членов этого ряда:

Следовательно, какое угодно любое число меньше a .

Здесь очевидна путаница между числом членов, значением и величиной наибольшего из них.

17. Еще один Зенонов аргумент против движения состоит в том, что тело заполняет объем (space) не больше себя самого. В этом месте ему некуда двигаться (In that place there is no room for motion). Следовательно, когда тело есть в том месте, в каком оно есть, оно не движется. Но тело никогда не есть не в том месте, в котором есть. Следовательно, оно никогда не движется. Придав этому надлежащую форму, получаем:

Ни одно тело в месте, которое не больше, чем оно <место> само, не движется;

Но всякое тело есть тело в месте, которое не больше, чем оно <место> само:

∴ Ни одно тело не движется.

Ошибка этого аргумента состоит в том факте, что меньшая посылка истинна только в том смысле, что в течение достаточно краткого времени место, занимаемое телом, превышает само себя насколько угодно мало. Все,

¹ Различие здесь, опять же, аналогично различию между «Всякий человек есть сын некоторой женщины (some woman or other)» и «Некоторая (Some one) женщина есть мать всех людей». — 1893.

что можно из этого вывести, — в течение никакого времени тело не продвинется ни на какое расстояние.

18. Все аргументы Зенона зависят от допущения, что *continuum* имеет крайние (ultimate) части. Однако *continuum* есть в точности то, всякая часть чего имеет свои части — в том же смысле. Следовательно, Зенон приходит к своим противоречиям лишь на основании самопротиворечивого допущения. В обычном и математическом языке мы позволяем себе говорить о таких частях — *точках*, — и всякий раз, когда через это мы приходим к противоречию, чтобы преодолеть затруднение, мы просто должны выразиться тщательней.

19. Допустим, что на лист бумаги положили кусок стекла — так, что он покрывает половину листа. Тогда всякая часть бумаги либо покрыта, либо непокрыта; ибо «не» значит попросту «вне» или «иначе, чем». И тем не менее: покрыта или нет линия, пролегающая под краем стекла? Она не больше принадлежит части по одну сторону края, чем части по другую. Следовательно, она принадлежит либо обоим сторонам, либо ни одной. Не может быть, чтобы она не принадлежала ни одной стороне, ибо если так, то ее бы *не* было на каждой (ни на одной — *on either*) стороне, следовательно, не было бы на покрытой, следовательно, она (линия) была бы непокрыта, а значит, была бы на непокрытой стороне. Не может быть, чтобы линия была частью на одной, частью на другой, так как у нее нет ширины. Следовательно, она целиком принадлежит обоим сторонам, или: она есть вместе (*both*) и покрыта и непокрыта.

Решение этого затруднения будет связано с тем, что мы допустили часть, слишком узкую, чтобы быть частично покрытой, а частично непокрытой; другими словами, это часть, которая не имеет частей на непрерывной поверхности, не имеющей таких частей по определению. Взятое нами рассуждение поэтому служит лишь для того, чтобы свести это допущение к абсурду.

Можно сказать, что такая вещь, как линия, реально есть. Если на поверхность падает тень, светлое и темное реально разделяются. Это правда. Но нельзя сказать, что поскольку значение, которым мы наделяем покрытую часть поверхности, определено, мы знаем, что имеем в

виду, когда говорим, что некоторая линия покрыта. Мы можем определить покрытую линию как разделяющую две поверхности, которые обе покрыты, или же как разделяющую две поверхности, *каждая (either)* из которых покрыта. В первом случае пролегающая под краем стекла линия непокрыта; во втором — покрыта.

20. В софизмах, рассмотренных до сих пор, видимость противоречивости главным образом обязана неточности (ambiguity); в тех же, к которым мы теперь приступим, две истинных пропозиции по форме реально противостоят друг другу. Мы склонны думать, что такое непозволительно в формальной логике, хотя такой, знакомый нам, аргумент, как *reductio ad absurdum*, зависит от демонстрации того, что об одном субъекте истинно сказываются противоположные предикаты, и *что, следовательно, этот субъект не существует*. У многих логиков, и правда, утвердительные пропозиции утверждают существование своих субъектов.¹ Возражение этому таково, что подобный прием нельзя распространить на гипотетические <пропозиции>. Пропозицию

Если *A*, то *B*

удобно рассматривать как эквивалентную следующей:

Всякий случай истинности *A* есть случай истинности *B*.

Но мы можем так поступить, если последняя утверждает существование своего субъекта; то есть утверждает, что *A* реально имеет место (happens). Тем не менее, если категорико-утвердительную пропозицию рассматривать как утверждающую существование субъекта, принцип *reductio ad absurdum* гласит, что две пропозиции форм

Если бы *A* было истинно, *B* не было бы истинно

и

Если бы *A* было истинно, *B* было бы истинно

могут обе быть истинны одновременно; и если так, *A* — неистинно. Будет, наверное, неплохо это проиллюстри-

¹ Употребление обыденного языка не имеет никакого отношения к этому вопросу.

ровать. Ни один здравомыслящий человек не опрокинул бы свою чернильницу, если бы в ней были чернила; то есть если бы из нее вылилось бы сколько-нибудь чернил. Отсюда, простым обращением:

Если бы он намеренно опрокинул свою чернильницу, несколько чернил не пролилось бы.

Но допустим, в чернильнице есть чернила. Тогда так же истинно, что

Если бы он намеренно опрокинул свою чернильницу, пролились бы чернила.

Обе эти пропозиции истинны, и закон противоречия не нарушен — ведь он гласит лишь, что ничто не имеет противоречащих друг другу предикатов. Из этих двух пропозиций следует только то, что этот человек намеренно не опрокинет своей чернильницы.

21. Из указанного обстоятельства софизмы, вводящие в заблуждение, могут проистекать двумя способами. В первую очередь, противоречащие пропозиции никогда не бывают истинны вместе. А так как общая пропозиция может быть истинна, когда ее субъект не существует, из этого следует, что <пропозицию>, противоречащую общей — то есть частную, — нельзя взять в том смысле, чтобы она была истинна, если не существует ее субъект. Но частная пропозиция утверждает лишь часть утверждаемого в общей, которой она подчинена; и следовательно, эта общая утверждает существование субъекта. Следовательно, есть две разновидности общих пропозиций: не утверждающие существование своего субъекта, а поэтому не имеющие подчиненных им частных пропозиций, и утверждающие, что субъект их сказывания существует, а поэтому, строго говоря, не имеющие пропозиций, противоречащих им. К примеру, такая форма пропозиции, как «Некоторые грифоны были бы ужасными животными» — которая была бы подчинена вполне употребимой форме «Грифоны (The griffin) были бы ужасными животными», — не употребляется. Точно так же видимо противоречащие друг другу пропозиции «Все в семье Джона Смита больны» и «Некоторые в семье Джона Смита не больны» обе оказываются ложны,

если у Джона Смита нет семьи. Здесь, хотя вывод из общего к подчиненному ему частному всегда имеет силу, процедура, очень такой вывод напоминающая, была бы тем не менее софистичной, если бы общая пропозиция оказалась одной из тех, что не утверждает существования своего субъекта. На этом построен приведенный ниже софизм; я называю его «Подлинный Горгий» (True Gorgias):

Горгий. Что ты скажешь, Сократ, о черном? Есть ли какое-нибудь черное белое?

Сократ. Нет, клянусь Зевсом.

Горгий. Скажешь ли ты тогда, что никакое черное не бело?

Сократ. Ни одно.

Горгий. Но ведь все либо черное, либо нечерное?

Сократ. Конечно.

Горгий. И все либо белое, либо не белое?

Сократ. Да.

Горгий. Либо шероховатое, либо гладкое?

Сократ. Да.

Горгий. Либо реальное, либо нереальное?

Сократ. Не стоит и говорить об этом.

Горгий. Скажешь ли ты тогда, что все черное есть либо шероховатое черное, либо гладкое черное?

Сократ. Да.

Горгий. И что все белое — либо реальное белое, либо нереальное белое?

Сократ. Да.

Горгий. И все же то, что бело, — не черно?

Сократ. Никак.

Горгий. И что же, есть ли гладкое черное — белое?

Сократ. Нет, и этого, Горгий, ты не сможешь доказать.

Горгий. И ничто шероховатое черное не бело?

Сократ. И оно не бело.

Горгий. И ничто реальное белое не черно?

Сократ. Нет.

Горгий. И ничто нереальное белое не черно?

Сократ. Нет, говорю я. Ни одно белое вообще не черно.

Горгий. Что же, если черное гладко, оно не бело?

Сократ. Ни в малейшей мере.

Горгий. А если последнее ложно, ложно ли первое?

Сократ. Следует, что так.

Горгий. Если тогда черное бело, следует ли, что черное не гладко?

Сократ. Следует.

Горгий. Черно-белое не есть гладкое?

Сократ. Что ты имеешь в виду?

Горгий. Может ли какой-нибудь мертвый человек говорить?

Сократ. Нет, не может.

Горгий. А мертв ли какой-нибудь говорящий человек?

Сократ. Говорю же, что нет.

Горгий. Тиран ли какой-нибудь хороший царь?

Сократ. Нет.

Горгий. А хороший ли царь любой тиран?

Сократ. Я только что сказал, что нет.

Горгий. Но ты также сказал, что ничто шероховатое черное не бело, разве не так?

Сократ. Так.

Горгий. Тогда шероховато ли что-нибудь черно-белое? Сократ. Нет.

Горгий. А бело ли что-нибудь нереальное черное?

Сократ. Нет.

Горгий. Нереально ли тогда, что-нибудь черно-белое?

Сократ. Нет.

Горгий. Ничто черно-белое не шероховато?

Сократ. Ничто.

Горгий. А черно-белое тогда — не-шероховатое?

Сократ. Да.

Горгий. И все черно-белое — не-реально?

Сократ. Да.

Горгий. Гладко ли тогда все черно-белое?

Сократ. Да.

Горгий. А реально ли оно?

Сократ. Да.

Горгий. Нечто гладкое, тогда, есть черно-белое?

Сократ. Конечно.

Горгий. И нечто реальное — черно-белое?

Сократ. Выходит так.

Горгий. Нечто черно-белое гладкое — черно-белое?

Сократ. Да.

Горгий. Нечто черное гладкое — черно-белое?

Сократ. Да.

Горгий. Нечто черное гладкое — белое?

Сократ. Да.

Горгий. Нечто черное реальное — черно-белое?

Сократ. Да.

Горгий. Нечто черное реальное — белое?

Сократ. Да.

Горгий. Нечто реальное черное — белое?

Сократ. Да.

Горгий. И нечто гладкое черное — белое?

Сократ. Да.

Горгий. И тогда нечто черное — бело?

Сократ. Мне и самому так кажется.

22. Принцип *reductio ad absurdum* также может вводить в заблуждение и другим способом — благодаря тому, что у нас есть много слов — таких, как «способен», «может», «должен» (can, may, must) и т. д., — более или менее смутно (*vaguely*) подразумевающих не выражаемую какими-то еще другими словами условность, так что содержащие эти слова пропозиции фактически суть пропозиции гипотетические. Соответственно, если невыраженное условие есть некоторое положение вещей, которое в действительности не имеет места (*does not actually come to pass*), обе <образующие одну гипотетическую пропозицию> пропозиции могут показаться противоположными друг другу. Так, моралист говорит: «Ты должен (*ought to*) это сделать, и ты способен (*can*) сделать это». Здесь высказывание «Ты способен сделать это» в своей убедительности (*force*) принципиально наставительно (*hortatory*) — в той мере, в которой оно есть констатация (*statement*) факта, оно значит лишь следующее: «Если ты попробуешь, ты сделаешь это». Если же предписывается какой-то внешний (*outward*) акт, и он не выполнен, то какой-нибудь ученый, ввиду того факта, что в физическом мире всякое событие зависит исключительно от физических antecedентов, скажет, что в этом случае выполнению помешали законы природы, и что, в таком случае, «Даже если бы ты тогда попытался, ты не сделал бы этого». Тем не менее совесть не преминет упрекнуть тебя, что ты мог тогда это сделать; то есть, что «Если бы ты тогда попытался, ты бы сделал это». Это называется парадоксом свободы и предопределения; и обычно допускается, что одна из двух пропозиций должна быть истинна, а другая ложна.¹ Но поскольку тогда ты фактически не попытался, нет оснований, препятствующих сведению указанного допущения к абсурду. Точно так же, если ты тогда попытался и выполнил предписанное действие, совесть могла бы сказать: «Если бы ты тогда не попытался, ты бы не сделал этого»; но в то же время рассудок (*understanding*) сказал бы: «Даже если бы ты тогда не попытался, ты бы сделал это». Эти пропозици-

¹ [Ср. том II настоящего издания, «Спекулятивная грамматика», п. 185.]

ции совершенно связны <друг относительно друга> и служат лишь для того, чтобы свести допущение «Ты не попытался» к абсурду.¹

23. Третий класс софизмов состоит из так называемых *Insolubilia*. Вот один из примеров такого софизма и его разрешение:

ЭТА ПРОПОЗИЦИЯ НЕИСТИННА
ИСТИННА ОНА ИЛИ НЕТ?

Допустим, она истинна.
Тогда,

Допустим, она неистинна.
Тогда,

Эта пропозиция истинна;

Она неистинна.

¹ Это кажется мне главным затруднением в вопросе о свободе и предопределении. Однако сам этот вопрос перегружен множеством других. Теперь Детерминисты (*Necessitarians*), как кажется, не столько придерживаются того мнения, что всякое физическое событие полностью детерминировано физическими причинами (что полагалось мною неоспоримым), сколько того, что всякий акт воли детерминирован сильнейшим мотивом. Этого никогда не было доказано. Отстаивающие это мнение считают, по всей видимости, что оно вытекает из общей причинности, но почему причина акта вообще должна находиться в пределах сознания? Если я вообще действую на основании, я действую произвольно (*voluntarily*); но которое из двух оснований покажется мне сильнейшим в частном случае может зависеть от того, что я съел на обед. Если отсутствует совершенная регулярность относительно того, что для меня есть сильнейший мотив, сказать, что я действую, исходя из сильнейшего мотива, будет всего лишь тавтологией. Если будущее действие человека нельзя вычислить по-иному, кроме как посредством учета внешних фактов, его действия не детерминируются свойством его мотивов. Поэтому Миллю и другим не удалось показать, что человек всегда действует, исходя из сильнейшего мотива. Гоббс [*Leviathan*, ch. VI] утверждал, что человек всегда действует, исходя из рефлексии о том, что ему наиболее приятно. Это очень приблизительное мнение. Люди не всегда думают о самих себе.

Самоконтроль, по всей видимости, есть та способность, которая возвышает человека до расширенного взгляда на практический предмет и позволяет ему замечать не одно только временное побуждение. Это есть единственная свобода, гордиться которой у человека есть какое-то основание; и исходя именно из того, что любовь к благу для всех в целом — взгляд, наиболее широкий из всех возможных — есть сущность христианства, говорят, что служение Христу есть совершенная свобода.

Но то, что она неистинна,
составляет (is) эту пропозицию:

То, что она неистинна,
истинно;

∴ Она неистинна.

Кроме того,

Она истинна.

∴ Истинно то, что
она истинна,

∴ Неистинно то, что она
неистинна;

Но эта пропозиция гласит (is),
что она неистинна,

∴ Эта пропозиция неистинна.

∴ Истинна она или нет, она вместе истинна и неистинна.

∴ Она вместе истинна и неистинна,
что абсурдно.

∴ Истинно то, что она
неистинна.

Но эта пропозиция гласит (is),
что она неистинна.

∴ Эта пропозиция истинна

Кроме того,

Эта пропозиция неистинна.

Но то, что она неистинна,
составляет (is) эту пропозицию.

∴ То, что она неистинна,
неистинно

∴ То, что она истинна,
истинно

∴ Она истинна.

Поскольку заключение ложно, рассуждение неудовлетворительно (bad), или не все посылки истинны. Однако это рассуждение есть дилемма; и тогда либо дизъюнктивный принцип — ее либо истинности, либо нет — ложен, либо рассуждение в одном или другом из ее ответвлений неудовлетворительно, либо же все рассуждение есть целиком сильное. Если принцип, согласно которому это рассуждение либо истинно, либо нет, ложен, то оно есть иное, нежели истинное и иное, нежели неистинное; то есть — неистинно и не неистинно; то есть — неистинно и истинно. Но это абсурдно. Следовательно, дизъюнктивный принцип сохраняет силу. В каждом из ответвлений нашей дилеммы есть по два аргумента; ложны должны быть оба аргумента в одном или другом ответвлении. Но и в том и в другом случае второй аргумент задействует все посылки и все формы вывода, задействованные в первом; следовательно, если первые ложны, вторые необходимо ложны. Мы поэтому можем сосредоточить наше внимание на первых аргументах двух ответвлений дилеммы. Содержащихся же в них форм аргумента две: во-первых, простой силлогизм по *Barbara*, и, во-вторых, следование от истины пропозиции к самой пропозиции. Обе эти формы правильны. Следовательно, правильна и вся форма рассуждения целиком, и ничто другое не может оказаться ложным, кроме некоторой

посылки. Однако, поскольку повторение альтернативно-го допущения не есть посылка, мы имеем, собственно говоря, всего одну посылку. Она же такова: пропозиция есть то же, что не-истинность этой пропозиции (*the proposition is the same as that that proposition is not true*). Именно это <положение>, таким образом, должно быть ложно. Следовательно, рассматриваемая пропозиция обозначает либо больше, либо меньше этого. Если она не обозначает столь же много, сколько это <положение>, она не обозначает ничего, следовательно, она есть неистинна, и, следовательно, истинна другая пропозиция, говорящая об этой первой то, что она (первая) сама говорит о себе. Но если рассматриваемая пропозиция обозначает что-то большее, чем неистинность себя самой (*than that it is itself not true*), то неистинна та посылка, что

Все, что говорится в этой пропозиции, это (есть) то, что она неистинна.

И так как всякая пропозиция истинна, только если все, что в ней говорится, истинно, и ложна, если ложно что-нибудь, сказанное в ней, первый аргумент второго ответвления дилеммы содержит ложную посылку, а второй — нераспределенный средний термин. Однако первый аргумент первого ответвления остается удовлетворительным. Следовательно, если наша пропозиция значит больше, чем неистинность себя самой, она неистинна, а другая пропозиция, повторяющая это (неистинность) о первой, истинна. Следовательно, значит ли пропозиция, что она неистинна, или не значит, она неистинна, и пропозиция, повторяющая это о ней, истинна.

Поскольку эта повторяющая пропозиция истинна, она имеет значение. Любая же пропозиция имеет значение, если какая-то ее часть имеет значение. Следовательно, первая пропозиция (часть которой, будучи повторенной, имеет значение) сама имеет значение. Следовательно, она должна подразумевать что-то помимо развернуто (*explicitly*) ею постулируемого. Однако она не имеет какой-то частной детерминации относительно какой бы то ни было дальнейшей импликации. Следовательно, все то большее, что она обозначает, она должна обозначать в силу бытия пропозицией вообще. Другими словами, всякая пропозиция должна подразумевать нечто аналогич-

ное тому, что подразумевает эта. Повторение же этой пропозиции не содержит этой импликации, ибо в ином случае она не могла бы быть истинной; следовательно, подразумеваемое всякой пропозицией должно касаться ее <пропозиции> самой. Подразумеваемое всякой пропозицией касательно себя самой должно быть чем-то, что о пропозиции, рассматриваемой нами, сказывается ложно, ибо вся ложность данной пропозиции кроется в ней самой, а все, ею разворачиваемое (*all that it explicitly lays down*), истинно. Это что-то должно не оказаться ложным, если наша пропозиция была бы истинной, ибо в таком случае некоторая истинная пропозиция была бы ложной. Следовательно, это что-то должно быть истинностью ее (всякой пропозиции) самой (*it must be that it is itself true*). Раз так, *всякая пропозиция утверждает свою собственную истинность*.

Рассматриваемая нами пропозиция поэтому истинна во всех других аспектах, кроме своей импликации своей же собственной истинности.¹

Общественная теория логики

24. Показать, благодаря чему оказывается истинным закон дедуктивного рассуждения, трудно потому, что

¹ Именно на этом принципе наиболее часто базировали разрешение *Insolubilia*. См., например, Паули Венети (*Pauli Veneti*), *Sophismata Aurea*, Soph. 50. Авторство этого способа решения присуждают самому Аристотелю (Софистические опровержения, гл. 25). Я убежден, что мною было устранено принципиальное возражение, выдвигавшееся против этого метода решения, — именно, что недоказуем принцип подразумевания всякой пропозицией своей собственной истинности. Единственные аргументы против истинности этого принципа базировались на несовершенных учениях о *modales* и *obligationes*. Другие методы решения предполагают, что часть пропозиции не может денотировать пропозиции целиком, или что ни одно умозрение (*intellection*) не есть формальное познание самого себя. Решение такого рода можно найти в *Summa Totius Logices* Оккама, 3-я часть 3-ей части, сар. 38. Современные авторы, считающие это решение «очень легким», не понимают его трудностей. См. «Олдрич» (*Aldrich*) Мэнзела (*Mansel*). С. 145.

мы неспособны себе помыслить его неистинность. В случае вероятного рассуждения имеет место трудность совершенно другого рода; здесь, где мы в точности видим, каков ход рассуждения, нас удивляет, как такой процесс вообще может иметь какую-то силу. Сколь волшебна то, что мы, изучив часть класса, становимся способны знать истину обо всем классе целиком, а через изучение прошлого — знать будущее; или, коротко говоря, что у нас есть способность знать то, чего мы не пережили в опыте (experienced)!

Разве это не есть интеллектуальная интуиция? Разве дело не в том, что помимо обычного опыта, зависящего от наличия некоторой физической связи между нашими органами и переживаемой в опыте вещью, есть второй путь, на котором истинность зависит только от того, что есть некоторая связь между нашим предыдущим знанием и тем, что мы узнаем на этом пути? Да, это верно. Человек обладает этой способностью так же, как опиум обладает снотворной силой; тем не менее могут возникнуть еще вопросы. Как объяснить существование этой способности? В некотором смысле, несомненно, — через естественный отбор. Поскольку она абсолютно существенна для сохранения такого хрупкого организма, как человеческий, ни одна раса, ей не обладавшая, не была способна обеспечить свое существование (sustain itself). Это объясняет преобладание такой способности — если бы только она была возможна. Но как она способна быть возможной? Что могло бы наделить ум способностью знать физические вещи так, что они при этом физически не влияют на него, и она тоже на них не влияет? На этот вопрос нельзя ответить при помощи какого бы то ни было утверждения относительно человеческого ума, ибо это было бы то же самое, что спросить о том, что делает факты обычно такими, какими индуктивные и гипотетические заключения репрезентируют их? Факты некоторой разновидности обычно истинны, когда истинны факты, имеющие некоторые к ним отношения; какова причина этого? Вот в чем вопрос.

25. Обычно отвечают, что природа везде регулярна; какими вещи были, такими они и будут; какова есть одна часть природы, такова и всякая другая. Но это не

объяснение. Природа не регулярна. Ни один беспорядок не был бы менее упорядочен, чем существующее устройство. Особые законы и регулярности, и правда, бесчисленны; но никто не думает об отсутствии регулярностей, случаи которой бесконечно более распространены. Каждый факт, истинный относительно любой одной вещи в универсуме, соотносится со всяким фактом, истинным относительно всякой другой вещи. Однако неизмеримое большинство этих отношений случайны и иррегулярны. Некий человек в Китае купил корову через три дня и пять минут после того, как некий гренландец чихнул. Связано ли это абстрактное обстоятельство с какой-то регулярностью вообще? И разве такие отношения не бесконечно более распространены, чем те, которые регулярны? Однако, если бы очень большое число качеств было распределено среди очень большого числа вещей почти любым способом, и тогда сохранялся бы шанс того, что несколько регулярностей возникнут. Если, например, на шахматную доску с огромным числом полей, раскрашенных во все возможные цвета, были бы брошены мириады кубиков для игры в кости, почти наверняка получилось бы так, что на всех полях какого-то одного из столь многочисленных цветов или оттенков какой-то из шести номеров не оказался на верхней стороне кости. Это было бы регулярностью; ибо была бы истинна та общая пропозиция, что на поле такого цвета такой номер никогда не оказывается выпавшим. Но допустим, что такой регулярности все-таки не возникло — тогда возникла бы гораздо более примечательная регулярность, а именно, что на поле всякого цвета оказываются выпавшими все номера. Следовательно, регулярность возникает в каждом случае. На самом деле, небольшая рефлексия покажет, что, несмотря на имеющееся у нас в распоряжении разнообразие лишь цветов и номеров на сторонах кубика, должны возникнуть многие регулярности. И чем больше число объектов, чем больше аспектов, в которых они варьируются, тем больше будет число регулярностей. Что касается универсума, то в нем каждое такое число бесконечно. Следовательно, сколь беспорядочен ни был бы хаос, число регулярностей должно быть бесконечно. Следовательно, упорядоченность универсума должна, если

она существует, состоять в большей пропорции отношений, дающих регулярность, по сравнению с теми, что вполне нерегулярны. Но эта пропорция в действительном универсуме, как мы видели, минимальна; а поэтому упорядоченность универсума не превышает упорядоченности какого угодно устройства вообще.

26. Но даже если бы в вещах и была такая упорядоченность, она никогда не могла бы быть открыта. Ибо она принадлежала бы вещам либо в собирательном, либо в распределительном смысле. Если бы она принадлежала вещам собирательно, другими словами, если бы вещи формировали систему, трудность была бы в том, что системе можно узнать, только увидев некоторую внушительную пропорцию целого. Мы же никогда не можем знать, насколько велика открытая нами часть целого природы. Если бы порядок был распределительным, то есть принадлежал бы всем вещам, лишь принадлежа каждой из них, трудность была бы в том, что свойство можно узнать, только сравнив что-то, обладающее им, с чем-то, им не обладающим. Бытие, качество, отношение и другие общие известны лишь как свойства слов или других знаков, приписываемых вещам некоторой фигурой речи. Таким образом, ни в одном случае порядок вещей не мог бы быть узнан. Но порядок вещей не помог бы силе нашего рассуждения — то есть не помог бы нам рассуждать правильно, — разве что мы знали бы, каково, согласно порядку вещей, должно быть отношение между известным основанием *от* к неизвестному, обосновываемому *к*.

27. Но даже если бы этот порядок и существовал и был в то же время известен, знание о нем было бы полезно лишь как общий принцип, из которого можно дедуцировать вещи. Оно не объяснило бы, как знание приумножается (в отличие от увеличения его отчетливости), и поэтому не объяснило бы, как оно само было обречено.

28. Наконец, если бы сила индукции и гипотезы зависела от того или иного частного устройства универсума, мы могли бы вообразить универсум, в котором эти способы вывода не имели бы силы — точно так же, как мы можем вообразить универсум, в котором не было бы притяжения (*attraction*) и вещи попросту дрейфовали

бы относительно друг друга (*drift about*). Соответственно, Дж. С. Милль, объясняющий силу индукции единообразием природы,¹ утверждает, что может вообразить универсум без какой бы то ни было регулярности — в котором поэтому ни один вероятный вывод не имел бы силы.² В универсуме, как он есть, вероятные аргументы иногда оказываются неверны, и нельзя установить какой-то определенной пропорции случаев, в которых они выполняются; все, что можно сказать, — в конечном счете (*in the long run*) они оказываются приблизительно верными. Можно ли вообразить универсум, в котором было бы не так? В таком универсуме вероятный аргумент должен иметь — чтобы быть неверным в половине случаев — какое-то применение. Следовательно, это должен быть универсум опытный (*experienced*). Из конечного числа пропозиций, истинных о конечном количестве опытных знаний о таком универсуме, ни одна не была бы общей по форме, если бы ее субъект не был индивидом. Ибо если бы могла быть множественная общая пропозиция, относительно этого субъекта неизменно выполнялись бы выводы по аналогии от одной частной пропозиции к другой. Таким образом, пусть эти аргументы и были бы не больше чем догадки относительно других частей универсума, они неизменно выполнялись бы в его

¹ «Logic», bk. 3, ch. 3, sec. 2.

² Ibid. Bk. 3, ch. 21, sec. 1. «Я уверен, что любому, кому привычны занятия абстракцией и анализом и кто, специально употребив все свои способности, научит свое воображение этому представлению (*notion*), не составит никакого труда помыслить, что, к примеру, в одном из многих небосводов (*firmaments*), на которые астрономия делит универсум, события следуют друг за другом беспорядочно, не повинаясь никакому закрепленному закону; и ничто из доступного нашему опыту или умственной природе не способно составить достаточное, или на деле какое-либо вообще, основание для убеждения в том, что такого положения дел нет нигде.

Если бы нам пришлось допустить (и это совершенно подвластно нашему воображению), что наличный порядок универсума перестал существовать, и за этим последовал бы хаос, в котором не было бы никакой закрепленной последовательности событий, а прошлое никак не удостоверяло бы будущее...» и т. д.

конечной пропорции, а поэтому в целом были бы чем-то большим, нежели просто догадки. В этом универсуме также могло бы не быть индивидов, ибо в нем должен был бы быть некоторый общий класс — то есть в нем должны были бы быть вещи более или менее похожие — иначе вероятный аргумент не нашел бы в нем для себя посылок; следовательно, в нем должны были бы быть два взаимоисключающих класса, ибо всякий класс имеет какой-то остаток за своими пределами; следовательно, если бы в этом универсуме был какой-то индивид, он <индивид> полностью был бы исключен из одного или другого из этих двух классов. Следовательно, общая множественная пропозиция была бы истинна. Соответственно, в таком универсуме встречались бы все сочетания свойств. Но это было бы не беспорядком, а всего лишь простейшим порядком; он вовсе не был бы уму непостижимым, а наоборот, все мыслимое встречалось бы в нем с равной частотой. Следовательно, абсурдно представление (notion) о таком универсуме, в котором вероятные аргументы оказываются неверными столь же часто, сколь верными. Мы можем допустить его <представление> в общих терминах, но специфицировать его иначе как самопротиворечивое мы не можем.¹

29. Поскольку мы не можем помыслить вероятные выводы иначе как в общем оказывающиеся верными и поскольку никакое особое допущение не послужит объяснением их силы, многие логики стремились базировать эту силу на силе дедукции, причем самыми разными способами. Тем не менее единственная попытка такого рода, заслуживающая внимания, это та, что стремится детерминировать вероятность некоторого будущего события при помощи теории вероятностей, из того факта,

¹ Буль («Законы мышления» (*Laws of Thought*. P. 370)) показал, очень простым и элегантно способом, что *бесконечное* число шаров может иметь свойства, распределенные так, что из свойств уже вытянутых шаров мы не смогли бы вывести ничего о свойствах следующего. То же истинно относительно некоторых устройств конечного числа шаров — при том условии, что вывод делается после закрепленного числа проб. Это, однако, не лишает силы приведенное выше рассуждение, хотя и представляет собой, несомненно, важный факт.

что было наблюдено некоторое число подобных событий. Можно ли это сделать или нет, зависит от того значения, которое приписывается слову «вероятность». Но если это слово взять в таком смысле, что форма заключения, которое вероятно, имеет силу — поскольку сила вывода (или его соответствие фактам) состоит только в том, что если такие посылки истинны, такое заключение в общем (*generally*) истинно, — то вероятность значит не что иное, как отношение частоты возникновения некоторого специфического события к общему событию, частным случаем которого оно является. В этом смысле термина ясно, что вероятность индуктивного заключения не может быть дедуцирована из посылок; ибо из индуктивных посылок

$$\begin{aligned} S', S'', S''' \text{ суть } M, \\ S', S'', S''' \text{ суть } P, \end{aligned}$$

ничего не следует дедуктивно, кроме того, что любое M , которое есть S' , или S'' , или S''' , есть P ; или, менее эксплицитно, что некоторое M есть P .

30. Таким образом, мы, по всей видимости, вынужденно пришли к следующему. С одной стороны, сила вероятного аргумента не может быть результатом никакой детерминации вещей, никакого *факта*; с другой же стороны, такой аргумент не сводим к такой форме, которая выполняется независимо от того, какими могут быть факты. Это очень похоже на сведение силы такого рассуждения к абсурду; и для нашего решения представляется парадокс величайшей трудности.

31. Важность этой проблемы несомненна. Согласно Канту, центральный вопрос философии звучит так: «Как возможны синтетические суждения *a priori*?» Однако antecedентом данному вопросу выступает вопрос о том, как возможны синтетические суждения как таковые, или, еще более широко, как вообще возможно синтетическое рассуждение. Когда будет получено решение более общей проблемы, будет сравнительно просто решить проблему, которая есть ее частный случай. Эта общая проблема — замок, висящий на входной двери в философию.

32. Всякий вероятный вывод, индукция это или гипотеза, есть вывод от частей к целому. Следовательно,

он по сути своей то же, что вывод статистический. Из мешка с черными и белыми бобами я беру несколько пригоршней, и из этого образца я могу приблизительно судить о пропорции черного и белого в целом мешке. Это тождественно индукции. И мы знаем, от чего зависит сила этого вывода. Она зависит от того факта, что в конечном счете (in the long run) какой угодно один боб будет вытаскиваться так же часто, как любой другой. Ибо если бы так не было, среднее большого числа результатов подобных проверок содержимого мешка не было бы в точности отношением количеств имеющихся в нем бобов двух цветов. И теперь мы можем разделить вопрос о силе индукции на две части: во-первых, почему из всей совокупности индуктивных выводов, посылки которых мы будем иметь, каждый раз вытаскивая бобы из мешка, большинство будет выполняться, и во-вторых, почему людям не предопределено сталкиваться все время как раз с той небольшой долей индуктивных выводов, которые оказываются бесполезными. Поставив эти два вопроса, мы увидим, что на первый из них легко ответить. Ибо поскольку все члены любого класса суть то же, что все те его члены, которые будут известны в будущем (the same as all that are to be known); а также поскольку от любой части членов, которые будут известны в будущем, правомочна индукция ко всем остальным, — то в конечном счете какой угодно один член класса будет оказываться субъектом посылки некоторой возможной индукции столь же часто, сколь и любой другой, а поэтому сила индукции зависит попросту от того факта, что части дают в сумме и устанавливают целое. Это, в свою очередь, зависит от того положения вещей, в соответствии с которым возможны любые общие термины. Однако в 311 <п. 48> было показано, что вообще бытие есть бытие в общем (being at all is being in general). И таким образом, эта часть силы индукции зависит всего лишь от того, что есть хоть какая-то реальность.

33. Из этого, как кажется, мы не можем сказать, что большинство индуктивных выводов истинно, но только то, что в конечном счете они приближаются к истине. Такова истина этого утверждения, что общность вывода из индукции есть лишь аналог истинной общ-

ности. Следовательно, также нельзя сказать, что мы не можем знать ничего об истинности индуктивного заключения, в каком бы общем виде мы его ни постулировали; мы только знаем, что, если принять индуктивные заключения, в конечном счете наши отклонения от истины будут уравнивать друг друга. Страховые компании фактически действуют в опоре на индукцию — они не знают, что случится с тем или иным владельцем полиса; они лишь знают, что в конечном счете <большинство> их клиентов пребудут в безопасности.

34. Другой вопрос относительно силы индукции заключается в том, почему людям не предопределено сталкиваться все время с индуктивными выводами, оказывающимися обманчивыми в особенно большой степени. Объяснением предыдущей части проблемы, как мы увидели, оказалось бытие вообще чего-то реального. Поскольку же есть что-то реальное, то (исходя из того, что эта реальность состоит в окончательном согласии всех людей, и из того факта, что рассуждение от частей к целому есть единственная подвластная людям разновидность синтетического рассуждения) необходимо следует, что достаточно продолжительная последовательность выводов от частей к целому приведет людей к знанию этого целого — и в этом случае они не могут быть относительно целого предопределены к постоянной неудаче в своих индуктивных выводах. Вторая часть проблемы фактически эквивалентна вопросу о том, почему есть что-то реальное, и таким образом его решение продвинет решение первого вопроса на один шаг вперед.

35. Ответ на этот вопрос можно дать в общей и абстрактной, или в особой и подробной форме. Если бы люди были неспособны узнавать что-то из индукции, причина этого должна была бы быть в том, что по общему правилу каждый раз после произведения ими индукции порядок вещей (как они являются в опыте) претерпевал бы переворот. И именно в этом бы состояла нереальность такого универсума — именно в том, что порядок универсума зависел бы от того, сколько людей знали бы о нем. Но это общее правило само можно было бы открыть только при помощи индукции; и поэтому оно должно было бы быть законом такого универсума, что как только это правило

было бы открыто, его действие должно было бы прекратиться. Но для этого второго закона должно было бы быть верным, что его возможно открыть. И поэтому в таком универсуме не было бы ничего, что рано или поздно было бы узвано, и он бы имел порядок, который можно было бы открыть при помощи достаточно продолжительного хода рассуждения. Однако это противоречит исходной гипотезе, и, следовательно, сама эта гипотеза абсурдна. Таков частный ответ. Но мы можем и вообще сказать, что если ничто реальное не существует, то, поскольку всякий вопрос допускает, что нечто существует — ибо удерживает свою собственную настоятельность, — он допускает, что существуют только иллюзии. Однако существование даже иллюзий есть реальность; ибо иллюзия влияет или на всех людей, или не на всех. В первом случае она есть реальность согласно нашей теории реальности; во втором — она независима от состояния ума каких бы то ни было индивидов, кроме тех, на которых ей приходится влиять. Так что ответом на вопрос «Почему есть что-то реальное?» будет «Этот вопрос значит “допуская, что нечто существует, почему некоторое существующее реально?” Ответ в том, что само существование есть реальность по определению».

Все, что здесь сказано, в частности об индукции, применимо ко всякому выводу от частей к целому, а следовательно, и гипотезе, и, таким образом, ко всякому вероятному рассуждению.

Итак, я утверждаю, что в первую очередь показал возможность придерживаться связной теории силы законов обычной логики.

36. Но давайте теперь допустим идеалистическую теорию реальности, ложность которой в этой статье я все время принимал как данность. В таком случае индукции не были бы истинны, — если только бы мир не был устроен так, что всякий объект наличествует для опыта столь же часто, как любой другой, и, далее, если бы мы не были устроены так, что были бы склонны делать плохие индукции столь же часто, как хорошие. Эти факты могли бы быть объяснены благоволением Творца; однако уже были приведены аргументы в пользу их неспособности объяснить другой факт — что нельзя помыслить положение вещей, в котором вероятные аргу-

менты не вели бы к истине, — и поэтому они этим фактом абсолютно опровергаются. Это дает нам наиболее важный аргумент в пользу той теории реальности и тем самым тех отрицаний некоторых способностей, из которых она была выведена, как, впрочем, и в пользу всего того стиля философствования, при помощи которого эти отрицания были получены.

37. По нашей теории реальности и логики можно показать, что никакой вывод какого-либо индивида не может быть полностью логичным без того, чтобы этот индивид имел некоторые детерминации своего ума — которые при этом не касаются непосредственно какого-либо частного вывода; ибо мы увидели, что тот модус вывода, который единственно способен нас чему-то научить — или вообще повести нас дальше того, что подразумевается посылками, — фактически не дает нам знать больше, чем мы знали раньше. Мы лишь знаем, что, все время придерживаясь этого модуса вывода, мы в целом приблизимся к истине. Каждый из нас, если коротко, есть страховая компания. Но допустим, что страховая компания помимо прочих рисков, которые она на себя берет, возьмет на себя также и такой, который превысит сумму всех остальных. Ясно, что эта компания в таком случае не будет иметь никакой безопасности. Но разве всякий отдельный человек не берет на себя такой риск? Какая выгода будет человеку, если он обретет весь мир, а душу свою потеряет? Если человек имеет трансцендентный личный интерес, бесконечно перевешивающий все другие, то, по только что разработанной нами теории силы вывода, он лишен всякой безопасности и не способен ни к какому сильному выводу вообще. Что из этого следует? Эта логика прежде всего остального строго требует, чтобы ни один детерминированный факт, ничто, что может случиться с человеческим Я, не имело бы для него больших последствий, чем что-то другое. Тот, кто не пожертвует свою собственную душу, чтобы спасти целый мир, нелогичен — собирательно — во всех своих выводах. Итак, общественный принцип внутренне укоренен в логике.

38. Если так, любопытно становиться исследовать, как фактически общественный принцип присутствует (is

present) для людей. Есть психологическая теория, что человек неспособен действовать, не имея в виду собственного удовольствия. Эта теория базируется на принятом по ошибке субъективизме. Базироваться на наших принципах объективности знания она не может; а если они верны, она сводится к абсурду. Мне кажется, что обычное мнение о человеческом эгоизме базируется в большей мере на этой ложной теории. Я не думаю, что факты благоприятствуют этому обычному мнению. Огромные самопожертвования, которые часто делаются самыми своевольными людьми, показывают, что своеволие (wilfulness) весьма отличная от эгоизма (selfishness) вещь. Забота людей относительно того, что случится после их смерти, не может быть эгоистичной. Наконец и главным образом, постоянное употребление слова «мы» — когда мы, например, говорим о наших владениях на тихоокеанском побережье, нашем предназначении как республики — в случаях, когда никакие личные интересы никак не задействованы, исчерпывающе (conclusively) показывают, что люди не делают свои личные интересы своими единственными и, следовательно, могут, по меньшей мере, подчинить их интересам сообщества.

39. Восстановлению в правах представления о логичности всех людей послужили бы одно лишь только откровение о возможности такого полного самопожертвования в человеке и убежденность в его спасительной силе. Ибо признающий логическую необходимость полного самоотожествления своих собственных интересов с интересами сообщества и потенциальное существование последнего в человеке — даже если сам человек не имеет его в себе — почувствует, что логичны выводы именно того человека, который им обладает, а потому посчитает свои выводы сильными лишь в той мере, в какой их мог принять такой человек. То же идеальное совершенство знания, которое, как мы видели, составляет реальность, должно тем самым принадлежать сообществу, в котором такое отождествление полно.

40. Это послужило бы полным учреждением приватной логичности, и однако же предположение о том, что человек или сообщество (могущее быть более широким,

нежели <просто> человек) когда-то придут к состоянию информации, превосходящему по величине некую определенную конечную информацию, не имеет под собой никаких оснований. Нет — и не может быть — ни крупицы очевидности в пользу того, что однажды все живые существа не будут мгновенно уничтожены и что после этого во всем универсуме когда-то возникнет разумная жизнь (intelligence). На самом деле само такое предположение подразумевает трансцендентный и высший интерес, по самой своей природе, таким образом, не способный опираться на основания. Эта имеющаяся у всех нас надежда (ведь даже атеист раз за разом выдает свое спокойное ожидание Лучшего (that what is Best will come)) есть нечто столь священное и действенное (august and momentous), что всякое рассуждение (обоснование — reasoning) по отношению к ней оказывается чем-то неподобающе праздным. Мы не хотим знать, каким весом обладают основания *pro* и *con* — то есть сколько мы выиграем от такой надежды в конечном счете (in the long run), — ибо в этом случае нет никакого конечного счета. Этот стоящий перед нами вопрос — единственный в своем роде, возвышающийся над всеми остальными: задавая его, мы ставим на кон ВСЁ. Наше состояние — состояние человека, борющегося не на жизнь, а на смерть (in a condition of a man in a life and death struggle): если у него нет достаточно силы, ему совершенно безразлично, как он будет действовать, а поэтому единственное предположение, в опоре на которое он может действовать рационально, это надежда на успех. Следовательно, такое чувство (sentiment) оказывается строго необходимым с точки зрения логики. Если бы его <чувства> объект был бы каким-либо детерминированным фактом, каким-либо личным интересом, он мог бы противоречить результатам знания, а поэтому — самому себе. Но если его объект обладает такой широкой природой, что может соответствовать сообществу, то данное чувство будет гипотезой, никогда не противоречащей фактам и оправданной своей собственной необходимостью с точки зрения рациональности какого бы то ни было действия.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ УБЕЖДЕНИЯ¹

Наука логики

1. Совсем немногие утруждают себя изучением логики, ибо каждый склонен считать, что он и без того достаточно опытен в искусстве рассуждения. Я тем не менее

¹ [*Popular Science Monthly*. P. 1–15, vol. 12 (1877). Первая из шести статей, объединенных в серию под названием «Пояснения к логике науки» (*Illustrations of the Logic of Science*), с исправлениями и примечаниями из нескольких переработанных версий, одна из которых была задумана в качестве V главы «Большой логики» (*Grand Logic*) (1893), а другая — как Очерк VII «Разыскания метода» (*Search for a Method*) того же года. <...> Около 1903 г. к этой и следующей статье серии было добавлено вводное замечание следующего содержания: «Две главы, составляющие данный очерк [«Мое оправдание прагматизма» («*My Plea for Pragmatism*»)], впервые были опубликованы без какого-либо объединяющего их названия в ноябрьском и январском выпусках периодического издания *Popular Science Monthly* за 1877 и 1878 гг. соответственно. Написанная автором французская версия (вторая статья была сначала написана по-французски на борту парохода в сентябре 1877 г.) вышла в 6 и 7 выпусках *Revue Philosophique*. Они имели сравнительно небольшой успех, на большее, впрочем, и не рассчитывая. Но несколькими годами позже мощное перо профессора Джеймса заставило философские круги обратить внимание на основной изложенный в них тезис (придавая оному, несомненно, гораздо более широкое значение и тем самым выводя его за границы первоначального замысла самого автора, который признает если не Существование, то по крайней мере Реальность Абсолюта, продвигаясь приблизительно в том же направлении, что и Ройс, автор книги «Мир и Индивид» (*The World and Individual*), работы, не свободной вовсе от логических просчетов, но не ошибающейся в главном). Учение, основы которого изложены в двух данных статьях, уже получило в течение последних лет некоторую известность среди друзей автора под предложенным последним названием «Прагматизм».]

полагаю подобную убежденность ограниченной в каждом случае только чьим-то личным усмотрением, влияние которого не распространяется на других людей.

2. Мы приходим к полному обладанию своей способностью выведения умозаключений как к последнему из наших умений, ибо это не столько природный дар, сколько сложное искусство, требующее времени. История его развития могла бы стать предметом для внушительного исследования. Средневековые схоласты, следуя в этом римлянам, начинали преподавание логики на самой ранней ступени обучения вслед за грамматикой, как предмета наиболее легкого. В той степени как они понимали его, это так и было. По их мнению, фундаментальный принцип этой науки состоял в том, что всякое знание покоится либо на авторитете, либо на доводах разума; но что бы ни дедуцировалось при помощи разума, зависит в конечном счете от предпосылки, источником которой служит авторитет. Поэтому так скоро, как юноша достигал совершенства в силлогистике, считалось, что его интеллектуальный багаж укомплектован.

3. Роджер Бэкон,¹ этот замечательный ум, который уже в середине тринадцатого столетия был почти что человеком науки, считал схоластическое понимание логического рассуждения только препятствием на пути к истине. Он видел, что только опыт научает всему — пропозиция, которая кажется нам теперь чем-то само собой разумеющимся, ведь ясное понятие опыта унаследовано нами от предыдущих поколений, и которая ему в свое время представлялась столь же очевидной, но лишь поскольку трудности ее тогда еще не показали себя в полной мере. Среди всех видов опыта наилучшим, как он полагал, является свет внутреннего вдохновения (*interior illumination*), открывающий в Природе многое из того, к чему наши внешние чувства никогда не смогли бы подступиться, например — тайну пресуществления.

4. Четыре столетия спустя еще более знаменитый Бэкон в первой книге своего Нового Органона дал ясное описание опыта как того, что должно быть открыто для верификации и перепроверки. Однако, несмотря на то, что

¹ См. его *Opus Majus*, pars VI.

концепция Бэкона во многом превосходила прежние определения, современный читатель, не робеющий перед его красноречием, главным образом бывает поражен неадекватностью его понимания сути научного метода. Краткие сводки результатов, вложенные в заранее приготовленную пустую форму, следует предварять лишь грубыми, приблизительными экспериментами. Затем, следуя определенному правилу, отбрасывать доказавшее свою ложность и подбирать альтернативы. Таким образом физика в течение нескольких лет достигла бы своего совершенства — что за идея! «Он писал о науке как лорд-канцлер»,¹ — сказал о нем Харви, истинный человек науки.

5. Ранние ученые — Коперник, Тихо Браге, Кеплер, Галилей, Харви, Джилльберт пользовались методами, более сходными с теми, что применяют теперь их современные собратья. Кеплер предпринял попытку вычислить кривую движения Марса,² проведя ее через определенные точки, в которых планета оказывается в разное время, и дать описание различных отрезков этой кривой. Но все же его величайшей услугой науке было то, что он ясным образом указал единственно верный метод, которому должны следовать те, кто хочет посвятить себя совершенствованию астрономии. Он выяснил, что им должно не довольствоваться исследованием преимуществ одной системы эпициклов над другой, но сесть за чертежи и по ним попытаться найти правильную кривую. Он выполнил свою задачу с неподобной энергией и мужеством: совершая один просчет за другим, двигаясь непостижимым (для нас) путем от одной невероятной гипотезы к следующей и, испытав их двадцать две, когда его догадка, казалось, уже исчерпала себя, он рассчитал, наконец, ту орбиту, которую человек, вооруженный всеми преимуществами современной логики, безошибочно выбрал бы для исследований почти сразу.³

¹ Ср.: J. Aubrey's *Brief Lives* (Oxford ed. 1898). I. 299.

² Не вполне так, но настолько точно, насколько это может быть описано в двух словах.

³ Я испытываю некоторую неловкость, признавая, что данный том содержит неверные и в высшей степени нелепые замечания по поводу Кеплера. Когда я писал их, я еще не был, как теперь, близко знаком с оригиналом. В настоящее время мое глубокое

6. Подобным же образом каждое научное изыскание, достаточно значительное, чтобы остаться в памяти нескольких поколений, допускает случаи несовершенства в искусстве логического рассуждения того времени, когда оно было написана. Всякий важный шаг в истории науки одновременно служил и уроком логики. Так было, когда Лавуазье и его современники сделали первые открытия в химии. Прежняя максима, которой придерживались химики, была: «*Lege, lege, lege, labora, ora, et relege*». ¹ Методом Лавуазье было не читать и заклинать, но хранить надежду, что достаточно продолжительный и сложный химический процесс приведет в конце концов к такому-то и такому-то результату, который с нелепым упорством следует внедрять в практику, и после неизбежного провала вновь находить в себе силы для надежды, что с внесением некоторых изменений можно получить иной результат, и закончить все публикацией последней в этом ряду фантазии как факта. Его методом было превращение своего рассудка в лабораторию, а реторт и перегонных кубов в инструменты мысли. Он создавал новое понятие логического рассуждения как чего-то такого, что следует выполнять с открыто смотрящими на мир глазами, совершая опыты над реальными вещами, а не манипулируя словами и образами фантазии.

7. Случай с Дарвином в очень большой степени также вопрос логики. Дарвин предложил использовать в биологии методы статистики. ² То же самое было сделано в такой совершенно далекой от биологии ветви науки, как теория газов. Клаузиус и Максвелл не смогли ни определить характер движения отдельно взятой молекулы газа, ни выстроить удовлетворительную гипоте-

убеждение состоит в том, что приведенный мной пример его мысли представляет собой образец самой филигранной индукции из всех, что мне были известны до сих пор — 1893.

¹ <Читай, читай, читай, работай, молись и перечитывай. — лат.>

² То, что он сделал, представляет собой наиболее показательную иллюстрацию к логике науки, и мы еще вернемся к данному примеру в другой главе. Теперь нам известно то, с чем никто не согласился, когда я впервые высказал свое предположение, а именно: что он воспользовался идеей из книги Мальтуса о Народонаселении. — 1903.

зу о строении этого класса тел. Однако, воспользовавшись теорией вероятности, они все же сумели за восемь лет до публикации бессмертного труда Дарвина предсказать, что в конечном счете такая-то часть общего количества молекул при некоторых данных обстоятельствах приобретет такие-то скорости; что каждую секунду будет иметь место такое-то и такое-то относительное число столкновений и т. п. Эти пропозиции в дальнейшем послужили им основанием для дедукции определенных свойств газов, в частности их тепловых характеристик. Подобным же образом Дарвин, не сумев точно предсказать характер тех или иных изменений и результаты естественного отбора в каждом индивидуальном случае, показал, что в конечном счете они так или иначе адаптируют животное к конкретным условиям и среде обитания. Обязаны или нет существующие животные формы этим изменениям и какую позицию должна занять по этому поводу сама теория, остается предметом дискуссии, в которой вопросы факта и вопросы логики любопытным образом переплетаются.

Руководящий принцип

8. Целью логического рассуждения является выяснение, исходя из того, что нам уже известно, того, чего мы еще не знаем. Следовательно, логическое рассуждение доброотно, когда оно таково, что дает правильный вывод из верных посылок¹ и никак иначе. Таким образом, вопрос о силе (validity) рассуждения есть, очевидно, таковой факта, а не мышления. Если «А» — факты, утверждаемые в предпосылках, а «В» — факты, утверждаемые в заключении, то вопрос в том, действительно ли указанные факты связаны между собой таким образом, что если есть А, то в общем и целом должно быть и В. Если это справедливо, то вывод имеет силу (is valid); если нет, то нет. Последнее ни в коем случае не есть вопрос о том,

¹ Т. е. <логическое рассуждение> находится под влиянием такой привычки, которая приводит его к тому, что оно дает <правильный вывод из верных посылок>. — 1903.

чувствуем ли мы, согласившись с предпосылками, склонность также принять и вывод. Истинно, что в общем и целом способность к верному логическому рассуждению свойственна нам по природе. И все же последнее остается делом случая. Истинное умозаключение осталось бы истинным, даже если бы мы не чувствовали никакой склонности его принять. Равным образом ложное осталось бы таковым, даже если бы в нас и было сильно желание в него верить.

9. Вне всяких сомнений мы в общем и целом суть логические животные, но животные в этом смысле несовершенные. Большинство из нас, например, по природе более жизнерадостны и полны надежд, чем это могло бы быть оправдано логикой. Мы, как кажется, устроены таким образом, что отсутствие фактов, на которые можно было бы опереться, не мешает нам находиться в состоянии благодушия и самоуспокоенности, так что результаты опыта раз от разу разрушают наши надежды и устремления. И все же с течением жизни непрерывная работа этой коррективы никак не убавляет меру нашего благодушия, вместе с тем, где надежда не выверяется опытом, там оптимизм выглядит нелепо. Логичность в отношении практических материй есть качество наиболее полезное из всех, которыми может обладать животное, и, следовательно, может быть признано результатом действия естественного отбора. Однако, помимо этого, вполне возможно, что для животного несравненно больше выгоды было бы в том, чтобы тешить сознание приятными мечтаниями, вопрос об истинности которых не стоит вовсе. Таким образом, в том, что касается предметов, далеких от практики, естественный отбор вполне мог бы заставить мысль двигаться в неверном направлении.¹

10. То, что понуждает нас, отталкиваясь от данных посылок, отказываться от одного вывода и склоняться в пользу другого, есть некая привычка ума, все равно,

¹ Не будем, однако, слишком полагаться на то, что естественный отбор есть единственный фактор эволюции. До тех пор, пока эта важная пропозиция не получит лучшего обоснования, чем то, которым она обладает в настоящее время, она не должна ослеплять нас в отношении силы, пока не примет форму основательного логического рассуждения. — 1903.

благоприобретенная или изначально органически нам присущая. Хороша или дурна эта привычка, ясно исходя из того, производятся истинные заключения из истинных посылок или нет. А процедура вывода расценивается как имеющая силу или нет не в зависимости от ссылки на истинность или ложность полученного в результате вывода заключения, но в соответствии с тем, определяет или нет привычка процедуру вывода таким образом, чтобы последняя именно служила причиной появления истинных заключений в общем и целом. Конкретная привычка ума, управляющая тем или иным выводом, может быть сформулирована в пропозиции, чья истинность зависит от того, имеют ли силу выводы, которые привычка определяет. Такая формула называется *руководящим принципом* вывода. Предположим, к примеру, мы видим, что вращающийся медный диск быстро приходит в состояние неподвижности, будучи помещен между полюсами магнита. На основании этого наблюдения мы заключаем, что это должно случиться с любым медным диском. Руководящий принцип гласит, что истинное для одного куска меди истинно для другого. Такой руководящий принцип будет гораздо более справедлив в отношении меди, нежели многих других веществ, например латуни.

11. На то, чтобы отметить все наиболее важные руководящие принципы логического рассуждения, ушла бы целая книга. Надо признаться, что она оказалась бы совершенно бесполезной для человека, ум которого всецело погружен в решение вопросов чисто практического свойства и который для своей деятельности выбирает только проторенные другими тропинки. Проблемы, занимающие подобный ум, составляет рутина, которую он раз и навсегда усвоил и ввел в обращение в изучении своего ремесла. Но как только человек решается погрузиться в незнакомое, приступить к новым областям, где его результаты уже не могут постоянно выверяться опытом — и история хранит много тому примеров, — самый тренированный интеллект обречен часто сбиваться с пути и тратить впустую силы, нисколько не продвигаясь в нужном направлении и даже выбирая прямо противоположное. Такой человек подобен кораблю в откры-

том море, на борту которого нет никого, кто понимает правила навигации. Как раз в таком случае некоторое общее изучение руководящих принципов логического рассуждения было бы полезным.

12. С предметом, однако, едва можно было бы обращаться без того, чтобы вначале его как-то ограничить, так как в качестве руководящего принципа может выступить почти всякий факт. Однако, как показывает опыт, среди фактов существует разделение, такое, что к одному классу относятся те из них, для которых существенным моментом является то, что они собственно суть руководящие принципы, в то время как ко всем остальным классам — те, которые могут представлять в качестве объекта исследования любой другой интерес. Это разделение существует между теми фактами, что всегда с необходимостью рассматриваются как само собой разумеющиеся в определении того, почему из тех или иных посылок следует то или иное заключение, и теми, что не подразумеваются в таком качестве. Ясно, что логический вопрос впервые задается уже в окружении самых разнообразных имплицитно полагаемых фактов. Подразумевается, например, что существуют такие состояния сознания, как сомнение и вера, что переход от одного к другому возможен, и объект мысли при этом остается тем же самым, и что этот переход подчинен некоторым правилам, с которыми всякое сознание связано одним и тем же образом. Поскольку это суть факты, которые нам должны быть известны до того, как мы сможем выработать какое бы то ни было ясное понятие логического рассуждения, исследование их истинности или ложности не может далее представлять большой интерес. С другой стороны, легко поверить, что правила логического рассуждения, дедуцированные из самой идеи процедуры логического вывода, есть правила наиболее существенные, и что пока соблюдается соответствие им, мы не придем, по крайней мере, к ложным заключениям из истинных предпосылок. Фактически, важность таких имплицитных полаганий, сопутствующих логическому исследованию, оказывается большей, нежели можно было предположить, и это по причинам, которые трудно раскрыть с самого начала. Единственный момент, который я в дан-

ном случае склонен отметить особо, состоит в том, что понятия, действительно являющиеся результатами логической рефлексии, избегая нашего внимания, смешиваются с нашими обычными мыслями, что часто является причиной большой путаницы. Так, например, обстоит дело с понятием качества. Качество как таковое никогда не может служить объектом наблюдения. Мы можем видеть, что вещь синяя или зеленая, но качество «бытия синим» или качество «бытия зеленым» — не суть вещи, которые мы видим. Качества суть продукты логической рефлексии. Истинно, что здравый смысл, т. е. первая мысль, которая едва возвышается над узкой практичностью, глубоко пропитана тем дурным логическим качеством, к которому обычно применяется эпитет *метафизическое*. И ничто не может прояснить ее, кроме подробного курса логики.

Сомнение и убеждение

13. Обычно мы способны определить, когда мы желаем задать вопрос, а когда вынести суждение. Для этого служит различие между ощущением сомнения и чувством убежденности.

14. Этим, однако, отличие сомнения от убеждения себя не исчерпывает. Существует различие практического характера. Наши убеждения управляют нашими желаниями и определяют наши поступки. Ассасины, или последователи Горного Старца, шли на смерть по малейшей его команде, ибо были убеждены, что повиновение ему обеспечит им вечное блаженство. Если бы они сомневались, то не поступали бы так, как поступали. И так обстоит дело с любым убеждением, в зависимости от его силы. Убежденность в той или иной степени служит указанием на то, что в нашей природе установлена некоторая привычка, определяющая наши поступки.¹ Сомнение никогда не имеет такого эффекта.

¹ Вспомним, в чем состоит природа знака, и зададимся вопросом, как мы можем знать, что некоторого рода переживание является для нас знаком того, что мы обладаем некоторой укоренившейся в нас привычкой.

15. Нам следует рассмотреть третье различие. Сомнение есть состояние, характеризующееся тревогой и неудовлетворенностью. Мы стремимся освободиться от него и прийти к состоянию убежденности,¹ поскольку последнее есть состояние покоя и удовлетворенности, от которого мы не имеем желания избавиться или сменить его на убежденность в чем-то ином.² Напротив, мы упорно

Мы можем понять одну привычку через установление сходства между ней и некоторой другой привычкой. Но для того, чтобы понять, что представляет собой любая привычка вообще, должна существовать такая привычка, которую мы напрямую (*directly*) осознаем в ее всеобщности. Иными словами, мы должны иметь некоторую всеобщность в качестве объекта прямого (*direct*) сознания. Епископ Беркли, как и наряду с ним еще многие ясные умы, не воспринимал в качестве заслуживающей малейшего доверия идею о нашей способности вообразить треугольник, не являющийся ни равносторонним, ни равнобедренным, ни не равносторонним. Они полагали, что объект воображения должен быть точно определен во всех отношениях. Но мы, очевидно, также должны обладать способностью воображения некоторого всеобщего. В данном случае я вовсе не имею намерения обсуждать проблемы психологии. Нам нет никакой необходимости во всех деталях знать, как именно совершается наша мысль. Для нас важно знать лишь, как она может совершиться. Вместе с тем я могу предположить, что наше прямое сознание покрывает собой некоторый, хотя и бесконечно малый, временной отрезок. Так или иначе, я не вижу возможности не принимать в расчет пропозицию о том, что для того, чтобы приписать тому или иному знаку некоторую общую значимость (*significance*), мы должны иметь прямое воображение чего-то, что не может быть определено во всех отношениях. — 1893. <...>

¹ В этом сомнение сравнимо с любым другим стимулом. Истинно, что так же, как человек может, предвкушая удовольствие предстоящего застолья, намеренно отказаться от еды и испытывать при этом чувство голода, хотя голод всегда подразумевает желание наполнить желудок, он может ради удовольствия от исследования намеренно искать сомнений. Но, учитывая все это, сомнение вместе с тем существенным образом предполагает и стремление от него избавиться. — 1893.

² Здесь речь не идет о вторичного характера эффектах, порождаемых вмешательством каких-либо иных побуждений [«вторичного характера <...> порождаемых» в 1910 г. заменено на «случайных <...> привносимых рефлексией или <...>»].

цепляемся, и не просто за убежденность, но за убежденность в том, в чем мы действительно убеждены.

16. Таким образом, и сомнение и убеждение оказывают на нас положительное, хотя и очень различное влияние. Убеждение не заставляет нас действовать немедленно, но помещает нас в такого рода обусловленность, которая обязывает нас совершать определенного типа поступки в соответствующей ему ситуации. Сомнение ни в коей мере не обладает таким активным эффектом. Оно побуждает нас к исследованию причин до тех пор, пока <благодаря этому исследованию само сомнение> не будет рассеяно. В чем-то это напоминает раздражающее воздействие на нервное окончание и порождаемый таковым ответный рефлекс. В качестве аналогии функционирования нервной системы с действием убеждения мы должны обратиться к тому, что принято называть ассоциативными реакциями. Например, к той устойчивой реакции нервных окончаний, в соответствии с которой запах персика вызывает слюну.¹

¹ Так или иначе, сомнение обычно не есть нерешительность относительно того, что должно предпринять там и тогда. Это предожидаемая нерешительность на предмет того, как вообще следует поступать впоследствии, или выдуманная нерешительность по поводу воображаемого положения вещей. Ведь мы сомневаемся не в чем ином, как только в нашей способности достигать состояния убежденности. При этом наше сомнение еще усиливается неизвестностью относительно того, приведет ли собственно решение дилеммы принятия убеждения к формированию осознанной привычки, которая окажется действенной в реальной критической ситуации. Совокупность этих двух условий и делает нас разумными существами.

Любой ответ на вопрос, имеющий какое-либо значение, представляет собой решение, принятое относительно того, как должно действовать в некоторых воображаемых обстоятельствах, или как мир, в соответствии с нашими ожиданиями, будет воздействовать на наши чувства. Предположим, мне сказали, что если две прямые линии, проведенные в одной плоскости, пересекаются третьей линией таким образом, что сумма внутренних углов с одной стороны меньше двух прямых, то эти линии, будучи продолжены, пересекутся как раз на той стороне, с которой указанная сумма меньше двух прямых. Для меня это означает, что если бы я провел две

Цель исследования

17. Раздражающее действие сомнения становится причиной начала борьбы за достижение состояния убежденности. Я называю эту борьбу *исследованием*, хотя следует заметить, что это обозначение зачастую не вполне адекватно.

18. Раздражающее воздействие, которое оказывается сомнением, есть единственная непосредственная мотивация борьбы за достижение состояния убежденности. Несомненно, для нас чрезвычайно благотворен тот факт, что наши убеждения способны направлять наши поступки таким образом, что это ведет к удовлетворению наших желаний. Последнее вынуждает нас отказаться от убеждения, форма которого не гарантирует подобный исход, и это возможно лишь с возникновением сомнения, вытесняющего прежнее убеждение.¹ Таким образом, с сомнения борьба начинается и с прекращением сомнения заканчивается. Отсюда, единственная цель исследования есть установление мнения. Мы можем вообразить себе, что этого не достаточно и что мы ищем не просто мнение, но мнение истинное. Но подвергнем эту фантазию испытанию, и она докажет свою несостоятельность. Ибо как только мы обретаем устойчивое состояние убежденности, мы полностью удовлетворены, истинно убеждение или ложно. Ясно, что ничто извне сферы нашего знания не может служить нам объектом, ибо если нечто не воздействует на сознание, это нечто не может выступать в качестве мотивации в приложении умственных усилий. Я склонен полагать, что мы хотим найти убеждение, о котором, в силу того же желания, не можем не *думать* как об истинном. Мы, однако, считаем

прямые в одной плоскости и захотел выяснить, где они пересекутся, я мог бы провести пересекающую их третью линию, которая бы показала, с какой стороны сумма двух внутренних углов меньше двух прямых, и затем продолжить линии с этой стороны. Подобным же образом, всякое сомнение есть состояние неуверенности по поводу воображаемого положения вещей.

¹ До тех пор и в той степени, пока это будет побуждать нас к модификации наших желаний. — 1903.

истинным каждое наше убеждение, поэтому данное утверждение является тавтологией.¹

То, что установление мнения есть единственная цель исследования, — очень важное положение. Оно сразу упраздняет всевозможные неопределенные и ошибочные концепции и доказательства. Некоторые из них можно здесь отметить.

19. 1) Некоторые философы полагают, что для того, чтобы начать исследование, необходимо просто задать вопрос, устно или записав его на бумаге, и даже рекомендовали нам начать наши научные занятия с постановки под вопрос всего! Но простое облечение пропозиции в вопросительную форму не подвигает сознание на борьбу за обретение убеждения. Должно иметься актуальное значимое сомнение, без которого все предприятие рухнет не начавшись.²

2) То, что всякое доказательство должно опираться на некоторые окончательные и абсолютно несомненные

¹ Поскольку истина есть не более и не менее, чем характер некоторой пропозиции, состоящий в том, что убежденность в этой пропозиции, если таковая обоснована опытом и рефлексией, приведет нас к такому поведению, которое бы способствовало удовлетворению желаний, каковы эти убежденность будет определять. Говорить, что истина значит нечто большее, значит утверждать, что она вовсе не имеет значения. — 1903.

² До тех пор пока мы не можем точно указать на ошибочность мнений, которых мы придерживаемся, они остаются нашими мнениями. Для нас будет весьма полезным сделать общий обзор причин наших убеждений. В результате мы придем к выводу, что большинству из них мы доверились еще в то время, когда были слишком молоды, чтобы уметь отличить заслуживающее доверия от неправдоподобного. Такая рефлексия может стать причиной возникновения реальных сомнений относительно некоторых из них. В случаях же, когда реальное сомнение в нашем сознании отсутствует, исследование всегда оказывается пустым делом, замазыванием недостатков, которое лучше бы вовсе не предпринимать. Эта ошибка была весьма распространена в философии в те времена, когда главным занятием в университетах были Диспуты, а именно, с XIII века, когда они начали появляться, и до середины XVIII, и даже по сей день в некоторых католических учебных заведениях. Но с тех пор, как Диспуты вышли из моды, эта философская болезнь стала менее страшна. — 1893.

пропозиции, является общим местом. Такими пропозициями, согласно одной из традиций, являются первые принципы общего характера. Другая ставит на их место первичные чувственные восприятия. На деле же исследование, желающее иметь вполне удовлетворительный результат, называемый наглядным доказательством (*demonstration*), должно начинаться с пропозиций, совершенно свободных от *актуального* сомнения. Если посылки не вызывают никаких сомнений, они не могут стать более удовлетворительными, чем они суть.¹

3) Некоторые полагают правильным продолжать оспаривать то, в чем у всех окружающих нет никаких сомнений. Это, однако, как правило, приносит мало пользы. Там, где исчезает сомнение, нет места для умственного эксперимента. И даже если движение мысли не прекращается, то это происходит безо всякой цели.²

Методы закрепления убеждения

20. Если установление мнения — единственная цель исследования и если убеждение имеет природу привыч-

¹ Должно признать, что сомнения относительно этих посылок вполне могут возникнуть впоследствии, но мы не находим ни одной пропозиции, которая была бы способна избежать случайности такого возникновения. Мы, напротив, должны строить наши теории таким образом, чтобы они именно открывали возможность для подобных случайностей, во-первых, основывая эти теории на возможно более обширном множестве различных предположений, а во-вторых — оставляя место для изменений, которые мы не можем предвидеть, но которые, вполне вероятно, окажутся необходимыми. Некоторые системы в гораздо большей степени открыты для подобного рода критического рассмотрения, нежели другие. Те, которые опираются на «непознаваемость противоположного», оказываются наиболее хрупкими и недолговечными. Те же, что ищут основание в положительных свидетельствах и не настаивают на абсолютной точности своих положений, разрушить довольно трудно. — 1893.

² Если только целью мысли не является самокритика. Вставить здесь параграф о самоконтроле и аналогии между самоконтролем Моральным и Рациональным. — 1903.

ки, почему бы нам не признать в качестве ответа на поставленный вопрос любую из наших возможных фантазий, постоянно твердить ее себе, останавливаться на всем, что может нас привести к указанному убеждению, и отвергать с презрением и ненавистью все, что может это убеждение поколебать? Этот простой и ясный метод у многих в почете. Помню, как в свое время меня пытались предостеречь от чтения одной газеты, которая могла повлиять на мое мнение относительно свободной торговли. «Чтобы я не попался на удочку ее неосновательных доводов и ложных умозаключений», — такова была формулировка. «Ты не особенно искушен в политической экономии. Велика вероятность, что за частными вопросами ты не увидишь главного и легко позволишь себя обмануть, так что, прочитав эту газету, уверуешь в справедливость протекционизма. Сейчас же ты вполне убежден в необходимости свободной торговли и не желаешь верить в обратное». Я знаю множество случаев, когда подобный способ размышления сознательно брался на вооружение. И все же гораздо чаще инстинктивная неприязнь к неопределенности, усиливающаяся страхом сомнения, заставляет человека судорожно цепляться за мнение, которого он придерживался изначально. Ему хочется верить, что если только он будет придерживаться своего убеждения без каких-либо колебаний, оно непременно будет всецело удовлетворительным. Трудно также не согласиться с тем, что прочное и неколебимое убеждение приносит покой уму. Хотя оно и способно стать причиной неприятностей, как если бы когда человек со всей решительностью продолжал верить, что огонь никак не сможет его обжечь, или что он будет навеки проклят, если примет *ingesta* иначе, чем через желудочный зонд. Но человек, который придерживается данного метода, никогда не признается себе, что связанные с этим методом неприятности перекрывают все мыслимые его преимущества. Он скажет: «Я непоколебимо придерживаюсь истины, а истина всегда полезна». И действительно, часто удовольствия умиротворенной веры перевешивают все неудобства, происходящие от самообмана. Так, если правда, что смерть есть путь в ничто, то человек, убежденный в том, что после смерти ему уготовано место в раю при условии выполне-

ния при жизни некоторых простых ритуалов, отдается дешевому удовольствию, по определению не имея никаких шансов убедиться в том, как наивна и неосновательна его вера.¹ Подобные соображения, по-видимому, имеют вес для множества людей религиозных, ибо часто мы слышим: «Я не смог бы уверовать в то-то и то-то, ибо если бы уверовал, то непременно был бы проклят навеки». Когда страус, предчувствуя опасность, прячет голову в песок, он, похоже, счастливейшее из животных. Он прячет свой страх, и это дает ему повод надеяться на то, что опасность миновала. И если он обретает таким образом абсолютную в этом уверенность, что может заставить его взглянуть правде в глаза? Человек часто идет по жизни, систематически упуская из виду то, что могло бы заставить его изменить свои взгляды, и если только он преуспевает в этом, основывая свой метод на двух фундаментальных законах психологии, я не вижу, что можно было бы на это возразить. Дерзостью покажется попытка убедить его в иррациональности совершаемых им поступков, ибо это равносильно просто утверждению, что его метод закрепления убеждения не сходен с нашим. Он и не стремился вести себя рационально и даже часто с насмешкой говорил о слабости разума и иллюзорности даруемых им преимуществ. Так что наилучшим было бы просто оставить его при своем мнении.

21. Данный метод закрепления убеждения может быть назван методом упорства (*tenacity*). Он не в состоянии служить основанием для практики, ибо, прежде всего, неприменим в жизни общественной. Человек, его исповедующий, рано или поздно обнаружит, что другие люди думают совсем иначе. Задумавшись над этим фактом, он неизбежно придет к выводу о том, что чужие мнения столь же хороши, сколь и его собственные, и это заставит его усомниться в справедливости своих убеждений. Понимание того, что мысли и переживания другого могут иметь равную ценность с нашими собственными, является совершенно новым и очень важным шагом. Мы

¹ Хотя вполне может случиться так, что это обусловит такую линию поведения, следование которой приведет к страданиям, притом что более глубокая рефлексия помогла бы их избежать. — 1903.

делаем этот шаг благодаря склонности слишком сильной, которая не может быть совершенно искоренена без того, чтобы не подвергать себя опасности, грозящей уничтожением человека вообще как вида. Если только мы не стремимся вести жизнь отшельников, мы должны влиять на мнения друг друга. Так что проблема закрепления убеждения приобретает новый характер. Речь теперь уже идет не столько об убеждении индивида, сколько о совокупности убеждений сообщества.

22. Попробуйте дать волю не индивиду, а государственной машине. Представьте себе, что организовано некое учреждение, объектом забот которого являются доктрины и обеспечение неукоснительного следования их установкам со стороны населения, их публичная пропаганда, преподавание их основ юношеству и в то же время пресечение влияния, возможности преподавания и открытого исповедания противоположных доктрин. Пусть все возможные причины возможных изменений общественного сознания будут удалены из человеческих представлений. Пусть люди пребывают в невежестве, чтобы у них не достало ума что-то решать или думать иначе, чем они привыкли. Завербуйте их чувства и заставьте их относиться к мнениям необычным и оригинальным только с ненавистью и ужасом. Затем устрашите и заставьте молчать всех тех, кто отбрасывает установившиеся убеждения. Пусть народ выгонит таких на улицу, пусть их измажут дегтем и вываляют в перьях, пусть способ мышления подозреваемых подвергнется тщательному изучению, и когда они будут признаны виновными как сторонники запрещенных убеждений, подвергните их примерному наказанию. Если полное соглашение не может быть достигнуто иначе, тогда общее избивание всех инакомыслящих оказывается очень эффективным средством установления нужного мнения в стране. Если власть нуждается, пусть будет составлен перечень мнений, с которым ни один человек с самой малой степенью независимости мышления не согласится, и прикажите правоверным принять все эти положения и подвергните их сегрегации настолько радикальной, насколько возможно, от влияния остального мира.

Этот метод с древнейших времен имеет большое значение в оказании поддержки нужным теологическим и

политическим учениям и в защите их притязаний на всеобщий или вселенский характер. Рим, к примеру, знал его со времен Нумы Помпилия до времен папы Пия IX. Это наиболее показательный пример из истории, но и вообще везде, где только есть духовенство — а ведь религия ничто без него, — этот метод в той или иной степени находил для себя благоприятную почву. Везде, где есть аристократия, гильдейские союзы или любое другое объединение людей, чьи интересы зависят или, во всяком случае, предполагается, что зависят, от поддержания тех или иных конкретных положений, там неизбежно будут найдены следы этого естественного продукта общественного сознания. Такие системы всегда изощрены в жестокости. И если система последовательна, то зверства самого отвратительного рода с точки зрения любого разумного человека являются неизбежностью. Это обстоятельство и не удивительно, так как для надзирающего над начинаниями общественной жизни не существует оправдания из милосердия на случай отказа принять интересы данного сообщества как свои собственные, если только это не затрагивает его интересов. Поэтому кажется естественным, что часто взаимная симпатия и чувство локтя таким образом порождают самую бесчеловечную власть.

23. В обсуждении данного метода закрепления убеждения, который может быть назван методом авторитета, мы в первую голову должны согласиться с его умственным и моральным превосходством по отношению к методу упорства. Соответственно тому более ощутим и его успех. И на деле много раз он давал результаты, которым остается лишь удивляться. Каменные громады в Сиаме, Египте или Европе по величию своему соперничают с самыми грандиозными творениями Природы. И если оставить в стороне допотопные геологические эпохи, мы не находим периодов времени, сравнимых по продолжительности с теми, которые измеряются влиянием некоторых из организованных с помощью этого метода систем убеждений.¹ Тщательное исследование показывает,

¹ Объедините их так, как это делает в своей «Всеобщей молитве» (*Universal Prayer*) Александр Поп, и найдется ли человек, который осмелится в своем тщеславии противопоставить им свое мнение? Указанные убеждения претендуют на божественное происхождение, и действительно — говорить, что человек

что ни одно из входящих в эти системы убеждений не оставалось неизменным. Изменения, однако, протекали столь медлительно, что казались незаметными в сравне-

их *открыл*, все равно что приписывать птицам авторство песен, которые они поют. Возврат к методу упорства разобщает их и делает служителя церкви слепым к чему бы то ни было, оставляя ему как единственную ценность лишь ненависть. Всякое отдельно взятое вероучение, как факт истории, было придумано кому-то во зло. И все же результат в целом каждый раз имел неизменный успех. И если для некоторой группы людей мнение, навязывающее им рабство, есть нечто естественное и полезное, то они и должны оставаться рабами.

Любая подобная система изначально устанавливалась неким отдельным законодателем или пророком и, будучи однажды установленной, развивалась далее уже сама по себе. Однако сам принцип ее роста вместе с тем неизменно нес в себе и начало распада. Индивидуализм теперь не имеет более продолжения, и только организация имеет право на жизнь. С течением времени старые проблемы исчезают и приобретают насущность новые. Море наступает и отступает, и случается так, что орда, жившая всегда только захватом чужих территорий, в конце концов совершает завоевание, бесповоротно изменяющее картину мира в целом. Тем или иным образом старые торговые пути теряют свое бывшее значение. С этими изменениями приходит новый опыт и новые идеи. Народы начинают восставать против власть предержащих, законам которых в прежние времена они бы беспрекословно подчинились. Вопросы, прежде никогда не возникавшие, требуют своего решения, но отдельный законодатель уже не имеет на это права. Инстинкт правителей всегда ясно указывал на то, что созыв народного собрания есть мера, чреватая опасностью для установленной власти. И все же, как они ни стремятся избежать этого, они теперь вынуждены считаться с общественным мнением, способствуя тем самым возникновению нового метода установления мнения. Последний приводит к волнениям, люди, объединяясь в союзы, обсуждают сложившееся положение дел, в их умах вспыхивает искра подозрения — передающегося от сознания к сознанию как бы по выложенной пороховой дорожке — в том, что Официоз (*Dicta* — высказывания судьи, не имеющие силы приговора (юр.)), к которому люди до сих пор относились с почтением, есть не что иное, как плод непостоянства и своеволия некоего деятеля, любящего вмешиваться в чужие дела, амбиций честолюбца или других влияний, имеющих целью поучать совещательное собрание. С этих пор человек начинает требовать, чтобы — поскольку власть, поддерживающая убеждение, систематизирована и устанавлива-

нии с жизнью одного поколения, так что то или иное конкретное убеждение отдельного человека, казалось, было более или менее закреплено. Поэтому для большей части человечества, возможно, не существует метода более подходящего и полезного. Если высшим счастьем для них представляется быть рабами и находиться в полной интеллектуальной зависимости, то рабами они и должны оставаться.

24. Однако ни один общественный институт не способен контролировать мнения по каждому поводу. Внимание уделяется лишь наиболее важным из них. В отношении остальных умы граждан должны быть предоставлены действию естественных причин. При этом подобное несовершенство вовсе не будет источником слабости, пока люди пребывают на таком культурном уровне, который не позволяет, чтобы одно мнение оказывало влияние на другое, т. е. — пока они не могут сложить два и два. Но в государствах с сильной религией могут быть найдены примеры личностей, возвышающихся над раз и навсегда установленным положением вещей. Такие личности представляют собой носителей общественного сознания более широкого спектра. Они замечают, что люди в других странах и в другие времена придерживались совсем других убеждений, отличных от тех, которых они сами придерживаются; они не могут не замечать, что причина, заставляющая их верить в то, во что они верят, состоит в особенностях образования, случайности окружения и обычаев. И их искренность не может сопротивляться ясному пониманию того, что нет причин ставить свои собственные представления выше, чем таковые других народов и эпох. И это вызывает сомнения в их умах.

25. Далее они обнаруживают тот факт, что подобного рода сомнения посещают их в отношении всякого убеждения, которое определяется либо их собственным усмотрением, либо установлениями тех, кто манипулирует общественным мнением. С добровольной приверженностью некоторым убеждениям и деспотическим принуж-

ется уже не произволом, но общественным мнением — пропозиции, которые должны стать объектами убеждения, служили выражением общественного мнения. — 1893.

дением к этому других должно поэтому быть покончено. Должен быть принят новый метод установления мнений, который бы не только служил побудительным мотивом к принятию того или иного убеждения, но также способствовал бы решению вопроса о том, какое положение должно быть принято на веру. Если дать естественным предпочтениям действовать беспрепятственно, то люди, попадая под их влияние, сообща и всесторонне обсуждая различные насущные проблемы, постепенно усовершенствуют свои убеждения, приведя их в состояние гармонии с естественными причинами. Такой метод сходен с тем, под влиянием которого зреет и приходит к окончательной завершенности художественный замысел. Наиболее же удачный пример его должно искать в истории метафизики. Подобного рода метафизические системы обычно не основываются на наблюдаемых фактах, и если это происходит, то по крайней мере в очень незначительной степени. Они в основном принимаются потому, что их фундаментальные основания кажутся «соответствующими Разуму». Это выражение очень к месту, оно подразумевает нечто, находящееся в согласии не с опытом, но только с тем, во что мы сами имеем склонность верить. Платон, например, находит соответствующим Разуму утверждение, что расстояния между небесными сферами должны быть пропорциональны длинам струн, звучание которых является выражением абсолютной гармонии. Многие философы вывели свои главные умозаключения, рассуждая подобным образом.¹ Это, однако, самая

¹ Рассмотрим, каким образом некоторые из величайших философов пришли к своим убеждениям и в чем состоял их успех. Декарт, полагавший основанием всякой науки метод сомнения, соглашается с тем, что существует нечто, относительно чего сомнение невозможно, а именно факт очевидности самого сомнения. Когда человек осознает, что находится в состоянии сомнения, он более уже не может сомневаться в том, что он сам существует. Далее, поскольку он тем не менее по-прежнему сомневается в действительности формы и движения, он, по мнению Декарта, должен придти к пониманию того, что ни первое, ни второе, ни что бы то ни было еще не принадлежит его природе, которую составляет лишь сознание. Это означает признание само собой разумеющимся следующего факта: ничто, составляющее собственно его природу, не остается скрытым,

первая и наименее развитая форма, в которую отливается данный метод. Ведь ясно, что другой человек вполне мог бы найти более согласующейся с *его* разумом,

но все есть чистая поверхность. Следующим шагом, по Декарту, сомневающийся осознает, что обладает идеей Абсолюта, т. е. абсолютного, всемогущего и совершенного существа. Абсолют бы не обладал указанными качествами, если бы его существование не было абсолютно необходимым и вечным. Под абсолютно необходимым существованием он имеет в виду существование, определяемое идеей существования. Следовательно, всякое сомнение в существовании этого Абсолюта должно отпасть. Последним подразумевается, что закрепление убеждения происходит благодаря тому, что человек находит в собственном сознании. Ход его рассуждений примерно таков: в книге моего разума записано, что существует некий X, представляющий собой такое нечто, что оно существует в тот момент, в который это было записано. Иными словами, он указывает на такого рода истину, которая, утверждая нечто, делает это нечто существующим. Далее он приводит два доказательства существования Бога. Он делает Бога наиболее легко познаваемой вещью из всех, ибо он является всем, что мы можем о нем подумать. Последнее утверждение есть не что иное, как точное определение понятия *вымысла*. В частности, Бог не может быть обманщиком. — Из этого следует: все, что некто ясно и отчетливо осознает как истинное, отражает собой необходимую связь вещей и *должно* являться истинным. Отсюда: если люди подвергнут тот или иной предмет всестороннему и тщательному исследованию и придут к окончательному согласию по поводу того, что они о нем думают, вопрос найдет свое решение. Замечу, что теория эта неоднократно служила предметом обсуждения, и сейчас с определенностью можно сказать, что в ней утверждается совершеннейший вздор.

Многие критики говорили мне, что я неверно толкую философию *a priori*, когда утверждаю, что она соглашается с любым мнением, к принятию которого влечет ее сторонников естественная склонность ума. Никто, однако, не может сказать, что это как раз не определяет с точностью позицию, занимаемую Декартом. На что же еще он опирается, как не на естественную склонность мышления? Все же, начиная с Канта, этот порок был искоренен. Великая заслуга Канта состоит в том, что он критически подходит к исследованию естественной склонности ума принимать то или иное мнение за истинное. Утверждение о том, что нечто является *абсолютно* истинным, не может быть гарантировано опытом. Утверждение о

скажем, теорию Кеплера, по которой небесные тела пропорциональны сферам, вписанным внутрь и описанным вокруг правильных геометрических фигур. Однако

том, что нечто является истинным с необходимостью (т. е. истинным не только относительно существующего, но также относительно предполагаемого в будущем положения вещей), также не может найти свое подтверждение в опыте возможного будущего. Выводы, к которым приходит Кант, отстаивались еще Лейбницем и Юмом. И хотя они и выстроены в духе номинализма, с ними вряд ли можно не согласиться. Следует еще добавить: что бы ни считалось в точности соответствующим истине, выходит за рамки вообще всякого возможного опыта. Принимая данные критерии, Кант рассуждает следующим образом: Положения геометрии признаются абсолютно истинными. Следовательно, они не основываются в опыте. Отсюда, их существование должно быть связано с внутренней необходимостью, присущей человеческой природе, с которой он наблюдает предметы в пространстве. Значит, то, что сумма (*Ergo, the sum*) углов треугольника равна двум прямым, будет верно для всех объектов, доступных для наблюдения, и не более того. При этом сухая гниль мысли, ограниченной только штудиями в духовной семинарии, склонна видеть в этой проблеме излюбленный предмет для дискуссий. Я мог бы пройти *Критику Чистого Разума*, глава за главой, доказывая ход ее рассуждений. Кант показывает, что обычные объекты, будь то деревья или золотые слитки, подразумевают за собой (*involve*) элементы, не содержащиеся в первичных представлениях чувственности. При этом мы не можем заставить себя отказаться от мысли о реальности деревьев и золотых слитков, относительно которой существует как бы внутренняя настоятельность, требующая от нас принять убеждение в их реальности так, как принимают пилюлю. Мы принимаем такое убеждение, не задавая вопросов, поскольку оно ясно не противоречит мнениям нас окружающих. Когда он приходит к идеям Бога, Свободы и Бессмертия, то начинает колебаться. Ибо людям, чьи мысли только о хлебе насущном, удовольствии и власти, они безразличны. Он подвергает эти идеи всестороннему исследованию и в конце концов приходит к выводам, которые у семинаристов вызывают большие подозрения, но для любого настоящего ученого, уделяющего должное время лабораторным занятиям, обладают несравненно большим весом, чем те, что касаются вопросов пространства, времени и причинности. Из последних лишь следует, что то, в чем мы естественным образом и с достаточной силой убеждены, является истинным. Если бы Кант просто сказал, что принимает на веру равенство сум-

столкновение различных мнений быстро приводит его к необходимости опереться на положения как можно более универсального характера. Взять, к примеру, учение

мы углов треугольника двум прямым по той причине, что ни у кого, кроме брата Ламберта и еще нескольких итальянцев это никогда не вызывало никаких сомнений, это было бы вполне понятно. Однако он и те, кто принадлежит теперь к его школе, напротив, считают данное положение *доказанным*, а мнение Ламберта *опровергнутым* с помощью того, что на деле обнаруживает себя просто нерасположенностью согласиться с последним.

Что касается Гегеля, ведшего за собой Германию в течение целого поколения, то он просто отдает парусник своей мысли на волю волн и позволяет ему плыть туда, куда несет его течение. Сам он называет свой метод *диалектикой*, имея в виду, что открытая дискуссия проблем, которые спонтанно возникают на пути утверждения любого мнения, приводит к его изменению, которое продолжается до тех пор, пока не достигается прочное основание. В этом он, вне сомнения, последовательно применял метод, основанный на естественной склонности.

Некоторые философы апеллируют к «непознаваемости противоположного», другие к «пресуппозициям» (под которыми они подразумевают *Voraussetzungen*, или *постулаты*). Все это тем не менее не что иное, как разновидности рытья по чердакам рассудка в поисках сносного мнения об Универсуме.

Когда мы переходим от рассмотрения теорий, придерживающихся метода авторитета, к методу, закрепленному за собой философией, мы не только находим себя в гораздо более высокоразвитой интеллектуальной атмосфере, но также в более чистой, свободной, светлой и освежающей атмосфере моральной. Оставив, однако, при этом в стороне один значимый вопрос: преуспевает ли метод философии в закреплении мнений. Проекты указанных авторов звучат убедительно, так что нетрудно уверовать в их успех. На деле же это вовсе не так, ибо исследование их приводит к обескураживающим результатам. Трудность в том, что убеждения, которые сегодня кажутся непогрешимыми, завтра могут быть признаны лишены всякого основания. Они гораздо более подвержены изменениям, чем это может показаться поспешному читателю, поскольку язык, облачающий уже почившие убеждения, есть всегда одежда из вторых рук.

Мы все еще рассуждаем о «причине и следствии», хотя представления о мире, где царствует механицизм, которым язык хочет дать выражение, давно уже пылятся на полке. Теперь

о том, что человек совершает поступки только исходя из эгоистических побуждений, то есть по соображениям, согласно которым поступая одним образом он достигнет большего удовольствия, нежели поступая другим. Это учение не имеет абсолютно никакой фактической опоры, но находит весьма широкое признание в качестве единственно разумного.¹

26. Данный метод гораздо более интеллектуален и достоин уважения с точки зрения разума, чем любой другой из тех, о которых мы уже упомянули. Конечно, ему и должно следовать, если мы не можем найти опоры ни в чем более подходящем, поскольку он есть выражение инстинктивного начала, служащего, как известно, непререкаемым основанием веры во всех случаях. Несостоятельность его тем не менее очевидна. Он делает из исследования нечто напоминающее совершенствование вкуса, но вкус, к сожалению, всегда более или менее вопрос моды. Поэтому метафизики никогда не приходят ни к какому устойчивому соглашению — их мнения качаются подобно маятнику, балансируя между крайними вариантами материализма и спиритуализма с древности и до самого последнего времени. Итак, от того, что получило название «*априорный метод*», мы переходим, выражаясь языком лорда Бэкона, к истинной индукции. Мы исследовали априорный метод как нечто такое, что обещало избавить наши мнения от элементов случайности и произвольности. Однако развитие, понимаемое как процесс предупреждения возможного влияния случайных обстоятельств, вместе с тем лишь притягивает дру-

для нас очевидно, что ускорение частицы в любой момент времени зависит от того положения, которое в тот же момент занимают относительно нее другие частицы. Согласно прежним представлениям, прошлое оказывает влияние на будущее, в то время как будущее никак не влияет на прошлое. Но закон «спроса и предложения» наделяется экономистами разных времен и убеждений совершенно различным смыслом. — 1893.

¹ Каковое признание главной своей причиной имеет мнение, что удовольствие есть единственное изначальное благо. Однако указанное мнение, или даже мнение, что удовольствие само по себе вообще есть некоторое благо, надежно лишь до тех пор, пока тот, кто его придерживается, не имеет какой-либо ясной идеи того, что он подразумевает под «благом». — 1903.

гие обстоятельства. Данный метод поэтому не столь уж существенно отличается от метода авторитета. Правительство, быть может, и пальцем не шевельнет, чтобы повлиять на мои убеждения, так что я внешне останусь весьма свободен в выборе, скажем, между моногамией и многоженством; обращаясь исключительно к своей совести, я могу прийти к выводу, что последнее само по себе безнравственно. Но когда я начинаю понимать, что главным препятствием к распространению христианства среди людей такой высокой культуры, как индийцы было осуждение ими безнравственности нашего пути обхождения с женщинами, я не могу не видеть, что, несмотря на невмешательство правительства, всякое проявление чувств в их развитии будет в большой степени определяться именно случайными обстоятельствами. Некоторые — среди которых я надеюсь найти и своих читателей, — замечая, что любое из их верований определяется обстоятельствами, никак не подтверждаемыми фактически, с того самого момента не просто признают на словах, что убеждения их сомнительны, но испытывают реальное сомнение в их истинности, так что последние, как минимум до некоторой степени теряют свою прежнюю убедительность.

27. Следовательно, чтобы побороть сомнения, необходимо найти метод, согласно которому наши убеждения определяются не чисто человеческими обстоятельствами, но некоторым внешним сознанию постоянством (permanency), на которое наше мышление не имеет никакого влияния.¹ Некоторые мистики воображают, что как раз такому методу они следуют, получая откровения свыше в частном духовном общении. Последнее, однако, лишь еще одна форма, в которую облачается метод упорства, где понятие истины как публичного достояния еще не находит своего развития. Постоянство внешнего не было бы — в том смысле, который мы ему придаем, — внешним, если бы оно было ограничено в своем влиянии одним индивидуумом. Это должно быть что-то такое, что воздействует или может воздействовать на всякого че-

¹ Но которая, в свою очередь, неизменно стремится оказать влияние на мысль, или, иными словами — чем-то Реальным. — 1903.

ловека. И хотя все возможные воздействия с необходимостью столь же различны, сколь и обстоятельства жизни каждого индивидуума, метод должен быть выстроен таким образом, чтобы окончательные выводы, к которым приходит каждый, были подобны.¹ Как раз таков метод науки. Его основополагающая гипотеза, переформулированная на язык более доступный, состоит в следующем: Существуют Реальные вещи, характеры которых совершенно независимы от нашего о них мнения. Эти Реалии воздействуют на наши органы чувств в соответствии с некоторыми постоянными законами. И хотя наши чувственные представления об одних и тех же объектах отличаются друг от друга настолько же, насколько и наши отношения к этим объектам, мы, пользуясь преимуществами законов, управляющих восприятием, можем посредством логических рассуждений вынести правильное умозаключение о том, чем вещи являются в действительности и поистине. Любой, кто обладает хорошим запасом опытных знаний, после достаточно долгого логического рассуждения придет к Истинному умозаключению. Понятие, суть которого здесь раскрыта, есть понятие Реальности. Может возникнуть вопрос: откуда мне известно о существовании неких Реалий? Если данное положение, по форме представляющее собой гипотезу, есть единственное основание метода исследования, такой метод исследования не должен быть использован в качестве доказательства подобной гипотезы. Я мог бы ответить следующее: 1. Если исследование и не может быть расценено как доказательство того, что имеются Реальные вещи, оно по крайней мере не ведет к противоположному заключению. При этом метод и понятие <Реальности>, на котором основано исследование, всегда остаются в гармонии друг с другом. Поэтому метод исследования не может быть подвергнут сомнению на основании практики этого исследования, как происходит в случае со всяким другим. 2. Любой метод закрепления убеждения берет свое начало в переживании неудовлетворенности от того, что имеются две исключаящие одна другую пропозиции. Но самым этим фактом уже делает

¹ Или были бы (would be) подобны, если бы исследование было продолжено с достаточным упорством. — 1903.

ся едва различимая уступка в пользу того, что имеется во всяком случае некая *одна* вещь, которую пропозиция должна репрезентировать. Никто поэтому не может обоснованно сомневаться в существовании Реалий, ибо если бы он усомнился в этом, то его сомнение не стало бы источником возникающего в случае всякого сомнения чувства неудовлетворенности. Обсуждаемая гипотеза поэтому такова, что всякое сознание вынуждено ее принять. Так что импульс, обусловленный социально, не может заставить человека в ней сомневаться. 3. Каждый применяет научный метод по великому множеству поводов, прекращая использование его лишь тогда, когда не знает, как найти ему применение. 4. Опыт использования этого метода никогда не приводит к сомнению в нем. Напротив, научное исследование достигает как раз наиболее замечательных результатов именно на пути установления мнения. Это доказывает справедливость отсутствия сомнений в данном методе и гипотезе, которую он подразумевает как у меня, так, смею надеяться, и у всех, для кого значимо мое мнение. Более того, пытаться что-либо добавить к уже сказанному по этому поводу было бы пустой тратой времени. Если есть кто-нибудь, у кого имеется сомнение относительно данного предмета, пусть он возьмет на себя труд доказать свою точку зрения.¹

¹ Изменения привносятся во мнение событиями вне сферы человеческого влияния. Человечество в целом настолько твердо придерживалось мнения, что скорость падения тяжелых тел должна быть выше, нежели таковая тел легких, что любой другой взгляд на вещи неизменно признавался абсурдным, эксцентричным, или по крайней мере неискренним. И все же так скоро, как некая группа эксцентричных и нестандартно мыслящих людей сумела — что было совсем нелегкой задачей — привлечь к своему эксперименту внимание сторонников здравого смысла, стало очевидно, что природа совсем не склонна во всем следовать мнениям людей, как бы ни были они в них единодушны. Тем самым было доказано не что иное, как только то, что человек должен рассуждать с позиций природы. Это был для него урок скромности, показавший, что он, собственно, должен образовывать свое мнение с природой. Небольшая группа ученых пришла в результате своих лабораторных занятий к выводу, что человеку должно отказаться от гордыни, в которой он полагал себя обладателем мнения, окон-

28. Описание метода научного исследования — цель ряда настоящих статей. Что касается данной статьи, то мне осталось только указать на некоторые отличия этого метода от других методов закрепления убеждения.

Научный метод представляет собой единственный из четырех рассмотренных, который дает ясный критерий различения между верным и неверным путями исследования. Если я принимаю метод упорства, желая тем самым изолировать себя от каких бы то ни было влияний извне, то все, что бы я ни посчитал необходимым для этого сделать, в соответствии с этим методом будет немедленно признано необходимым. То же справедливо и относительно метода авторитета: государство способно для подавления ереси прибегнуть к средствам, которые с научной точки зрения покажутся чистым просчетом, попадающим мимо цели. Единственным критерием действительности *этого метода* служит точка зрения данного государства, так что само оно никак не может следовать данному методу неправильно. То же в равной степени истинно для априорного метода. Сама сущность его состоит в том, чтобы иметь такие убеждения, к которым вас подталкивает естественная склонность ума. Все метафизики именно так и поступают, какую бы склонность они при этом к тому же не испытывали к осуждению друг друга. В гегелевской системе в качестве логической признается вообще всякая естественная тенденция мысли, несмотря на то что рано или поздно она будет отменена своей противоположностью. Гегель полагает, что

чательно и абсолютно верного во всех отношениях; приложить все силы, чтобы, избегая вынесения какого-либо суждения, извлечь как можно большее количество фактов из бесконечного потока опыта, показаниями которого только и следует руководствоваться в конечном счете; и начать наконец вслушиваться в то, что говорит нам природа. Испытание (trial) этого опытного метода, которым, несмотря на резкое неприятие его со стороны большинства, естественные науки руководствовались в течение последних трех столетий, вселяет в нас надежду, что мы все ближе и ближе продвигаемся к установлению такого мнения, которому уже не суждено быть опровергнутым — хотя мы и не можем вполне полагаться на то, что когда-либо подойдем к указанной идеальной цели достаточно близко. — 1893.

имеет место последовательность этих тенденций, которая складывается в регулярную систему, позволяющую после длительных блужданий от одного к другому отыскать дорогу к правильному мнению. Метафизика, и правда, так или иначе в конечном счете делает верные умозаключения. Гегелевская система Природы дает вполне сносное представление о науке его времени. Вообще можно с уверенностью сказать: все, что научное изыскание когда-либо вырывает из-под власти сомнения, получает *априорную* демонстрацию в метафизике. Научный метод рисует нам совсем иную картину. Я могу начать исследование с того, что известно и легко доступно для наблюдения, и затем перейти к неизвестному, однако правила, которым подчиняется мое исследование, могут быть таковы, что не находят себе оправдания в нем самом. Я не могу в этом случае проверить, правильно ли я следую избранному методу, через обращение непосредственно к своему чувственному опыту или критически рассматривая цели исследования. Напротив, сама такая проверка требует применения метода. Следовательно, неверное рассуждение возможно с той же долей вероятности, что и правильное. В последнем утверждении находит свое основание практическая сторона науки логики.

29. Не стоит думать, что первые три метода закрепления убеждения не имеют никаких преимуществ перед научным. Напротив, каждый хорош по-своему. Априорный метод отличается тем, что выводы, к которым он приводит, приносят чувство глубокого комфорта. Ведь самую его суть составляет принятие убеждения, к которому имеешь естественную склонность — тщеславию человека льстит, что мы верим ему столь естественно, и это продолжается до тех пор, пока грубая действительность не заставит нас очнуться от приятных мечтаний. Метод авторитета всегда будет управлять людскими массами, и тому, кто знает, как организовать власть в государстве, никогда не придет в голову, что мнение, представляющее опасность для данного государственного устройства, не должно быть так или иначе пресечено. Если свобода слова заходит слишком далеко, то однотипность мнений в государстве может быть гарантирована моральным террором, который у респектабельной части об-

щества всегда найдет полное одобрение. Следование методу авторитета есть путь достижения общественного порядка. При этом определенные формы несогласия вполне разрешаются, другие, рассматриваемые как опасные для государственного устройства, запрещаются законом. Эти формы отличаются друг от друга в зависимости от страны и эпохи. Однако где бы вы ни были, если станет известно, что вы серьезно придерживаетесь запрещенных законом убеждений, можете быть совершенно уверены, что отношение к вам со стороны государства будет чревато жестокостью, может, и менее зверской, но более изощренной, чем в случае охоты на вас, как на волка. Самые крупные умы человечества никогда не смели и не осмеливаются теперь произносить вслух все свои мысли. Тень сомнения *prima facie* лежит на каждом суждении, которое может иметь значение для общественной безопасности. Само по себе кажущееся скорее исключением, наказание не всегда приходит извне. Человек сам мучает себя и часто больше страдает от того, что вдруг обнаруживает себя убежденным в том, к чему в соответствии с полученным воспитанием должен относиться не иначе как с отвращением. Поэтому человеку по природе миролюбивому и открытому так трудно сопротивляться искушению подчинить свое мнение авторитету власти. Но наибольшее восхищение во мне вызывает метод упорства за его силу и простоту. Люди, следующие ему, отличаются решительностью характера и прямоотой. Они не тратят впустую время на долгие размышления, молниеносны в своих решениях и стремятся к цели, выбирая ту альтернативу, которая приходит первой, и следуя по выбранному пути до конца, что бы ни случилось, без малейшей нерешительности. Это одно из превосходнейших качеств, которое вообще свойственно блистательному недолгому успеху. Невозможно не завидовать человеку, который способен отбросить доводы разума, хотя мы знаем, чем это часто оборачивается впоследствии.

30. Таковы преимущества, которые другие методы закрепления убеждения имеют по отношению к научному исследованию. Всякий, кто уделил их рассмотрению должное внимание, не забыв при этом, что его оконча-

тельное мнение не должно противоречить фактам, не обнаружит причин, по которым с результатами применения трех указанных методов непременно должно произойти то же. Ибо соответствие фактам есть прерогатива исключительно метода науки. Рассудив таким образом, человек должен сделать выбор, представляющий собой нечто большее, нежели принятие определенного мнения, и имеющий решающее значение для всей его жизни, ибо однажды выбрав его, он оказывается связанным с ним до конца. Сила привычки иногда заставляет человека цепляться за прежние убеждения даже после того, как он уже в состоянии видеть, что они утратили свою прежнюю значимость. Но рефлексивная оценка сложившегося положения вещей (*the state of the case*) преодолет привычку, и он должен предоставить этой рефлексии полную силу. Люди иногда малодушничают, утешая себя идеей, что убеждения, которые — и они сами не могут этого не осознавать — ни на чем не основаны, продолжают приносить пользу. Но если они только попытаются представить себе ситуацию другого, аналогичную той, в которой сами находятся, если они спросят себя, что могли бы они сказать об обращенном в христианство мусульманине, который не решается отказаться от своих старых понятий о взаимоотношениях полов или о ставшем протестантом католике, все еще не решающемся прочесть Библию на родном языке? Неужели они не скажут, что эти люди должны рассмотреть вопрос со всех сторон, ясно понять новое учение, и затем принять его во всей его полноте? Но прежде всего следует признать, что в убеждении наиболее важна его цельность и что избегать обращения к той или иной вере из страха, что она может оказаться устаревшей, столь же безнравственно, сколь и невыгодно. Предположим, некто убежден, что имеется такая вещь, как истина, тем и отличающаяся от неправды, что если действовать в строгом соответствии с ней, то она, по здравом размышлении, приведет его к тому, к чему он стремится, и не даст сбиться с пути. Но если затем, не отказавшись при этом от своего убеждения, он не осмеливается узнавать истину и стремится избегать ее, этот некто, несомненно, находится в жалком состоянии ума.

31. ¹ Другие методы имеют собственные достоинства: ясное логическое сознание так же, как и любая добродетель, кое-чего да стоит. Все, что мы лелеем, обходится нам недешево. Но мы и не должны желать, чтобы было иначе. Гений логического метода человек должен любить и почитать, как свою невесту, которую он выбрал среди многих других. При этом он должен не презирать этих других, но, напротив, относиться к ним с глубоким почтением, тем самым удостаивая еще большей чести ту, на которую пал его выбор. И он знает, что он был прав, сделав свой выбор. Теперь он должен, оставив жалобы, работать, бороться за нее, стремиться быть достойным рыцарем и победителем, вдохновленным той, чье великолепие возбуждает его храбрость.

¹ Нижеследующее удалить. — Заметка на полях, 1893, 1903.

КАК СДЕЛАТЬ НАШИ ИДЕИ ЯСНЫМИ¹

Ясность и отчетливость

1. Тот, кто когда-либо давал себе труд заглянуть в один из современных трактатов по общей логике,² наверняка помнит о том, что всякое понятие может быть рассмотрено либо как *ясное* или *смутное*, либо как *отчетливое* или *неотчетливое*. Такое двойное различие понятий на протяжении вот уже почти двух столетий в неизменной форме переходит из книги в книгу в качестве одной из признанных жемчужин логического знания.

2. Идея считается ясной, если она схватывается таким образом (*so apprehended*), что познается как таковая, где бы ни была нами встречена; причем последнее также при том условии, что мы не можем принять ее за какую-либо другую. Если же идея не обладает такой ясностью, то считается смутной.

Однако данный случай представляет собой не более чем искусный образчик философской терминологии. Поскольку определяемым здесь является ясность, логикам следовало бы сделать определение несколько более аккуратным. Всегда безошибочно распознавать идею и ни при каких обстоятельствах не иметь возможности принять ее за какую-либо другую, в какой бы трудной для понимания форме она ни была встречена — это потребовало бы от интеллекта такой громадной мощи и удивительной ясности, с которыми редко приходится встречаться в этом мире. С другой стороны, просто обладание таким знанием об идее, которое позволяет распозна-

¹ <*Popular Science Monthly*. P. 286–302, (Jan, 1877).>

² Один из трактатов по логике со времен *L'Art de Penser* школы Пор-Рояля до самого недавнего времени. — 1893.

вать ее привычным образом и при этом в каждом случае избавляет от всякой нерешительности по поводу результата, вряд ли заслуживает быть названным ясностью схватывания, поскольку в конечном счете сводится только к субъективному ощущению обладания мастерством, которое на деле может оказаться ошибочным. Я тем не менее полагаю, что когда логики рассуждают о «ясности», они имеют в виду именно такое близкое знание (*familiarity*) идеи и не более, ведь они считают это качество недостаточным и требующим дополнения другим, которое называют *отчетливостью*.

3. Отчетливой признается идея, не содержащая в себе ничего неясного. Это пример формального языка — под *содержанием* идеи подразумевается все, что содержит в себе ее дефиниция. Так что, как они полагают, идея схватывается *отчетливо*, когда мы можем дать ее точную дефиницию в абстрактных терминах. На этом профессиональные логики считают свою задачу выполненной, и я бы не стал беспокоить читателя изложением этих представлений, если бы данный случай не представлял собой яркий образец небрежения опытом долгих веков интеллектуальной жизни, полного невнимания к развитию современной мысли и нежелания использования ее уроков в целях совершенствования науки логики. Легко показать, что представление о таком близком знании и абстрактной отчетливости как о достаточных условиях совершенного схватывания идеи есть достояние философских учений, ушедших в прошлое и давно уже себя исчерпавших. Пришло время сформулировать иной метод достижения возможно более совершенной ясности мысли, достойные восхищения примеры которой мы находим теперь у своих современников.

4. Когда Декарт предпринимает свою попытку обновления философского знания, его первым шагом в этом направлении является (теоретическое) допущение скептицизма и отказ от принятого в схоластике обращения к обладающему авторитетом мнению как к источнику окончательной истины. Сделав это, он предпринимает поиски более достоверного источника истинных принципов мышления и находит таковой в человеческом сознании, прокладывая таким образом прямой путь от метода ав-

торитета к априорному методу, как это уже было описано в моей первой статье.¹ Первые истины и критерии соответствия разуму следует искать в самосознании. Однако очевидно, что не все идеи являются истинными, ввиду чего Декарт говорит о ясности идей, определяя ее в качестве первого условия их непогрешимости. При этом он не усматривает различия между идеей, *кажущейся* ясной, и той, которая действительно таковой является. Доверяя интроспекции даже в том, что имеет отношение к знанию о внешних предметах, он естественным образом полагается на нее и в том, что касается содержания сознания. Допуская далее, что человек, идеи которого кажутся достаточно ясными и определенными, может придерживаться и совершенно иных убеждений об основополагающих принципах, он говорит о том, что идеи должны быть не только ясными, но и отчетливыми, т. е. не должны содержать в себе ничего неясного. Возможно (ибо им не было дано никакого точного объяснения на этот счет), он тем самым хотел сказать, что идеи должны выдерживать проверку диалектическим исследованием и не только казаться истинными изначально, но и не обнаруживать в себе ничего смутного в результате их обсуждения.

5. Таково было разграничение идей, проведенное Декартом, и оно вполне соответствовало самому духу его философии. Положения Декарта получили некоторое развитие у Лейбница. Этот выдающийся и единственный в своем роде гений был одинаково велик как в том, что не смог увидеть, так и в том, что ему удалось открыть. Он отчетливо понимал, что отдельная часть устройства не может постоянно выполнять определенную работу без поддержки некоторой выражающейся в той или иной форме силы. Однако он не понимал, что ум способен только трансформировать знание, но не порождать его, если только он не имеет необходимого и достаточного количества полученных в результате наблюдения фактов. Таким образом, он отошел от основного положения картезианской философии, гласящего, что мы никак не можем не принимать пропозиции, кото-

¹ <См. ст. «Закрепление убеждения».>

рые представляются нам совершенно очевидными, независимо от того, согласуется акт принятия с логикой или нет. Вместо этого он искал пути сведения первых принципов науки к двум категориям: тех, которые невозможно отрицать, не впадая в противоречие с ходом собственной мысли, и тех, которые вытекают из принципа достаточного основания (подробнее о котором ниже). При этом он вовсе не отдавал себе отчета в той пропасти, которая отделяет его позицию от Декартовой.¹ Так, отдавая дань абстрактным определениям, он вернулся к тривиальностям прежней логики. Поэтому вполне естественно, что, осознавая трудности, с которыми встречается метод Декарта — ведь мы можем быть убеждены, что мы ясным образом схватываем идеи, оказывающиеся на деле лишенными какой бы то ни было ясности, — он не нашел лучшей альтернативы, чем абстрактная дефиниция всякого обладающего для данного случая той или иной степенью важности термина. Таким образом, соглашаясь с Декартовым принципом различения *ясных* и *отчетливых* понятий, он описывает последнее из двух качеств как ясное схватывание всего, что содержит в себе дефиниция понятия, и все следующие трактаты перенимают данное описание.² Однако не страшно, если и в дальнейшем эта химерическая схема будет продолжать привлекать повышенное внимание, ведь из анализа дефиниций ничего нового извлечено уже быть не может. Более того, благодаря такому анализу мы можем придать нашим действующим убеждениям упорядоченный вид, а порядок представляет собой существенный элемент интеллектуальной экономии, впрочем, как и всякой другой. Итак,

¹ Несмотря на это, он был одним из тех умов, которые способны меняться. Начиная, подобно Гоббсу, как крайний номиналист, он по-любительски увлекся бессмысленным и пустым *Ars Magna* Раймунда Луллия, но затем обратился к закону непрерывности (*the law of continuity*) и другим учениям, оппозиционным номинализму. В данном случае речь идет о его ранних взглядах. — 1903.

² [Ср. ero «*Meditationes de Cognitioni*», *Die Philosophische Schriften von Leibniz*, her. von C. I. Gerhardt. Bd. IV. S. 422–427; *Nouveaux Essais*, II, 29.]

трактаты совершенно правы в том, что делают близкое знание понятия (*notion*) первым, а определение его вторым шагом на пути к ясности схватывания. Но, не допуская при этом возможность достижения еще большей четкости (*perspicuity*) мысли, они не идут дальше отражения философии, исчерпавшей себя уже столетие тому назад. Столь высоко почитаемое «обрамление логики» — учение о ясности и отчетливости — можно счесть достаточным, но теперь пришло время отправить в антикварную лавку само потускневшее *bijou* и вставить в указанную оправу нечто более соответствующее нуждам современности.

6. ¹ Самый первый урок, который логика обязана нам преподать, есть обретение умения делать наши идеи ясными. Это урок самый важный и, как правило, недооценивается как раз умами, в нем остро нуждающимися. Твердый фундамент истинной силы и весомости мышления состоит в твердом знании предмета мысли и всецелом владении ее значением. Наиболее легко такой фундамент обретается теми, чьи идеи скупы и ограничены, — последние счастливы неизмеримо более тех, что беспомощно барахтаются в изобильных належах многочисленных понятий. Правда, отдельная нация на протяжении многих поколений все же способна справиться с неудобствами избыточного богатства языка и сопутствующей ему неизмеримой, бездонной глубиной идей. Мы можем наблюдать это в движении истории, постепенно совершенствующей литературную форму языка, шаг за шагом очищающей его метафизику, с приносящим плоды терпением добывающейся высочайших результатов в каждой из ветвей знания. Уроки истории еще не окончены для того, чтобы мы могли определенно сказать, будут ли народы, обладающие языком, прошедшим подобное развитие, в конечном счете преобладать над теми, идеи которых немногочисленны, а язык немногословен, но которые далеко превосходят первые в мастерстве рассуждения. Однако не может быть ни малейшего сомнения в том, что для отдельного человека обладание немногими ясными идеями гораздо предпочтительней обладания

¹ Этот параграф снят. — 1903.

многими, лишенными всякой отчетливости. Юношу нечасто удается убедить в необходимости пожертвовать большей частью своих идей, чтобы сохранить остальные. Беспорядочный ум наименее приспособлен для того, чтобы наперед угадать пользу подобной жертвы, и такому уму мы можем лишь посочувствовать, как наделенному неким врожденным дефектом. Время будет ему на пользу, но интеллектуальная зрелость и ясность, возможно, придут к нему довольно поздно. Самой Природой, кажется, определен печальный порядок, по которому ясность менее полезна человеку уже пожившему, чьи бесчисленные ошибки возымели наконец долгожданный эффект, чем тому, кто только еще начинает свой путь по жизни. Ужасно наблюдать, как единственная непроясненная идея, всего лишь одна лишенная значения формула, незаметно прокрадываясь в молодую голову, может начать действовать подобно сгустку скопившегося в артерии инертного вещества, затрудняющего питание мозга и приговаривающего свою жертву к увяданию в самом расцвете интеллектуальных сил и посреди интеллектуального изобилия. Многие на протяжении долгих лет увлеченно возвращали лишь зыбкую тень идеи, слишком бессмысленную, чтобы быть ложной, оставаясь, не смотря ни на что, страстно преданными ей, день и ночь о ней размышляя, отдавая ей все силы и посвящая ей жизнь; они жертвовали ради нее всем, что имели, одним словом, жили только ей и ради нее, пока она не становилась, так сказать, плотью их плоти и кровью их крови. И все это лишь затем, чтобы обнаружить, проснувшись одним солнечным утром, что она исчезла, растворилась, подобно сказочной Мелузине, а вместе с ней обратилось в ничто и самое существо их жизни. Я знал одного такого человека, и кто может сказать, сколько еще рассказов о подобных изобретателях круглых квадратов, метафизиках, астрологах и иже с ними отражено в этой немецкой [французской] истории.

Прагматистская максима

7. Принципы, изложенные мной в предыдущей статье, имеют своим непосредственным следствием метод

достижения более высокой степени ясности мысли, нежели та, которой обладает «отчетливость» логиков. В указанной статье я отмечаю, что мысль вызывается к действию благодаря раздражению (irritation), причиной которого выступает сомнение, и приостанавливается с обратением убеждения, так что единственная функция мысли состоит именно в производстве убеждения.¹ Сказано, пожалуй, слишком сильно — как если бы я поставил перед собой задачу описания данных феноменов именно так, как они являются перед своего рода умственным микроскопом. Понятия Сомнения и Убеждения привычным образом связаны с религиозной тематикой. Я же использую их здесь для обозначения того, в чем берет свое начало всякий вопрос вообще, независимо от степени его важности — в первом случае, и того, в чем находит себя его решение — во втором. Если я, к примеру, взяв извозчика, по пути достаю кошелек и извлекаю из него один пятицентовик и пять медяков, то пока я роюсь в кошельке в поисках монет, я решаю, как именно мне следует заплатить. Утверждая, что подобный вопрос является выражением Сомнения, а решение его представляет собой Убеждение, я, конечно же, использовал бы совершенно неадекватный ситуации словарь. Считать такого рода сомнение причиняющим реальное раздражение, требующее достижения состояния умиротворенности, значило бы иметь в виду человека нрава в высшей степени беспокойного, граничащего почти что с безумием. Однако, рассмотрев вопрос ближе, должно признать, что будь у меня малейшие колебания по поводу того, заплатить мне медью или одной монетой (а они непременно появятся, если только я не действую некоторым привычным для данных обстоятельств образом), и хотя о раздражении в нашем случае говорить вряд ли придется — все же эти колебания приведут к возникновению у меня минимального умственного напряжения, которого должно быть достаточно, чтобы решить, как именно мне следует поступить. Чаще всего сомнения возникают из некоей сопровождающей наши действия, пусть даже кратковременной, нерешительности. Иногда причина в другом. Например, я вынужден ждать поезд

¹ [См. «Закрепление убеждения», п. 14.]

на станции и, чтобы заполнить время, принимаюсь изучать расписание. Я сравниваю преимущества различных поездов, представляя себе маршруты, по которым никогда не буду путешествовать. Я просто воображаю себе состояние неуверенности, в котором находился бы в случае реального выбора, потому что мне скучно и необходимо чем-то себя занять. Воображаемое просто ради развлечения или для целей более высоких состояние нерешительности играет важную роль в научном исследовании. Каким бы образом сомнение ни возникало, оно побуждает ум к действию едва заметному или весьма энергичному, размеренному или беспокойному. Образы стремительно проходят через сознание, плавно перетекая один в другой, пока наконец — через долю секунды, через час, спустя долгие годы — мы не обнаруживаем, что нашли решение по поводу того, как должно действовать в обстоятельствах, подобных тем, что послужили причиной нашей нерешительности. Другими словами, мы обретаем убеждение.

8. В процессе обретения убеждения мы можем наблюдать проявление двух типов элементов сознания, наиболее ясно различимых посредством следующей иллюстрации. Музыкальный отрывок состоит из отдельных нот и мелодии. Единичный тон может длиться час или день, в каждый момент данной длительности он существует столь же полно, сколь и в ее целом, так что все время, пока он длится, он может быть дан чувству, в котором все прошлое отсутствует в той же мере, что и будущее. Не так дело обстоит с мелодией. Ее представление заполняет определенное время, в течение отрезков которого исполняются ее отдельные части. Мелодия складывается в упорядоченности и соподчиненности звуков, достигающих слуха в различные моменты времени, и чтобы воспринять ее, в сознании должна выстраиваться некая длительность, делающая действительными для нас события того или иного промежутка времени. Мы воспринимаем мелодию, только когда слышим отдельные ноты, но при этом мы не воспринимаем ее прямо, ибо слышим лишь то, что доступно слуху в определенный момент времени, содержанием которого не может стать упорядоченная соподчиненность. Два типа объектов — те, что

мы сознаем непосредственно, и те, что доступны для сознания опосредованно, — суть достояние каждого сознания. Некоторые элементы (ощущения) полностью присутствуют в каждый момент в течение всего времени, пока длятся, другие же (мысли) — суть действия, имеющие начало, середину и конец и состоящие в согласованной последовательности данных сознанию ощущений. Они не могут быть даны непосредственно, но должны покрывать некоторую часть прошлого или будущего. Мысль представляет собой нить мелодии, пронизывающую собой всю последовательность наших ощущений.

Можно добавить, что так же как музыкальный отрывок может быть записан в нескольких партиях, каждая из которых будет иметь свой мелодический строй, различные системы отношений внутри последовательности могут сосуществовать друг с другом между одними и теми же ощущениями. Эти системы отличаются друг от друга разными мотивами, идеями или выполняемыми функциями. Мысль представляет собой только одну из таких систем, ибо ее единственный мотив, идея и функция — в производстве убеждения. Все не относящееся к такой цели принадлежит уже какой-то иной системе или отношениям. Деятельность мышления может иногда иметь и другой результат. Мышление, к примеру, может служить развлечением — среди *dilletanti* нередко можно отыскать таких, кто развлечения ради воображает себе всякие странные вещи. При этом им, кажется, неприятна сама мысль о том, что вопросы, которыми они в связи с этим задаются, могут в конечном счете найти реальное решение, и любое позитивное открытие, вырывающее полюбившийся предмет из области чисто литературных фантазий, встречается ими с неприязнью. Расположенность к подобным вещам есть крайняя распущенность мысли. Если абстрагировать мысль от других сопутствующих ей элементов, самая суть и назначение ее — хотя от выполнения последнего можно вполне сознательно отказаться — есть не что иное, как только установление убеждения. Мысль в действии имеет своим единственным мотивом достижение покоя мысли; при этом все, что в ее движении к покою не отсылает к убеждению, находится вне пределов самой этой мысли.

9. Что же есть собственно убеждение? Это полукаданс, завершающий отдельную музыкальную фразу, входящую в симфонию нашей интеллектуальной жизни. Необходимо отметить, что убеждение имеет три функциональных свойства: первое, оно есть нечто осознаваемое нами; второе, оно устраняет вызываемое сомнением раздражение; и третье, оно приводит к укоренению в нас управляющего нашими действиями закона, или, говоря короче, *привычки*. Когда убеждение ослабляет раздражающий эффект сомнения, мотивирующий действие мысли, напряжение мысли падает и она обретает покой на тот момент, когда состояние убежденности наконец достигнуто. Но убеждение есть управляющий действием закон, применение которого также сопровождается сомнением, которое снова влечет за собой мысль. Поэтому, являясь местом остановки мысли, убеждение также представляет собой область, втягивающую мысль в новое движение. Вот почему я позволил себе назвать убеждение покоем мысли, несмотря на то что самая суть мысли состоит в движении. *Конечный* результат мышления состоит в акте воли. В *последнем* мысль уже не принимает более никакого участия. Убеждение же — только арена мыслительного действия, эффект, укореняющийся в нашей природе и зависящий от мысли, оказывающей влияние на мысль за ней следующую.

10. Сущность убеждения — в установлении привычки. Убеждения различаются по способу действий, которым они дают начало. Если убеждения не имеют такого различия, если они ослабляют одно и то же сомнение, вырабатывая один и тот же управляющий действиями закон, то различие в способах самого осознания этих убеждений вносит в убеждения не больше различий, чем исполнение мелодии в различных тональностях — в саму мелодию. Разграничения, которые часто проводятся между убеждениями, на деле отличающимися только по способу выражения, суть продукты воображения, хотя споры, возникающие по этому поводу, вполне реальны. Быть убежденным, что объекты организованы между собой в фигуру, показанную на рис. 1, и верить, что их организация выражается фигурой, изображенной на рис. 2, — значит придерживаться одного и того же убеждения, что

вовсе не противоречит возможности принимать одну из указанных пропозиций и отрицать другую. Такие лож-

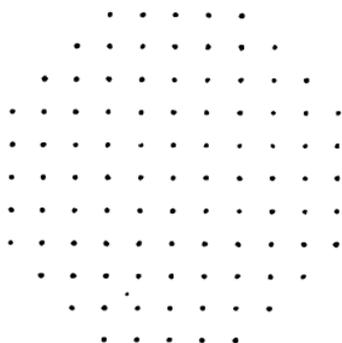

Рис. 1

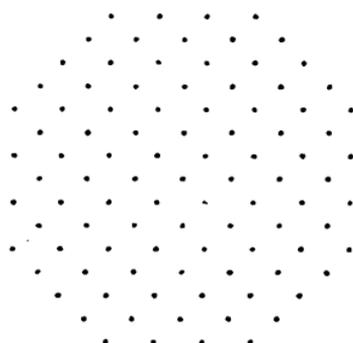

Рис. 2

ные разграничения причиняют столь же серьезный вред, сколь и смешивание убеждений, на деле весьма различных, поэтому подобные разграничения представляют собой ловушки, которых следует тщательно избегать, особенно когда мы входим в область метафизики. Поддаться на подобный обман — что происходит с нами довольно часто — значит ошибочно принять ощущение, являющееся результатом смутности нашей мысли, за действительное качество объекта мышления. Мы должны отдавать себе отчет в том, что смутная мысль субъективна. Но вместо этого мы обманываем себя, воображая, что имеем дело с качеством самого объекта, на деле представляющего собой чистую мистификацию. И если полученное в результате понятие предстанет перед нами позже в ясной форме, мы не узнаем в нем то же самое понятие, так как не можем иметь предметом переживания умонепостигаемое. Все время, пока длится обман, он создает непреодолимый барьер на пути к достижению ясности мышления. Поэтому он в равной степени интересует как противников рациональной мысли, желающих продлить его действие, так и защитников ее, пытающихся таковой разрушить.

11. Другого рода обман, во власти которого мы часто оказываемся, состоит в том, что мы принимаем простое различие в грамматической конструкции двух слов за различие выражаемых этими словами идей. В наш

доктринерский век, когда большинство авторов уделяют внимание словам в гораздо большей степени, нежели вещам, такое заблуждение нередко. Когда я говорил о том, что мысль есть *действие* и что вся его суть в *отношении* — хотя человек производит именно действия, а не отношения, которые могут быть лишь результатами действий, — я вовсе не был непоследователен в своей мысли, но лишь выразил ее грамматически неопределенно.

12. От подобного рода софизмов мы полностью защищены, если подвергаем рефлексии тот факт, что полной функцией мысли является установление привычек, располагающих к тому или иному действию. Все, что связано с мыслью, но при этом не соответствует ее цели, есть нарост на мысли, но не собственно ее часть. Если некоторые наши ощущения могут быть собраны в единство, которое вообще никак не отсылает к предполагаемому способу наших действий в той или иной ситуации, как, например, когда мы слушаем музыкальный отрывок, мы не называем это мышлением. Чтобы выяснить его значение, мы должны просто определить, какие привычки оно производит, ибо значение вещи состоит в том, какие привычки она собой подразумевает. Привычку отличает то, каким образом она определяет наши действия не только в такой ситуации, которая скорее всего будет иметь место, но и в такой, которая в принципе не исключается, сколь бы ни была мала ее вероятность.¹ Тождественность привычки зависит от того, *когда* и *как* она вынуждает нас действовать. Что касается *когда*, всякий стимул к действию берет начало в восприятии, относительно *как*, всякая цель действия — в достижении некоего осязаемого результата. Таким образом, мы приходим к тому, что осязаемо и предположительно практически значимо (*conceivably practical*), как к основе всякой реальной отличительной особенности той или иной мысли, сколь бы неуловима она ни была; также и различия в значении определяются наиболее отчетливо не чем иным, как только возможными различиями в сфере практического.

¹ Даже в том случае, если это противоречит фактам предшествующего опыта. — Заметка на полях, 1893.

13. Чтобы уяснить, к чему ведет этот принцип, рассмотрим, как он применим к представлению о таинстве пресуществления. Протестанты в общем и целом считают, что плоть и кровь являются элементами причастия только метафорически — они питают наши души так же, как хлеб и вино наши тела. С точки зрения католиков причастие следует понимать буквально, хотя плоть и кровь обладают всеми осязаемыми качествами мучной облатки и легкого вина. Но мы не имеем другого понятия о вине, за исключением нашего убеждения в том,

- 1) что это, или то, другое, или же нечто третье есть вино; или
- 2) что вино обладает некоторыми известными свойствами.

Такие убеждения суть не что иное, как само-извещения (self-notifications), сообщающие нам при соответствующих обстоятельствах определенный образ действий с учетом того, что мы, в соответствии с качествами, которыми, как мы убеждены, обладает вино, считаем вином. Обстоятельствами таких действий будет некоторое действительное восприятие, мотивом — получение некоторого осязаемого результата. Таким образом, наши действия отсылают к тому, что оказывает воздействие на чувства, наша привычка имеет то же значение (bearing), что и действия, наше убеждение — то же, что и привычка, наше понятие — то же, что и убеждение. Поэтому вино может значить (mean) для нас исключительно нечто, прямо или косвенно оказывающее определенный эффект на наши чувства. Говорить же о чем-то, что имеет все осязаемые качества вина, в реальности являясь кровью, — совершенно лишено смысла. Объектом нашего настоящего разбирательства служит не теологическая проблема, и я использовал данный случай в качестве логического примера, вовсе не рассчитывая услышать аргументы теолога. Я лишь хочу подчеркнуть, что для нас невозможно иметь в сознании идею, которая бы не была связана с мыслимым осязаемым воздействием какой-либо вещи. Идея о чем-либо есть идея осязаемого воздействия этого что-то, и если мы воображаем, что имеем другую идею, то занимаемся самообманом, принимая сопровождающее мысль ощущение за часть самой

мысли. Абсурдно утверждать, что мысль имеет какое-либо значение, никак не связанное с ее прямой функцией. Если католики и протестанты согласны по поводу всех мыслимых ощутимых эффектов указанных элементов причастия теперь и в будущем, то они заблуждаются, воображая, что имеют в этом смысле какие бы то ни было реальные разногласия.

14. Итак, для соблюдения третьего условия ясности мы должны соблюдать следующее правило: следует рассмотреть все диктуемые некоторым понятием следствия, которые будет иметь предмет этого понятия. Причем те, что, согласно этому же понятию, способны иметь практический смысл. Понятие об этих следствиях и будет составлять полное понятие о предмете.^{1. 2. 3}

¹ Длинное добавление, отрицающее то, что следует далее. — 1903. [Примечание, по-видимому, отсылает к тексту следующей сноски, приписанной десятью годами ранее к другому варианту рукописи.]

² Прежде чем пробовать воспользоваться этим правилом, размыслим над его содержанием. Говорят, что оно представляет собой скептико-материалистический принцип. На деле же оно в развернутом виде являет нам логическую максиму, завещанную еще Иисусом: «Вы узнаете их по плодам их», и очень тесно связано с евангельскими идеями. Нам должно остерегаться понимать это правило в индивидуалистическом ключе. Утверждать, что человек в своих делах выполняет только то, на что направлены его усилия, значило бы выносить жестокий приговор огромному большинству представителей человечества, которые никогда не имели досуга, чтобы посвятить его чему-либо, кроме добывания самых необходимых средств к существованию для себя и своих близких. Однако, не имея этого непосредственным объектом своих стремлений и еще менее отдавая себе в этом отчет, они все же выполняют то, что требует от них развитие цивилизации в целом, давая жизнь следующему за ними поколению и тем самым предоставляя истории возможность сделать еще один шаг вперед. Поэтому плоды их суть плоды совместного труда, достижение народа как целого. Что же такое есть народ как целое, что такое цивилизация как результат истории, причем результат никогда не окончательный? Мы не можем надеяться получить полное понятие о таком результате, однако ясно видим, что он разворачивается как постепенный процесс, который вовлекает реализацию идей в сознании человека и его трудах, а также, что он зависит от человеческой способности к накоплению

Некоторые случаи применения прагматистской максимы

15. Теперь проиллюстрируем данное правило на нескольких примерах. Начнем с возможно более простого, а именно, спросим себя, что мы имеем в виду (mean),

знаний и от опыта, непрерывно поставляющего человеку идеи, доселе для него недоступные. Мы можем предположить, что это процесс, благодаря которому человек при всем своем жалком ничтожестве постепенно более и более исполняется Духом Господним, в котором осуществляются Природа и История. При этом нам говорят о необходимости веры в жизнь грядущую, но идея ее слишком смутна, чтобы служить пояснением значения идей обычных. Общим местом является мнение, что те, кто живет постоянными ожиданиями, склонны к невнимательности по отношению к действительному положению дел. Указанный великий принцип логики требует самоотречения, но это, однако, не означает, что самость должна быть принесена в жертву во имя конечной цели. Так может случиться, но это не должно стать непременным условием.

Когда мы приступаем к изучению принципа непрерывности [См. *CP*, vol. VI, bk. I, B] и видим, как все изменчиво, и каждая точка отчасти разделяет бытие всякой другой, нам становится ясно, что индивидуализм и ложь суть одно. Мы знаем, что человек не есть нечто целое, пока он один, что самое существо его в том, что он есть возможный член общества. Опыт одного человека, отделенный от всего остального, есть ничто. И если он видит то, что другие видеть не в состоянии, мы называем это галлюцинацией. Не «мой» опыт, но «наш» опыт следует сделать предметом мысли, и это «мы» имеет неограниченные возможности.

В указанном смысле мы также не должны понимать практическое как корысть и некий приземленный интерес. Индивидуальное действие, а равно и индивидуальное удовольствие, есть не действительная цель, но лишь средство. Мы складываем наши усилия ради цели, которую каждый из нас, взятый в отдельности, полностью разглядеть не в силах, цели, которую приближает лишь труд поколений. И мы знаем, что то, из чего таковая складывается, есть развитие идей, находящихся в этом труде свое воплощение.

³ Заметим, что в этих трех строках мы имеем «диктуемые некоторым понятием следствия» (*bearings we conceive*), «этого понятия» (*our conception*), «согласно этому же понятию» (*conceivably*), «понятие», «понятие». Теперь многие заняты установлением авторства моих неподписанных опусов, и я не

называя некоторую вещь *твердой*. Очевидно то, что она не может быть деформирована благодаря воздействию на нее таких-то субстанций. Целое понятия об этом каче-

сомневаюсь, что одной из характерных черт моего стиля, которая говорит сама за себя, является моя крайняя нерасположенность к повтору слов. Стало быть, тем, что я в одном предложении пять раз использовал различные производные глагола *conspicere*, я преследовал некую особую цель. На деле же их не одна, а целых две. Первой из них было показать, что под значением (*meaning*) я имел в виду не что иное, как только *интеллектуальное содержание* (*intellectual purport*). Другой — избежать опасности быть понятым таким образом, как если бы я пытаюсь объяснить понятие через результаты восприятия (*percepts*), образы, *schemata* или что угодно, кроме самого понятия. Соответственно, я не имел в виду сказать, что действия (*acts*), каждое из которых есть нечто единичное в наиболее прямом смысле этого слова, конституируют содержание или адекватную и точную интерпретацию какого-либо символа. Я сравниваю убеждение с полукадансом, а действие с финалом, в котором находит свое завершение симфония мысли — ведь никто не склонен понимать несколько тактов, завершающих движение мелодии, как *цель* этого движения. Они могли бы быть названы скорее его развязкой. Однако нам не следует понимать это сравнение слишком буквально. Я привел его только, чтобы показать, что подозрение, которое было высказано мною (статья «Прагматизм» в Словаре Болдуина) после слишком поверхностного перечитывания некой статьи в одном забытом теперь журнале, что она выражала стоический, т. е. номиналистический, материалистический и крайне обывательский взгляд на вещи, — было совершенно ошибочным. Вне всяких сомнений, Прагматизм утверждает, что мысль в конечном счете *обращена к действию, к постигнутому* (*conceived*) действию. Но между последним положением и утверждением, что это делает мысль, т. е. содержание символа, состоящей из действий, или что истинная конечная цель мысли и есть действие, существует огромная разница. Эта разница столь же глубока, как между утверждением, что живое искусство художника обращено к нанесению краски на холст, и утверждением, что жизнь искусства собственно заключена в нанесении краски, или что в этом состоит ее конечная цель. С точки зрения Прагматизма мысль состоит в живом, логически выводимом обращении символов, содержание которых состоит в условных, общего характера решениях относительно того, как должно действовать. Что касается конечной цели мысли, которую следует рассматривать как всеобщую цель, то она лежит за пределами человеческого разума. Однако же,

стве заключено в его мыслимых эффектах. До того, как мы не поставим определенный эксперимент, для нас не будет существовать абсолютно никакой разницы между твердой и мягкой вещью. Теперь предположим, что алмаз может быть кристаллизован внутри ватной подушки, где и остается до тех пор, пока последнюю, скажем, не сожгут. Является ли ложным утверждение, что алмаз мягок? Вопрос кажется глупым и оставался бы таковым, если бы не был задан в логическом смысле. Подобные вопросы важны для логики ввиду того, что служат прояснению логических принципов порой гораздо лучше, чем любое реальное их обсуждение. В изучении науки логики мы должны не пренебрегать ими, давая поспешные ответы, но уделять должное внимание их рассмотрению, вовлекая вместе с ними в круг нашего рассмотрения также основные принципы логики. В нашем случае мы можем несколько изменить вопрос: что удерживает нас от утверждения, что все твердые тела идеально упруги до тех пор, пока на них не оказывается никакого давления, пропорционально силе которого твер-

насколько мне позволяет судить степень близости к одной моей собственной мысли, в достижениях которой очевидно участие многих и многих — и среди них Ройса (как автора труда «Мир и Индивид», *World and Individual*), Шиллера (имея в виду его «Загадки Сфинкса», *Riddles of the Sphinx*), а также знаменитого поэта [Фридриха Шиллера] (с его «Письмами об эстетическом воспитании», *Aesthetische Briefe*), Генри Джеймса-старшего («Субстанция и тень», *Substance and Shadow*) и самого Сведенборга, — именно бесконечная репликация (replication — ответ истца на возражение по иску (юр.)) одного акта самоконтроля к другому создает *мужчину*, и именно в мыслимом действии последний возвращает свой эстетический идеал — не ради собственной выгоды, но как долю, которой Бог наделяет его в своем творении.

Этот идеал, изменяя правила самоконтроля, тем самым изменяет действие, а вместе с ним и опыт — как личный опыт конкретного человека, так и опыт других. Таким образом указанное центробежное движение дает начало новому центростремительному моменту и так далее. Целое оказывается частью того, что происходит, как мы можем предположить, в течение времени, по сравнению с которым сумма всех геологических эпох подобна поверхности электрона, если сравнить ее с поверхностью планеты. — Из статьи «Следствия прагматизма», 1906.

дость их постепенно возрастает, пока наконец они не подвергаются деформации? В такой постановке вопроса не будет ничего *ложного*. Пользуясь языком подобным образом, мы изменяем способ разговора о словах «твердость» и «мягкость», но не об их значениях. Ведь такой способ разговора вовсе не обнаруживает, что факты не таковы, каковыми мы их себе представляем, но только неоправданно подразумевает некоторое неловкое положение дел. Вопрос о том, что произойдет при обстоятельствах, которые в действительности не имеют места, это вопрос не собственно факта, но наиболее ясного и согласованного взаиморасположения фактов (*arrangement of facts*). К примеру, вопрос о свободе воли и предопределении, будучи задан просто и без ненужного красноречия, звучал бы примерно так: я совершил поступок, за который испытываю чувство стыда; не мог ли я, совершив над собой усилие, не поддаться искушению и поступить иначе? Рассуждая философски, это вопрос не факта, но взаиморасположения фактов. Расположив их так, чтобы они в наибольшей степени соответствовали сути вопроса — т. е. тому, что я все-таки должен испытывать чувство вины за свой поступок, — я могу сказать, что если бы захотел поступить иначе, чем поступил, то и должен был поступить иначе, и мое утверждение будет истинным. С другой стороны, расположив факты так, чтобы они вошли в соответствие с некоторым другим важным соображением, было бы также истинным полагать, что если однажды уступить искушению, то, обладая оно достаточной силой, в следующий раз оно возьмет верх, даже если я буду всеми силами ему сопротивляться. Вообще, если обнаруживается, что ложное предположение приводит к противоречию, в этом нет ничего странного. *Reductio ad absurdum* состоит как раз в попытке показать, что противоречащие друг другу результаты следуют из гипотезы, которая объявляется ложной именно вследствие обнаружения этого противоречия. Проблема свободы воли вовлекает в рассмотрение многие вопросы, и потом, я очень далек от того, чтобы наделять оба приведенных выше решения равными правами. Напротив, я считаю, что одно из них отрицает весьма важные факты, которые другое учитывает. Но хочу заметить, что

вопрос, рассмотренный нами выше, дает понять, как действует сомнение в целом, так что в его отсутствие сама проблема свободы воли не может возникнуть, и что наилучшим образом решается эта проблема при помощи метода, который мы в данной статье рассматриваем.

Теперь попробуем выяснить, какова ясная идея Тяжести. Этот случай также не представляет особой сложности. Сказать, что тело обладает тяжестью, означает просто, что отсутствие силы, которая могла бы противостоять тяжести данного тела, приведет к его падению. Если пренебречь некоторыми особенностями, как то: характером падения и т. д., которые физик обычно удерживает в поле рассмотрения, это будет все, что включает в себя понятие тяжести. Могут ли некоторые отдельные факты считаться проявлениями (account for) гравитации — это хороший вопрос, но значение, которое мы придаем собственно силе, всецело состоит в эффектах ее воздействия.

Теперь нам необходимо в общем и целом рассмотреть идею Силы. Понятие силы, развившееся в XVII веке из простой идеи причины и с тех пор постоянно совершенствуемое наукой, дает объяснение всем изменениям движения тел, помогает ответить на вопрос, что такое физический феномен вообще; являясь одним из основных понятий современной науки, оно задает основные направления ее движения, а следовательно, изменяет саму картину мира в целом и стимулирует социальный прогресс. Поэтому подробное рассмотрение его стоит труда. В соответствии с нашим правилом, мы должны начать с определения самых непосредственных практических результатов нашей мысли о понятии силы. Среди таковых оказываются принципы изменения движения. Если бы тела существовали сами по себе, без вмешательства каких-либо сил, всякое движение оставалось бы неизменным в том, что касается его скорости и направления. Более того, изменение движения никогда не имеет вид резкого перехода, но всегда происходит по кривой, не имеющей углов, и изменение скорости всегда постепенно. Постоянно происходящие постепенные изменения могут быть выражены через параллелограмм сил. Тот, кто незнаком с принципами построения последнего, надеюсь, найдет

для себя полезным нижеследующее объяснение. Если же математика для него невыносима, пусть уж он лучше пропустит три абзаца, нежели решит вовсе прекратить чтение.

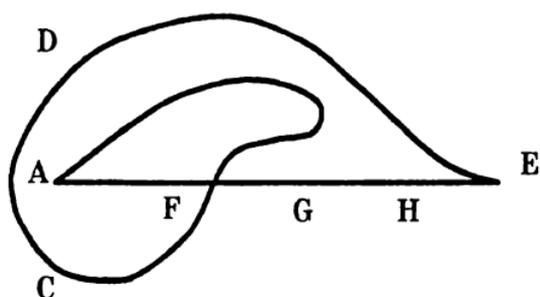

Рис. 3

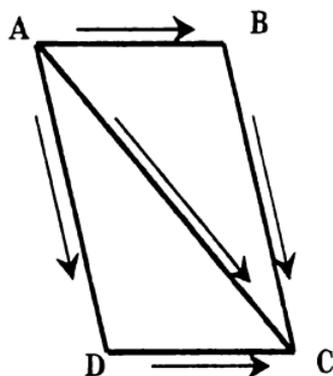

Рис. 4

Путем называется линия, чьи начало и конец определены в двух различных точках. Два пути считаются эквивалентными, если они начинаются в одной и той же точке и в одной и той же точке заканчиваются. Так, два пути — $ABCDE$ и $AFGHE$ (рис. 3) — эквивалентны. Пути, не начинающиеся в одной и той же точке, считаются эквивалентными при том условии, что если в результате такого изменения положения какого-либо из них, при котором любой его отрезок все время будет оставаться параллельным своей изначальной позиции — его начало совпадет с началом другого пути, то их концы также окажутся в одной и той же точке. Пути составляют геометрическую сумму, если один берет начало там, где другой заканчивается. Так, путь AE считается суммой AB , BC , CD и DE . В параллелограмме на рис. 4 диагональ AC является суммой AB и BC , или, поскольку AD геометрически эквивалентен BC , AC представляет собой геометрическую сумму AB и AD .

16. Такие рассуждения носят чисто конвенциональный характер и сводятся к следующему: мы принимаем решение рассматривать пути как имеющие отношения, которые я описал, т. е. эквивалентность и геомет-

рическая сумма. Но, несмотря на конвенциональность, принятое нами решение хорошо обосновано. Правило геометрического сложения применимо не только к понятию пути, но и к чему угодно другому, что может быть этим понятием репрезентировано. Итак, поскольку путь определяется изменением направления и расстояния от движущейся точки до точки начала движения, все, что от начала и до конца определяется изменением направления и величины, может быть репрезентировано посредством линии. Следовательно, посредством линий могут быть репрезентированы *скорости*, так как имеют направление и величину. То же истинно для *ускорений*, т. е. изменений величины скорости. Относительно скоростей вывод достаточно очевиден, в том же, что касается ускорений, он обретает очевидность, если мы примем во внимание, что отношение скорости к неподвижным позициям, а именно — последовательная смена последних, — есть точная копия отношения ускорения к скорости.

17. Так называемый «параллелограмм сил» представляет собой просто правило вычисления ускорений. Данное правило репрезентирует ускорение при помощи от-

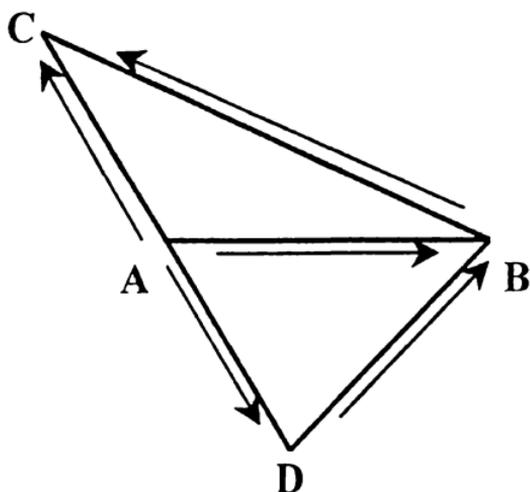

Рис. 5

резков, а затем производит над ними операцию геометрического сложения. Геометры используют параллелограмм не только для вычисления ускорений, но и для представления одного ускорения в виде суммы нескольких. Пусть АВ (рис. 5) — путь, репрезентирующий некоторое ускорение, скажем, такое изменение движения тела, что по истечении одной секунды тело, под воз-

действием данного изменения, заняло местоположение, отличное от того, которое оно заняло бы, если бы его

движение продолжилось далее без каких-либо изменений, так что путь, эквивалентный AB , вел бы от последнего местоположения к первому. Это ускорение может быть рассмотрено как сумма ускорений, репрезентируемых AC и CB . Вместе с тем оно может быть рассмотрено как сумма самых различных ускорений, репрезентируемых AD и DB , где AD почти противоположно AC . Ясно, что существует бесконечное разнообразие способов, которыми AB может быть представлено в виде суммы двух ускорений.

18. После этих утомительных объяснений, ввиду исключительного интереса понятия силы не переполнивших, надеюсь, чашу читательского терпения, мы, наконец, имеем все необходимое для того, чтобы уделить внимание главному факту, с которым мы сталкиваемся при рассмотрении данного понятия. Факт этот заключается в том, что если претерпеваемые составляющими некоторые тела частицами определенные действительные изменения движения разложить на соответствующие составляющие, то каждое полученное таким образом ускорение будет в точности таково, как это предписывает некоторый закон Природы. Причем в соответствии с этим законом тела, занимающие позиции, соотносимые с теми, что в данный момент времени занимают рассматриваемые нами тела,¹ всегда получают определенные ускорения, такие, что если над ними произвести операцию геометрического сложения, они в сумме дадут ускорение, в действительности сообщаемое такому-то телу.

19. Это единственный факт, который репрезентирует идею силы, и если дать себе труд ясно ухватить его, то станет понятна и означенная идея. Должны ли мы считать, что сила *и есть* собственно ускорение или что она является *причиной* его — вопрос собственно языка, затрагивающий реальное значение не более чем разница между французским *Il fait froid* и английским *It is cold* <Холодно>. Удивительно, сколько путаницы может возникнуть по поводу такой простой вещи. Сколь многие глубокомысленные трактаты говорят о силе как о «мистическом единстве», обнаруживая тем самым лишь

¹ Вероятно, в расчет следует также принять ускорения.

скрытое признание того факта, что автор отчаялся в попытке получить ясное определение значения данного слова! В одной еще недавно пользовавшейся большим успехом работе по *Аналитической Механике*¹ утверждается, будто мы точно понимаем результат воздействия силы, но нам недоступно знание того, что есть сила сама по себе. Но такое утверждение содержит внутреннее противоречие. Идея, которую вызывает в нашем сознании слово «сила», не имеет иной функции, кроме оказания некоторого влияния на наши действия, действия же не могут отсылать к силе иначе, как через результаты воздействия силы. Следовательно, если мы знаем, что собой представляют эти результаты, нам знаком каждый факт, вытекающий из высказывания о существовании силы, и более здесь знать совершенно нечего. Правда, теперь в большом ходу мнение, что вопрос может подразумевать то, что разум не способен постичь. Когда склонные к доктринерству философы осознали всю абсурдность этой точки зрения, то изобрели пустое различие между позитивными и негативными понятиями, пытаясь тем самым придать своей мнимой идее не столь очевидно бессмысленную форму. Недействительный характер такого различия ясен, исходя из соображений, изложенных несколькими страницами ранее, да и помимо указанных соображений его софистический характер очевиден для всякого ума, привыкшего мыслить реальными категориями.

Реальность

20. Теперь перейдем собственно к предмету логики и рассмотрим понятие, имеющее к нему самое прямое отношение, — понятие *реальности*. Если ясность понимать как близкое знание, ни одна идея не может быть яснее, чем эта. Каждый ребенок пользуется ей совершенно уверенно, никогда не сомневаясь в том, что понимает ее. Однако что касается ясности как отчетливости, то для

¹ [Kirchhoff. *Vorlesungen über math. Physik*. Bd. I. Vorrede.]

большинства людей, даже для тех, кто обладает рефлексивным складом ума, дать абстрактную дефиницию реальности оказывается затруднительным. И все же такая дефиниция может быть получена, если принять во внимание точки, в которых реальность расходится со своей противоположностью — фикцией. Вымысел представляет собой продукт воображения, свойства которого определены тем, что запечатлевает в нем мысль. То, в чем таковые свойства независимы от того, как мы мыслим их, есть внешняя реальность. В нашем сознании, однако, имеются феномены, зависящие от нашей мысли и вместе с тем обладающие реальностью в том отношении, что мы их реально мыслим. При этом, хотя свойства данных феноменов и зависят от того, как мы их мыслим, они не зависят от того, что, по нашей мысли, они суть. Так, сон реально существует как феномен сознания, если кто-то реально его видит. Что он *видел* во сне то-то и то-то, не зависит от того, что некто может думать об увиденной во сне вещи — как факт это совершенно независимо от любого мнения по данному поводу. С другой стороны, если рассматривать не сам факт сна, но собственно приснившееся, последнее сохраняет свои особенности благодаря единственно тому факту, что оно приснилось, чтобы ими обладать. Таким образом, мы можем определить реальное как нечто, свойства чего независимы от того, что они суть по нашей мысли.

21. Но в какой бы степени нас ни удовлетворяло такое определение, было бы большой ошибкой полагать, что оно делает идею реальности совершенно ясной. Теперь попробуем применить для данного случая наши правила. В соответствии с ними реальность, подобно любому другому качеству, состоит в ощутимых следствиях, которые производят причастные к реальности вещи. Единственное следствие, которое реальные вещи могут производить — установление убеждения, ибо все вызываемые ими ощущения проявляются (*emerge*) в сознании в форме убеждений. Поэтому вопрос в том, как истинное убеждение (или убеждение в чем-то реальном) отличается от ложного убеждения (или убеждения в чем-то вымышленном). Как видно из предыдущей статьи, идеи истинности и ложности полностью раскрываются посредством метода установле-

ния мнения, применяемого эмпирически. Человек, произвольно выбирающий, каких пропозиций ему следует придерживаться, — может использовать слово «истина» для того только, чтобы выразить свою решимость неизменно придерживаться своего выбора. Метод упорства,¹ конечно же, никогда не имел преобладающего значения, ибо по природе своей человек все же разумен. Однако некоторые показательные примеры его использования мы находим в литературе темных веков. Скот Эриугена, комментируя поэтический отрывок, который описывает смерть Сократа, выпившего настой чемерицы (*hellebore*), без колебаний сообщает читателю, что Эллебор (*Helleborus*), как и Сократ, был знаменитым греческим философом, и что последний, потерпев поражение в споре от первого, принял это слишком близко к сердцу и умер. Какое представление об истине должно быть у того, кто мог совершенно наобум принять и наставлять других в таком мнении? Подлинный дух философии Сократа, — который, полагаю, потерпев «поражение в споре», с радостью воспринял бы неудачу, ибо непременно извлек бы из нее для себя полезный урок, — совершенно противоречит наивной идее толкователя, для которого (как и для новоявленных проповедников наших дней) диалог — просто форма противостояния. Когда философия начала пробуждаться от своего долгого сна, и еще до того, как она попала под влияние теологии, у профессуры было в обычае выбирать любую философскую позицию, которая оказывалась свободной и казалась достаточно обоснованной, окапываться на ней и время от времени делать вылазки на чужую территорию, чтобы дать короткое сражение. Так, даже скудные письменные свидетельства об этих диспутах позволяют нам выделить дюжину или более мнений различных профессоров, в одно и то же время обсуждавших проблему номинализма и реализма. Прочитайте вводную часть *Historia Calamitatum* Абеяра,² который был философом не более, чем любой его современник, и вы ощутите дух битвы, пропитавший каждую страницу. Для него истина — просто его личная крепость. Когда набрал силу ме-

¹ [См. «Закрепление убеждения», п. 20–21.]

² [*Patrologica Latina*. Vol. 178. P. 114 et seq. (1885).]

тод авторитета, истина стала чем-то большим, нежели собственность адептов католической веры. Все попытки схоластов были направлены на приведение их веры в гармонию с учением Аристотеля. Если потратить время на изучение написанных тогда увесистых фолиантов, в них не найдется ни одного аргумента, который бы выходил за означенные рамки. Примечательно, что там, где различные убеждения процветали бок о бок, на перебежчиков смотрели с презрением даже те, чьи убеждения они принимали взамен прежних — принцип лояльности полностью вытеснил идею необходимости поиска истины. Со времен Декарта недостатки понятия истины стали менее очевидны. Все же ученого иногда поражает тот факт, что философы в меньшей степени интересуются фактами, нежели прояснением того, какое убеждение более соответствует их системе. Приверженца априорного метода трудно убедить, апеллируя к фактам, но докажите ему, что мнение, которое он защищает, расходится с теми или иными его утверждениями, и он охотно от него отречется. Подобные умы не склонны верить в то, что спорам когда-либо может быть положен конец, считая, что мнение, которого естественным образом придерживается один человек, непригодно для другого и убеждение, следовательно, никогда не будет установлено. Довольствуясь закреплением собственных мнений с помощью метода, который, применяй его другой, привел бы к совершенно иным результатам, они подрывают и без того слабые основания собственного понятия истины.

22. Всякий человек науки, напротив, живет светлой надеждой на то, что в ходе исследования, если таковое продолжается достаточно долго, может быть получено определенное решение каждой проблемы, на которую исследование направлено. При исследовании скорости света один обращается к наблюдению фаз Венеры и аберрации звезд, другой — к изучению особенностей противостояния Марса и затмений спутников Юпитера, третий — к методу Физо, четвертый отдает предпочтение Фуко, пятый вычисляет перемещения кривых Лиссажу, шестой, седьмой, восьмой, девятый прибегают к различным методам сравнения показателей статического и динамического электричества. Результаты сначала могут отличаться

друг от друга, но по мере того как каждый совершенствуется используемый им метод и порядок исследования, они сходятся к предопределенному устойчивому центру. Так происходит в случае любого научного исследования — всякий ум начинает по-своему, отправные точки зрения могут противоречить друг другу, но исследование заставляет ученых выходить за собственные пределы, стягивая все получаемые результаты к одному и тому же заключению. Такое действие мышления, благодаря которому мы приходим не к тому, чего хотим, но к предопределенной цели,¹ подобно действию судьбы. Ни изменение изначальных позиций, ни отбор иных фактов для изучения, ни даже естественная склонность ума не могут наделить человека способностью уклоняться от предопределенного мнения. Эта великая надежда находит свое воплощение в понятиях истины и реальности. Под мнением, которому судьбой уготовано² стать общим соглашением всех исследователей, мы имеем в виду (*mean*) истину, объект же, репрезентируемый таким мнением, есть реальный объект. Вот что я включаю в понятие реальности.

23. Можно возразить, что такая точка зрения прямо противоположна данному нами абстрактному определению реальности, поскольку подразумевает зависимость характеров реального от того, как эти характеры будут мыслиться в конечном счете. Ответ состоит в следующем: с одной стороны, реальность *необходимым образом*

¹ <В оригинале — *fore-ordained goal* — изначально неочевидная точка, к которой мышление стремится как к своей конечной цели и в которой оно встречается со своим предопределением, буквально: «приобщается к Абсолюту». Такая точка представляет собой объект, в котором мышление вновь «копирует» себя, т. е. уже на уровне убеждения повторяет действие, позволяющее в начале исследования основываться на некоторой качественности, логически описываемой как чистое копирование и переживаемой как «чувственная достоверность» (см. ст. «Принципы Феноменологии», раздел 4).>

² «Судьба» означает то, что неизбежно должно произойти и чего никак невозможно избежать. Предположение, что какого-либо рода события могут быть назначены судьбой, является предрассудком, равно как предрассудком было бы считать, что слово «судьба» не может быть освобождено от налета предрассудочности. Нам всем назначено судьбой умереть.

независима не от мысли в целом, но только от того, что вы, я или любое конечное число людей может о ней думать; с другой стороны, хотя объект окончательного мнения (*final opinion*) и зависит от того, что представляет собой это мнение, последнее не зависит от того, что думаете вы, я или любой другой человек. Наше и чужое упрямство может бесконечно откладывать установление мнения, вполне возможна даже ситуация, что упрямство это приведет ко всеобщему признанию некоторой случайной пропозиции, в истинности которой человечество ни разу не усомнится на протяжении всей своей истории. Но даже это не изменило бы природу убеждения, которое одно способно быть результатом исследования, продолжающегося достаточно долго; и если, по исчезновении рода людского, возникнет иная раса, обладающая исследовательскими способностями, такое истинное мнение останется единственным, к установлению которого она должна прийти в конечном счете. «Растоптанная истина должна возродиться вновь», мнение же, которому суждено стать итогом некоторого исследования, не зависит от мышления того или иного человека. При этом реальность все же зависит¹ от реального факта, который состоит в том, что исследование, продолжающееся достаточно долго, должно вести к убеждению.

24. Вы можете упрекнуть меня в том, что я не учитываю всех переходящих и безвозвратно затерявшихся в истории фактах, утерянных книгах древних, погребенных под толщей времени тайнах.

Full many a gem of purest ray serene
 The dark, unfathomed caves of ocean bear;
 Full many a flower is born to blush unseen,
 And waste its sweetness on the desert air.²

Правда ли все, что таким образом безнадежно осталось вне пределов достижимости для познания, не существует? И после, когда Вселенная омертвеет (как предсказы-

¹ [Во французской версии, переводом которой является данная статья — «не зависит» (*ne dépend pas*). См. *Revue Philosophique*. «Comment rendre nos idées claires» (Jan. 1879). P. 56.]

² <Сколь много драгоценностей хранит/в бездонных водах океан безбрежный./ростки цветов прекрасных, чей румянец нежный/иссушит ветер, глаз ничей не удивит.>

вают некоторые ученые) и жизнь угаснет навеки, разве не продолжат двигаться и сталкиваться друг с другом атомы, хотя уже не будет существовать ум, способный об этом знать? Я отвечу, что хотя, независимо от уровня наших знаний, не существует числа, достаточно большого, чтобы выразить все отношения между тем, что остается непознанным, и тем, что уже известно, самому духу философии противно предполагать, что исследование не приведет к решению всякого обладающего ясным значением вопроса, если оно будет продолжаться достаточно долго и продвинется достаточно далеко. Кто бы еще несколько лет назад мог сказать, что мы когда-либо сможем определить субстанции, из которых состоят звезды, чей свет доходит до нас за время, превышающее время существования человечества? Кто может с уверенностью сказать, чего мы не будем знать через несколько сотен лет? Кто способен предугадать результат научной работы ближайших десяти тысяч лет, если она будет продолжаться с интенсивностью последних ста? А если бы эта работа продолжалась миллион, миллиард или любое количество лет, какое только вам будет угодно, как возможно утверждать, что существует хоть один вопрос, который бы не нашел в конце концов своего решения?

25. Мне могут возразить, что такие отвлеченные соображения расходятся с моим принципом, в соответствии с которым значением обладает только сфера практического. Должен признаться, что, назовем ли мы недоступный для глаз камень на дне океана бриллиантом или нет, — не имеет никакого значения, вернее, это *вероятно* не имеет значения, учитывая то, что этот камень *может* быть завтра извлечен из воды. Утверждая же, что дно океана усыпано драгоценными камнями, а в нехоженной пустыне растут цветы и т. д., мы высказываем пропозиции, которые — наподобие той, что приписывает алмазу твердость в отсутствие давления на него — в гораздо большей степени касаются особенностей нашего языка, нежели значений наших идей.

26. Как бы то ни было, мне кажется, что, применяя наше правило, мы достигли такой ясности в понимании идеи реальности и лежащего в ее основании факта, что нам вряд ли теперь необходимо самонадеянно претендовать на ее уникальность. Вместе с тем мы должны были

бы таковую отстаивать, если бы выдвинули метафизическую теорию, с которой, по нашему мнению, обязаны согласиться все, кто использует научный метод закрепления убеждения. Поскольку метафизика есть предмет более курьезный, нежели полезный, знание которого, подобно знанию о подводных рифах, служит нам в основном для того, чтобы с ним не сталкиваться, я более не стану перегружать читателя проблемами Онтологии.¹ Я и без того уделил данному предмету внимания много больше, чем сам того хотел, и так докучал читателю математикой, психологией и другими трудными для понимания вещами, что боюсь, он уже давно оставил меня, и сейчас я пишу разве что для наборщика и корректора. Я верю в важность предмета — к логике не существует магистральных дорог, и идеи, обладающие действительной ценностью, добываются только ценой сосредоточенного внимания. Но я знаю, что в сфере идей публика предпочитает то, что подешевле, поэтому в своей следующей статье² я собираюсь обсудить материи более доступные и постараюсь строго придерживаться того, что наметил. Читатель, которому с трудом дались эти страницы, будет вознагражден, увидев, насколько хорошо уже достигнутое в проделанном нами нелегком пути может быть приложено в деле прояснения сути правил научного мышления.

27. Мы все еще не перешагнули порог научной логики. Безусловно, знание о том, как сделать наши идеи ясными, есть знание чрезвычайно важное, но вместе с тем, ясностью могут обладать и идеи, о которых нельзя еще сказать, что они истинны. Наша задача теперь выяснить, как сделать их таковыми. Чтобы уметь дать рождение тем полным жизненной силы и способным порождать новые идеи, что умножаются и распространяются повсюду, принимая тысячи форм, направляя развитие цивилизации и заставляя человека чувствовать собственное достоинство, — нужно владеть искусством, которое не сведено еще к определенным правилам, но тайну которого приоткрывает перед нами история науки.

¹ [Французская версия здесь заканчивается].

² <См. следующую статью серии: «Теория случайности» («The Doctrine of Chances». CP 2.647–658>.

ЧТО ЕСТЬ ПРАГМАТИЗМ?¹

Утверждение с точки зрения экспериментатора

1. Собственный обширный опыт привел автора этой статьи к убеждению, что в формировании ума всякого физика — равно как и всякого химика, да и, вообще говоря, всякого мастера своего дела, к какой бы отрасли экспериментальной науки тот ни принадлежал, — жизнь в лаборатории играет роль, значимость которой вряд ли можно оспорить. Сам экспериментатор едва ли способен отдавать себе в этом полный отчет, и причиной тому тот факт, что люди, свойства интеллекта которых близко ему знакомы, очень схожи в этом аспекте с ним самим. С интеллектом тех, чье образование в основном почерпнуто из книг — и разительно отличается таким образом от полученного им самим, — у него никогда не сможет установиться внутренняя связь, как бы близко он ни был знаком с этими людьми в обыденной жизни. По отношению друг к другу они словно масло и вода — как бы ни перемешались они между собой, все равно будет прекрасно видно, как каждый скоро пойдет своим отдельным умственным путем, не приобретя от этого смещения ничего, кроме разве что едва уловимой примеси другого. Но если бы только этот другой предпринял внимательное исследование ума экспериментатора — к чему такие как он по большей части как раз и неспособны, — он вскоре бы обнаружил, что за исключением, возможно, тех случаев, когда на пути его мысли встают личные переживания или воспитание, он расположен мыслить о каждой вещи точно так же, как мыслят о ней в лабо-

¹ «What Pragmatism Is?». *The Monist*. Vol. 15 (Apr. 1905). P. 161-181.>

ратории. А именно, как о чем-то, подлежащем эксперименту. Конечно, ни один из живущих не обладает всеми характерными для экспериментаторского типа атрибутами в их полноте. В таковом нет ничего от расхожего типа врача, которого вы видите каждый день направляющимся куда-нибудь по делам в одно- или двуколке, или педагога, которого можно встретить, войдя в первую же классную комнату. Но если вы все же натолкнулись на идеальный тип экспериментатора или, опираясь на результаты собственных наблюдений, вообразили себе его, вы вскоре обнаружите следующее: любое высказанное вами суждение он либо поймет как означающее, что будь данное предписание к эксперименту способно когда-либо иметь место, результатом — если оно вообще может быть претворено в действии — станет соответствующий данному описанию опыт, либо вообще не увидит в сказанном вами никакого смысла. Если вы обратитесь к нему с теми же словами, с которыми м-р Бэлфор не так давно обратился к Британской ассоциации,¹ сказав, что «физик ... ищет нечто более глубокое, нежели законы, связывающие возможные объекты опыта», что «его объект — физическая реальность», скрытая от эксперимента, и что существование такой недоступной для эксперимента реальности «пользуется у науки неизменным доверием», то увидите, что для любого подобного рода онтологического подразумевания ум экспериментатора окажется целиком непригоден. К основанной на его собственных беседах с экспериментаторами уверенности в сказанном автор может добавить лишь одно: о нем самом определенно можно было бы сказать, что он жил в лаборатории с шести лет до глубокой зрелости; и его, прошедшего всю свою жизнь по большей части в среде экспериментаторов, никогда не покидало чувство уверенности в имеющемся между ним и этими людьми взаимопонимании.

2. Жизнь в лаборатории не стала для автора (который здесь и далее будет служить примером типичного

¹ [«Размышления, навеянные новой теорией материи» (*Reflections Suggested by the New Theory of Matter*); обращение президента к Британской ассоциации в поддержку развития науки (British Association for the Advancement of Science) от 17 августа 1904 года.]

экспериментатора) препятствием в его интересе к методам мышления; и когда он стал читать книги по метафизике — пусть многие из них и отличались, как ему казалось, необязательностью рассуждений и по преимуществу случайным характером авторской предрасположенности, — в сочинениях некоторых философов, особенно Канта, Беркли и Спинозы, он иногда сталкивался с мыслями, характер которых напоминал ему лабораторный образ мышления и которые поэтому ощущались им как заслуживающие доверия; то же самое ощущали и другие люди, привычные к работе в лаборатории.

Пытаясь, как это естественно и подобало бы человеку его типа, дать выражение вызвавшему у него подобное одобрение мыслям, он сформулировал теорию о том, что *понятие*, то есть рациональное содержание (*rational purport*) того или иного слова или выражения, состоит исключительно в мыслимом (*conceivable*) воздействии такового на жизненное поведение (*conduct of life*). Поэтому то, что не способно так или иначе стать результатом эксперимента, не может иметь какого бы то ни было прямого воздействия на поведение. Отсюда, дав точное определение всем мыслимым и экспериментальным феноменам, которые, возможно, подразумевает утверждение или отрицание данного понятия, можно получить его полное определение, так что *в понятии не будет заключено абсолютно ничего более*. Для этого учения автором было придумано название: *прагматизм*. Некоторые из его друзей хотели, чтобы он назвал свое учение *практицизмом* или *практикализмом* (на том, возможно, основании, что слово *πρακτικός* более корректно с точки зрения греческого, нежели *πραγματικός*). Однако для того, кто прошел обучение философии у Канта — а именно к таким причисляет себя сам автор, хотя, впрочем, то же может быть сказано о девятнадцати из каждых двадцати обратившихся к философии экспериментаторов, — и кто всегда охотнее всего мыслил в кантовских терминах, слова *practisch* и *pragmatisch* отдалены друг от друга подобно двум полюсам, ибо первое принадлежит области мысли, где ум экспериментатора никогда не может обрести твердую почву, а второе выражает отношение к некоторой определенной человеческой цели.

Кроме того, самой, пожалуй, поразительной чертой новой теории было признание наличия неразрывной связи между рациональным познанием и рациональной целью — как раз это последнее соображение и продиктовало выбор имени *прагматизм*.

Философская терминология

3. Касательно проблемы философской терминологии у автора есть несколько довольно простых соображений. Таковые соображения он вот уже долгие годы стремится вынести на суд тех немногих философов, которым нынешнее состояние философии представляется весьма прискорбным и которые, дабы покончить с таким положением дел, намерены привести ее в состояние, подобное тому, в котором находятся естественные науки. В последних каждый исследователь не почитает труд большинства остальных от начала до конца неверно направленным, но сотрудничает с ними. Здесь все стоят на плечах друг друга и умножают неоспоримые результаты общего дела; каждое наблюдение повторяется, а единичные наблюдения встречаются очень редко; здесь каждая гипотеза, заслуживающая внимания, подвергается строгому, но справедливому испытанию и удостоивается какого бы то ни было доверия только после того, как вытекающие из нее предсказания получают очевидное подтверждение в опыте (причем даже в этом случае доверие оказывается не более, чем условностью). В естественных науках нечасто делается радикально неверный шаг, и даже самые ошибочные теории из тех, что получили широкое признание, всегда истинны в своих главных экспериментальных предсказаниях. Для этих исследователей непреложной истиной является то, что никакое исследование не может быть научным в указанном смысле, если оно не обеспечено удобной специальной терминологией. В рамках этой терминологии каждый термин имеет единственное определенное значение, принятое всеми, кто вовлечен в изучение данного предмета, и выражен в звуках, не столь уж приятных и чарующих, чтобы склонить не-

которых авторов к использованию его характерным для них необязательным образом — эту последнюю добродетель научной номенклатуры слишком недооценивают. Непреложно для них и то, что опыт преодолевших самые большие терминологические трудности наук — каковыми, несомненно, являются такие таксономические науки, как химия, минералогия, ботаника и зоология — убедительно показал: единственной возможностью достигнуть требуемого единодушия и разрыва с индивидуальными привычками и предпочтениями является формирование особых терминологических канонов. Эти каноны должны опираться на следующие основания. Они должны соответствовать *моральному принципу*, а также присущему обычному человеку чувству собственного достоинства. Должно, в частности (в рамках определенных ограничений), иметь место такое общее ощущение, которое обязывало бы каждого вводящего в философию новое понятие предложить приемлемые термины для его выражения, а по выполнении им этого обязательства долгом остальных исследователей было бы принять эти термины и препятствовать изменению их первоначальных значений. И это не только ввиду того, что такое изменение было бы черной неблагодарностью по отношению к тому, кому философия обязана каждым своим <новым> понятием, но и в связи с тем, что оно наносит вред самой философии. Наконец, если понятие в достаточном количестве снабжено удобными словами для своего выражения, не должны приветствоваться никакие другие *специальные* термины, денотирующие те же самые объекты и находящиеся в тех же самых отношениях между собой. Если мое предложение найдет поддержку, то наверняка окажется неизбежным собрание философов с целью принять, после должного обсуждения, удобные каноны, ставящие применению этого принципа определенные границы. Так, подобно порядку, введенному в химии, было бы мудрым шагом присвоить фиксированные значения некоторым приставкам и суффиксам. К примеру, можно было бы, вероятно, прийти к согласию в том, что приставка *ргоге-* должна указывать на широкое и весьма неопределенное значение термина, к которому она приставляется; название учения естествен-

но оканчивалось бы на *-ism*, в то время как *-icism* указывал бы на более строго определенный вариант этого учения и т. д. Далее, опять же по примеру биологии, в которой ничто не выражается в терминах, имевших хождение до Линнея, для философии наилучшим было бы не возвращаться к схоластической терминологии. Если говорить о примере другого типа ограничения, то, вероятно, еще никогда не случалось так, чтобы общее название, изначально данное философом своему собственному учению, не приобретало бы вскоре, в результате частого философского употребления, значение более широкое, чем то, что было закреплено им самим. Так, кантианство, бентамизм, контианство, спенсерианство и т. д. сохранились в качестве названий специфических систем, а трансцендентализм, утилитаризм, позитивизм, эволюционизм, синтетическая философия и т. д. окончательно (и с немалой пользой) превратились в обозначения более обширных течений.

Прагматицизм

4. Автору, в течение многих и многих лет напрасно ожидавшему какого-то особенно удачного стечения обстоятельств, которое благоприятствовало бы обнародованию его представлений о терминологической этике, наконец удалось провести их в печать теперь, когда ему уже особенно нечего предложить, и когда сложившееся без каких-либо канонов и резолюций философского конгресса словоупотребление не вызывает у него ничего, кроме удовлетворения. Предложенное автором слово «прагматизм» широко признано в его обобщенном смысле, что, как кажется, свидетельствует о его жизнестойкости и способности к развитию. Прославленный психолог Джеймс впервые взял <этот термин> на вооружение,¹ увидев, что его собственный «радикальный эмпиризм» по сути соответствует определению прагматизма, данному автором. Однако, несмотря на это между ними

¹ [См. его «Прагматизм» (*Pragmatism*. P. 47).]

также имело место некоторое расхождение в точке зрения. На то же самое имя «прагматизм» вслед за Джеймсом, во время написания своей замечательнейшей статьи под названием «Аксиомы как постулаты» (*Axioms as Postulates*),¹ натолкнулся восхитительно ясный и блестящий мыслитель, м-р Фердинанд К. С. Шиллер, когда искал повсюду более привлекательное имя для <понятия> «антропоморфизм», заявленного им в книге «Загадка Сфинкса» (*Riddle of the Sphinx*). Это имя генетически согласовывалось в своем изначальном смысле с собственным учением Шиллера, которому с тех пор он подыскивал более подходящую спецификацию — «гуманизм», — хотя и сохранил приверженность «прагматизму» в несколько более широком смысле. До настоящего времени все складывалось удачно. Теперь же это слово иногда можно встретить уже и в литературных журналах, где с ним обращаются весьма безжалостно — такое часто случается со словами, попавшими в когти литераторов. Время от времени дают о себе знать манеры британцев: они порицают это слово как результат неудачного выбора — неудачного, выходит, с точки зрения выражения того значения, которое оно как раз было призвано исключить. В связи со всем вышеперечисленным, автор, узнав, сколь широкую известность приобрел его несчастливый отпрыск «прагматизм», чувствует, что настала пора поцеловать свое дитя на прощанье и поручить его собственной высокой судьбе. Дабы же достигнуть поставленной цели точного выражения изначального определения, он просит возвестить о рождении имени «прагматицизм», которое достаточно уродливо, чтобы не стать жертвой похитителей детей.²

¹ [В «Личном идеализме» (*Personal Idealism*, ed. by H. Sturt (1902). P. 63).]

² Для демонстрации того, сколь недавним является всеобщее употребление слова «прагматизм», автор может со всей уверенностью указать на то, что до настоящего случая он никогда не употреблял его в своих напечатанных работах, за исключением — это было сделано по особой просьбе — Словаря Болдуина (*Baldwin's Dictionary*). До конца 1890 года, когда вышла в свет соответствующая часть Словаря Века (*Century Dictionary*), автор не считал, что статус термина «прагматизм»

5. Сколь бы много не почерпнул автор из внимательно-го чтения сочинений других прагматистов, он по-прежнему считает, что решающее преимущество все же принадлежит изначальному варианту этого учения.¹ Из этой оригинальной формы могут быть выведены все истины, вытекающие из любых других форм, и в то же время она позволяет избежать некоторых заблуждений, которым оказались подвержены другие прагматисты. Кроме того, мое изначальное воззрение, как кажется, представляет собой концепцию более сжатую и более единообразную, чем другие. В авторских глазах, однако, ее главной заслугой является то, что она с большей готовностью связывает себя с критическим доказательством собственной истинности. Обычно — в полном согласии с логическим порядком исследования — происходит так, что сформированная в начале гипотеза кажется все более и более обоснованной по мере того, как подвергается все более тщательной перепроверке, и тем не менее, адекватным доказательством она увенчивается лишь значительное время спустя. А так как автор настоящей статьи начал заниматься рассматриваемой прагматистской теорией за много лет до большинства ее приверженцев, вполне естественно, что он уделяет ее доказательству больше внимания, чем эти последние. Так или иначе, в попытке объяснить прагматизм для автора извинительно ограничить себя той его формой, которая известна ему лучше всего. В настоящей статье место найдется лишь для объяснения того, в чем именно это учение (способное, вероятно, благодаря тем людям, в руках которых оно оказалось, сыграть весьма выдающуюся роль в философских дискуссиях в ближайшие годы) действительно состоит. Если бы данная экспозиция вызвала у читателей «Мониста» какой-то интерес, то ко второй статье, где были бы продемонстрированы некоторые примеры многообразного применения прагматицизма (если полагать его истинным) к решению разного рода проблем, они отнеслись бы с гораздо большим интересом. После этого, возможно, чита-

позволяет ему поместить его в подобного рода издание. Он, однако, непрерывно употреблял его в философских беседах где-то с середины семидесятых годов.

¹ [См. «Как сделать наши идеи ясными».]

тели были бы готовы проявить интерес в отношении доказательства истинности этого учения — доказательства, которое, на взгляд автора, не оставляет ни одного обоснованного сомнения в его предмете, а также представляет собой тот ценный вклад в философию, который автор считает себя способным сделать. Ибо это доказательство принципиально подразумевало бы установление истины синехизма.¹

6. Так как голое определение прагматизма не смогло бы дать удовлетворительного его понятия даже самым понятливым умам, оно требует дополнительного комментария. Более того, в этом определении никак не упоминаются одно или два других учения, без предварительного (или виртуального) принятия которых сам прагматизм ничего бы из себя не представлял. Они входят в прагматизм Шиллера, однако автор настоящей статьи предпочитает не смешивать отличающиеся друг от друга положения. Положения подготовительного характера уместнее всего было бы сформулировать здесь же.

Затруднительность такого формулирования заключается в том, что нигде и никогда не было представлено формального их списка. Они все, однако, могли бы быть как девизом объединены следующей смутной максимой: «Освобождайтесь от самовнушения» («Dismiss make-believes»). Философы совершенно разного склада предлагают, чтобы философия начиналась с того или иного состояния ума — состояния, в котором в действительности не находится ни один человек, а менее всего — начинающий в философии. Один, предлагая вам начинать с сомнения во всем, говорит, что есть лишь одна вещь, в которой вы не можете усомниться — как будто сомневаться «так же легко, как лгать». Другой, предлагая нам начать с наблюдения над «первыми впечатлениями чувства», забывает, что само воспринимаемое нами есть результат познавательной переработки. На деле тем не менее есть лишь одно состояние ума, «от» которого вы могли бы «оттолкнуться» («set out»), а именно, то самое состояние ума, в котором вы в действительности обнару-

¹ <О синехизме как регулятивном принципе логики см.: Baldwin's Dictionary of Philosophy and Psychology. 1902. CP. Vol. VI.>

живаєте себя, когда «отталкиваетесь», — состояние, в котором вы нагружены неизмеримой массой уже сформированного познания и от которого вы не могли бы себя освободить, даже если б захотели — и кто знает, все-таки преуспев в таком освобождении, не сделали ли бы вы всякое знание для себя невозможным? Или *сомнением* вы называете написание на листе бумаги «я сомневаюсь»? Если так, сомнение не имеет отношения ни к чему серьезному. Однако не стоит внушать самому себе — и если педантизм не уничтожил в вас всякую реальность, то хотя бы признайте, как и должны, — что есть много такого, в чем вы не сомневаетесь. То же, в чем вы не сомневаетесь вообще, вы должны рассматривать как непогрешимую, абсолютную истину. Здесь м-р Самовнушение воскликнет: «Как, неужели вы хотите сказать, что следует быть убежденным в неистинном, или что несомненное для некоего человека будет истинно *ipso facto*?!» Нет, но не умея сразу же разъять что-либо на белое и черное, он должен рассматривать несомненное для себя как абсолютно истинное. И этот человек, *per hypothesiu* — вы. «Но, по вашим словам, есть множество вещей, в которых я не сомневаюсь. Я же на самом деле не способен убедить себя, что среди них нет такой единственной, по поводу которой я заблуждаюсь». Вы приводите один из ваших самовнушенных фактов, который, будь он даже установлен, лишь продемонстрировал бы, что сомнение имеет *limen*, то есть обязано своим бытием всего лишь некоторому конечному стимулу. Говоря о метафизической «истинности» и метафизической «ложности», о которых вам ничего не известно, вы только создаете себе лишние затруднения. Все, с чем вы как-либо имеете дело, это ваши сомнения и убеждения¹ — при том, что течение жизни навязывает вам новые убеждения и дает вам силу сомневаться в старых. Если ваши термины «истинность» и «ложность» следует понимать так, что они определены посредством сомнения и убеж-

¹ Необходимо сказать, что слово «убеждение» («belief») на протяжении всей статьи употребляется как обозначение чего-то, противоположного сомнению, и в расчет не берутся ни степень достоверности (certainty), ни природа пропозиции, которая считается истинной, т. е. в которой «убеждены».

дения, а также течения (course) опыта (что было бы верно, если бы вы, например, определили «истинность» как то, к убеждению в чем стремилось бы убеждение, стремись оно неопределенно долго к абсолютной закреплённости), то это правильно и не вызывает возражений. В этом случае вы говорите всего лишь о сомнении и убеждении. Но если под истинностью и ложностью вы имеете в виду нечто, не определяемое в терминах сомнения и убеждения, то вы говорите о сущих, о существовании которых вы ничего не можете знать и которые бритвой Оккама были бы срезаны под самый корень. Ваши затруднения были бы значительно упрощены, если бы вместо слов о своем желании знать «Истину», вы просто сказали бы, что желаете достигнуть такой убежденности (состояния убеждения — state of belief), которая неодолима для сомнения.

7. Убеждение не есть мгновенный модус сознания — оно есть привычка ума, по сути своей устойчивая в течение некоторого времени и в большинстве случаев (если не во всех) бессознательная. Кроме того, подобно другим привычкам, она (до тех пор, пока не встречается с некой неожиданностью, которая начинает ее разложение) абсолютно довлеет себе самой (self-satisfied). Сомнение же принадлежит к совершенно иному роду — оно есть не привычка, а лишенность привычки. Вместе с тем лишенность привычки, дабы вообще быть чем-то, должна быть состоянием беспорядочной деятельности, за которой каким-то образом должна воспоследовать привычка.

8. Читатель, будучи человеком рациональным, среди прочего не сомневается в том, что он не только имеет привычки, но также способен на определенную степень самоконтроля за своими будущими действиями. Это, однако, не означает, что он может наделить их произвольно приписываемым характером. Напротив, это означает, что процесс самоподготовки будет тяготеть к наделению указанных действий (если только для этого представится благоприятный случай) тем закреплённым характером, указанием на который (и, возможно, приблизительной мерой которого) является отсутствие (или незначительность) ощущения упрека самому себе, обычно возникающего в ходе последующего размышления (reflection).

Последующее же размышление есть часть самоподготовки к действию в столь же благоприятствующем будущем случае. У повторяющегося раз за разом действия, следовательно, образуется склонность неопределенно приближаться к такой полноте названного выше закрепленного характера, знаком которой было бы полное отсутствие <ощущения> упрека самому себе. Чем ближе действие к этому приближается, тем меньше остается возможности для применения самоконтроля; там же, где никакой самоконтроль не будет возможен, не будет и никакого упрека самому себе.

9. Эти явления представляют собой, как кажется, фундаментальную характеристику, отличающую <всякое> рациональное существо. Обвинение (blame), по всей видимости, оказывается в каждом случае лишь видоизменением, получаемым в результате перенесения (или «проекции») вовне первичного ощущения упрека самому себе. Соответственно, мы никогда не обвиняем кого-то за то, что было неподвластно его способности предваряющего самоконтроля. Что же касается мышления, то это разновидность поведения, в своей значительной части подвластная самоконтролю. С точки зрения всех черт, присущих обоим (которым здесь невозможно дать полное описание за ограниченностью места), логический самоконтроль полностью зеркален по отношению к этическому, если только второй вообще не есть род, к которому первый принадлежит как вид. В согласии со сказанным, то, в чем вы в любом случае не можете не быть убеждены, нельзя по справедливости назвать неверным (wrong) убеждением. Другими словами, для вас это абсолютная истина. Можно себе представить, правда, и такое: завтра вы обнаружите то, к убеждению в чем вчера были не способны, в высшей степени достойным сомнения. В этом случае, однако, есть определенная разница между, с одной стороны, вашей «неспособностью», в том смысле, что ничто не стимулирует вас на необходимые огромные усилия, и, с другой, вашей «неспособностью» к тому, что по самой своей природе не допускает своего практического воплощения. На любой стадии ваших измышлений все равно будет сохраняться нечто, по поводу чего вам лишь останется сказать: «Я не способен мыс-

литель иначе», и ваша опирающаяся на эксперимент гипотеза скажет, что это — неспособность второго типа.

10. В только что сказанном безосновательно было бы рассматривать «мысль» в том узком значении, в котором «мысли благоприятствуют молчанию и тьме». Ее, наоборот, следует понимать как рациональную жизнь вообще, и, таким образом, эксперимент тоже является мыслительной операцией. Предельное (ultimate) же состояние привычки, к которому как к цели стремится самоконтролируемое действие и которое больше не оставляет места для такого самоконтроля, в случае мысли есть, конечно, состояние закрепленного убеждения, или совершенное знание.

11. Первостепенной важностью здесь обладают две вещи, и их следует себе уяснить и запомнить наверняка. Во-первых, человек не является индивидом абсолютно. Его мысли суть то, что он «говорит самому себе», то есть своему другому Я (self), возникающему в следующий момент времени. Когда некто рассуждает, он пытается убедить именно это критическое Я; всякая же мысль есть знак, и ее природа есть главным образом природа языковая. Во-вторых, следует помнить, что круг общения какого бы то ни было человека (сколь бы широко или узко не было понято это выражение) в чем-то сам представляет собой собирательную персону — персону, обладающую в некоторых аспектах более высоким рангом, нежели персона индивидуального организма. Как раз этих двух вещей достаточно, чтобы вы могли — однако лишь в абстрактном, отчасти пиквиновском смысле — провести различие между абсолютной истиной и тем, в чем вы не сомневаетесь.

12. Поспешим теперь перейти к экспозиции самого прагматизма. Здесь было бы удобно вообразить, что некто, для кого это учение хотя и внове, однако очевидно противоестественно, задает прагматицисту вопросы. Все, вызывающее иллюзию присутствия чего-то драматического, должно быть исключено, чтобы в результате возникла своего рода помесь диалога и катехизиса — в главном, однако, более близкая ко второму, — т. е. нечто, весьма явственно напоминающее «Исторические вопросы» Мангнолла (Mangnoll's *Historical Questions*).

Вопрошающий: Я поражен Вашим определением Вашего же прагматизма, ибо по уверению, сделанному не далее как в прошлом году, одним человеком — которого никак нельзя заподозрить в искажении истины и который сам является прагматистом, — Ваше учение заключается ровно в том, «что понятие должно выверяться по оказанным им практическим воздействиям (effects)». Вы, получается, должны были совсем недавно полностью изменить ваше определение.

Прагматист: Если вы обратитесь к VI и VII томам *Revue Philosophique* или к *Popular Science Monthly* за ноябрь 1877 и декабрь 1878 года,¹ то сможете сами увидеть, что помещенными там моими работами приведенное вами толкование недвусмысленно исключалось. Точная формулировка в ее английском варианте (с единственным изменением — первого лица на второе) гласила: «Из тех воздействий, которые тот или иной предмет, согласно вашему понятию о нем, способен оказать, учтите те, что могли бы иметь, согласно этому же понятию, практический характер. Тогда ваше понятие об этих воздействиях есть ваше полное понятие об этом предмете».²

Вопрошающий: На каком же основании вы делаете подобное утверждение?

Прагматист: Именно об этом я особенно желаю вам поведать. Этот вопрос тем не менее лучше отложить до тех пор, пока вы четко не уяснили, к доказательству чего ведут эти основания.

¹ [См. соответственно «Закрепление убеждения» и «Как сделать наши идеи ясными».]

² <Приводим еще два возможных перевода прагматистской максимы, (1) наиболее точный и (2) наиболее простой:

«Из всего причиняемого понятийно схваченным вами предметом — при том, что в данном случае и причинение и причиненное <тоже> понятийно схватываются вами, — учтите <именно> то, что <помимо его понятийной схваченности вами> могло бы, <также> с точки зрения вашей способности к понятийному схватыванию, иметь практическое звучание. Тогда ваша конкретная понятийная хватка этого практического есть ЦЕЛОЕ вашей понятийной хватки этого предмета».

«Из того, причиной чего, как вам представляется, способен стать предмет вашего понятия, учтите все представимо практическое. Это будет ВСЕ ваше понятие данного предмета».>

13. *Вопрошающий*: Каков, в таком случае, *raison d'être* Вашего учения? Каким преимуществом оно будет обладать?

Прагматист: Оно послужит доказательству того, что каждое положение онтологической метафизики есть либо бессмысленная тарабарщина — где одно слово определяется через другие, а те — через третьи, так никогда и не давая в результате ни одного реального понятия, — либо откровенный абсурд. Оно прояснит, что в очищенной от подобного сора философии останется лишь ряд проблем, которые вполне возможно исследовать при помощи свойственных подлинным наукам методов наблюдения и истинного решения которых можно достичь без того бесконечного взаимного непонимания и тех споров, которые сделали высшие из позитивных наук простым развлечением для праздных умов, чем-то вроде шахмат — развлечением, чье назначение состоит в праздном удовольствии и чей метод вычитан из книг. Прагматицизм в этом отношении есть разновидность пропе-позитивизма. Отличает же его от прочих разновидностей, во-первых, сохранение очищенной философии; во-вторых, полное принятие основного корпуса наших инстинктивных убеждений; в-третьих, настойчивая приверженность истине схоластического реализма (или учения, весьма близкого ему и достаточно точно сформулированного покойным доктором Френсисом Эллингвудом Эбботом (Dr. Francis Ellingwood Abbot) во Введении в его «Научный теизм» (*Scientific Theism*)). Итак, вместо того, чтобы, подобно остальным пропе-позитивистам, попросту насмеяться над метафизикой (без конца перевирая ее или как-то по-другому), прагматицизм извлекает из нее ее драгоценную сущность — чтобы та дала жизнь и свет космологии и физике. В то же время применение прагматицизма в области морали способно дать несомненный и положительный эффект — ему есть и немало других применений, которые не так легко классифицировать. В другой раз можно было бы специально привести примеры того, как прагматицизм оказывается реально способен воздействовать описанным выше способом.

14. *Вопрошающий*: Вряд ли необходимо убеждать меня в том, что Ваше учение ниспровергло бы метафизи-

ку. Но разве не столь же очевидно и то, что оно ниспровергнет всякое научное положение и всё, имеющее какое бы то ни было воздействие на жизненное поведение? Ибо говорите же вы, что единственное значение, которым обладает утверждение, заключается в том, что у определенного эксперимента есть определенный результат: В значение не входит ничего кроме эксперимента. Скажите тогда, как может эксперимент сам по себе открыть больше того, что с индивидуальным объектом однажды произошло нечто, и вследствие этого случилось другое индивидуальное событие?

Прагматист: Вопрос на самом деле к месту — он помогает не допустить какого бы то ни было неверного толкования прагматизма. Вы говорите об эксперименте самом по себе, делая ударение на «самом по себе». Очевидно, что вы мыслите всякий эксперимент как изолированный от всех других. Можно попробовать предположить — и вам это наверняка не приходило в голову, — что любой взаимосвязанный ряд экспериментов образует собой один совместный эксперимент. Каковы существенные ингредиенты эксперимента? Во-первых, конечно же, экспериментатор из плоти и крови. Во-вторых, верифицируемая гипотеза. Она есть пропозиция,¹ относящаяся к универсуму, окружающему экспериментатора, или к какой-либо хорошо известной части такового. Эта пропозиция утверждает или отрицает относительно своего предмета лишь некоторую экспериментальную возможность или невозможность. Третьим необходимым ингредиентом является имеющееся в уме экспериментатора искреннее сомнение относительно данной гипотезы.

¹ Вслед за английскими логиками автор неизменно употребляет слово *пропозиция* не так, как определяют его немецкий эквивалент *Satz* логики германские — языковое выражение суждения (*Urtheil*), — но как то, чье соотношение с любым утверждением — умственным и обращенным к себе самому или внешне выраженным — тождественно соотношению любой возможности с ее собственной актуализацией. Сложность (по меньшей мере) проблемы, которая касается существенной природы Пропозиции, немецким *Urtheil* лишь еще более усугубляется, так как оно смешивает в рамках одного обозначения умственное утверждение и само утверждаемое.

Минуя несколько ингредиентов, на которых здесь нет нужды задерживать внимание, а именно цель, план и решимость, мы приходим к акту выбора, при помощи которого экспериментатор вычленяет определенные идентифицируемые объекты, которыми ему предстоит оперировать. За этим следует внешний (или как бы внешний) АКТ видоизменения этих объектов. Далее, как следствие, наступает реакция мира на <действия> экспериментатора, данная последнему в восприятии. И наконец признание им того, что он узнал (*recognition of the teaching*) благодаря эксперименту. Хотя двумя главными частями самого события являются действие и противодействие (реакция), все же единство существа эксперимента заключено в его цели и плане, ингредиентах, опущенных в нашем перечислении.

15. Еще одно: представляя прагматициста тем, согласно чьему мнению рациональное значение состоит в эксперименте (о котором вы говорите как событии прошлого), вы, как ни поразительно, не вникаете в его умственную установку. Действительно, ведь сказано, что рациональное значение состоит не в эксперименте, а в *экспериментальных явлениях*. Когда экспериментатор говорит о феномене (явлении), например о «феномене Холла», «феномене Зеемана» и его модификации — «феномене Майкельсона», или «феномене шахматной доски», он не имеет в виду какое-то конкретное событие, которое случилось с кем-то и навсегда ушло в прошлое, но которое *обязательно будет* происходить в реальном будущем со всяким, кто удосужит себя выполнить определенные условия. Явление состоит в следующем факте: если экспериментатор начнет *действовать* в согласии с определенной схемой, имеющейся у него в уме, то произойдет что-то еще — сокрушив сомнения скептиков, как огонь небесный пророка Илии.

16. Не упускайте из виду также и тот факт, что прагматицистская максима ничего не говорит о единичных экспериментах или единичных экспериментальных явлениях (ибо условно истинное *in futuro* вряд ли может быть единичным), — но лишь об *общих разновидностях* (*general kinds*) экспериментальных явлений. Прагматицист не станет избегать упоминания о реальности общих

объектов, так как все истинное репрезентирует реальное. Так, истинны законы природы.

17. Рациональное значение любой пропозиции — в будущем. Как так? Значение некоей пропозиции само есть некая пропозиция. На деле оно есть не что иное, как сама пропозиция, чьим значением оно оказывается: оно есть ее перевод. Но из всех неисчислимых форм, в которые может быть переведена пропозиция, какую из них следует называть ее подлинным значением? Этой формой, согласно прагматицисту, является та, обретая которую пропозиция становится применима к человеческому поведению — не в тех или иных особых обстоятельствах, не в соответствии с той или иной особой целью, но такая форма, которая наиболее прямо применима к самоконтролю, при каких бы обстоятельствах и с какой бы целью он не осуществлялся. Именно поэтому прагматицист помещает значение в будущем времени; ибо единственное подвластное самоконтролю поведение есть будущее поведение. Но чтобы форма, полагаемая как значение пропозиции, была применима ко всем как-либо соотношенным с последней ситуациям и целям, она (форма) должна быть всего лишь общим описанием всех экспериментальных явлений, которые виртуально предсказываются утверждением данной пропозиции. Ибо экспериментальное явление есть утверждаемый пропозицией факт наличия у некоторым образом описанного действия некоторого типа экспериментального результата; экспериментальные же результаты суть единственные результаты, способные повлиять на человеческое поведение. Нет сомнения, некая неизменная идея может начать влиять на человека в большей степени, нежели раньше, но это лишь потому, что некий опыт, равносильный эксперименту, способствовал большему усвоению им ее истинности. Человек, действующий целесообразно, всегда действует на основании убежденности в некоем экспериментальном явлении. Следовательно, сумма экспериментальных явлений, подразумеваемых пропозицией, как раз и образует собой воздействие (во всей его полноте) последней на человеческое поведение. Таким образом, по сути дан ответ на ваш вопрос о том, как прагматицист может приписывать любому утверждению такое значение, которое не сводилось бы просто к единичному случаю.

18. *Вопрошающий*: Насколько я понял, прагматизм — это своего рода радикальный феноменализм. Почему, однако, вам обязательно ограничивать себя явлениями экспериментальной науки, и почему бы не <начать> отталкиваться от всякой науки, базирующейся на наблюдении? В конечном счете эксперимент довольно неохотно предоставляет вам требующиеся сведения. Он не склонен к разглагольствованиям и отвечает только «да» или «нет»; чаще же всего он просто вышаливает: «Нет!», а в лучшем случае издает нечленораздельное ворчание в ответ на отрицание его «нет». Типичный экспериментатор немногим соответствует образу наблюдателя. Именно исследователю естественной истории природа доверительно открывает свою сокровищницу, в то время как с экспериментатором, который склонен проверять и перепроверять, она сдержанна — как он того и заслуживает. Почему Ваш феноменализм обязательно должен звучать едва слышной губной гармошкой эксперимента, а не величественным органом наблюдения?

Прагматицист: Потому что прагматизм нельзя определять как «радикальный феноменализм», хотя этот последний и может быть разновидностью прагматизма. *Богатство* явлений заключается в их чувственном качестве, а в намерения прагматизма не входит определять феноменальные эквиваленты слов или общих идей, наоборот, он исключает из них чувственный элемент, пытаясь определить их рациональное содержание, и это содержание он находит в целесообразном влиянии рассматриваемого слова или пропозиции.

19. *Вопрошающий*: Но если согласно Вашему выбору Деяние (Doing) становится Бытием и Назначением (Be-all and End-all) человеческой жизни, почему бы вам не объявить, что попросту в деянии значение и состоит? Деяние должно быть совершено в некоторое время по отношению к некоторому объекту. Индивидуальные объекты и единичные события — это, как известно всякому, все, из чего состоит реальность, — на этом практик (practicalist) прежде всего и должен бы был настаивать. Несмотря на это, Ваше значение, как вы его описываете, общо (*general*). Получается, что оно обладает природой слова, а не реальности. По Вашим собственным словам, значение пропозиции есть та же самая пропозиция, лишь в

другом облиции. Но значение слов практического человека есть самое вещь, которую он имеет под ними в виду (means). Каково, по Вашему мнению, могло бы быть значение словосочетания «Джордж Вашингтон»?

Прагматицист: Сформулировано очень убедительно! Из высказанных вами положений добрые полдюжины должны быть приняты вне всякого сомнения. В первую очередь должно быть принято, что сделай в реальности прагматицизм Деяние Бытием и Назначением человеческой жизни, это означало бы его смерть. Ибо сказать, что мы живем лишь ради действия как такового, не учитывая мысль, которую оно воплощает, значит сказать, что нет такой вещи, как рациональное содержание. Во-вторых, должно быть принято, что всякая пропозиция бывает истинной по отношению к некоторому реальному индивидуальному объекту, часто — к окружающему универсуму. В-третьих, должно быть принято, что прагматицизм не способен дать какой бы то ни было перевод или значение имени собственного или какого-либо другого обозначения индивидуального объекта. В-четвертых, несомненно, что прагматицистское значение общо; столь же бесспорно и то, что природа общего это природа словесная или знаковая. В-пятых, должно быть принято, что существуют лишь индивидуальные объекты (individuals); а, в-шестых, можно принять и то, что само значение слова — или значимого предмета — должно быть самой сущностью той реальности, которую оно обозначает. Обнаружив, однако, что, беспрекословно допустив все это, прагматицист по-прежнему со всей серьезностью продолжает оспаривать силу Вашего возражения, вы должны сделать вывод, что некоторое соображение все же ускользнуло от вас. Сложив вместе всё принятое нами, вы почувствуете, что прагматицист без возражений признаёт за именем собственным (хотя и не слишком привычно говорить, что оно обладает *значением*) некоторую денотативную функцию, присущую в каждом случае именно этому имени и его эквивалентам; а также признаёт, что такая денотативная, или указующая (pointing-out), функция содержится в каждом утверждении. В ее особой индивидуальности прагматицист исключает ее из рационального содержания утверждения, хотя *что-то подобное* ей, будучи присущим всем утверждениям и поэтому будучи общим, а не

индивидуальным, может входить в таковое, прагматицистски понимаемое, содержание. Все, что существует (*exists*), *экс-систирует* (*ex-sists*), то есть реально действует на другие существования (*existents*), обретая тем самым свою самотождественность — существующее по определению индивидуально. Что касается общего, для мысли было бы бесполезно отметить, что нечто может быть общим двояко. Венчающая какой-нибудь деревенский памятник статуя солдата, в шинели и с мушкетом, есть для каждой из сотен семей образ погибшего на войне родственника, образ жертвы, отданной ею за Союз. Эта статуя, таким образом, будучи сама по себе единичной, репрезентирует любого мужчину, относительно которого может быть истинен определенный предикат. Она *объективно* обща. Таким же образом общим является и слово «солдат», произнесенное или написанное, — однако об имени «Джордж Вашингтон» мы этого сказать не можем. Тем не менее каждый из этих двух терминов остается одним и тем же существительным, произнесены они или написаны — в любое время и в любом месте их произнесения или написания. Такое существительное — не существующая вещь: это *тип*¹ (или *форма*), которому объекты, как внешне существующие, так и воображаемые, могут *соответствовать* (*conform*), но которым ни те, ни другие в точности быть не могут. Здесь мы имеем дело с субъективной общностью. Прагматицистски понимаемое рациональное содержание общо и в том и в другом смысле.

20. Что касается реальности, можно обнаружить много разных ее определений; однако если принять предложенный выше принцип терминологической этики, двусмысленность вскоре исчезнет из языка. Ведь *realis* и *realitas* — совсем не древние слова. Как философские термины они были введены в тринадцатом веке,² и вкладывавшееся в них значение совершенно ясно. *Реально* то, что имеет такие-то и такие-то свойства, вне зависимости от того, мыслит ли у него кто-то эти свойства или нет. В любом случае прагматицист употребляет это слово именно в таком смысле. Итак, в точности подобно тому, как контролируемое этическим разумом поведе-

¹ [Ср. «Пролегомены к апологии прагматицизма», п. 8.]

² [См.: Prantl, *Geschichte der Logik*. III. 91. Anm. 362.]

ние стремится к закреплению некоторых поведенческих привычек, природа которых (чтобы было понятно — привычек миролюбивых, а не конфликтных) не зависит от каких-либо случайных обстоятельств и *в таком смысле* может быть названа *предопределенной (destined)*. Так, управляемая рациональной экспериментальной логикой мысль стремится к закреплению некоторых мнений, природа которых в конце концов будет одной и той же и которые сохраняют свою предопределенность, как бы извращенность мысли целых поколений не отодвигала их окончательное закрепление. Если так — а именно таково виртуальное предположение всякого, кто каждый раз заново рассматривает истинность чего-либо, — то, согласно принятому определению «реального», положение вещей, убеждением в котором будет это окончательное мнение, реально. Однако в своем большинстве такие мнения будут общими. Следовательно, *некоторые* общие объекты реальны. (Конечно, никто никогда не мыслил реальными *все* общие (generals); но уже схоластики предполагали общие реальными, хотя и имели в пользу своего предположения очень мало (или вообще несколько) экспериментальной очевидности. Их ошибка заключалась именно в этом обстоятельстве, а не в том мнении, что общие могут быть реальны.) Когда дело доходит до модусов бытия, остается лишь поражаться обычной неточности мысли — даже у тех, кто занят анализом силы (power). К примеру, обнаруживается широкая распространенность того виртуального предположения, что относящееся к (relative to) мысли не может быть реально. Но почему, собственно, не может? Красное относится к зрению, однако тот факт, что вследствие пребывания чего-то в некотором отношении к зрению мы называем это что-то красной (being red), сам по себе не относится к зрению; это — реальный факт.

21. Общие могут быть не только реальными, они также могут быть *физически действенными (efficient)*, причем не в каком-то метафизическом смысле, а с точки зрения здравого смысла (in common-sense asserption) — для которого физически действенным являются, к примеру, поставленные людьми перед собой цели. Отвлекаясь от метафизической чепухи, ни один здравомыс-

лящий человек не усомнится в том, что если я чувствую спертость воздуха в моем кабинете, это может стать причиной того, что окно будет мною открыто. Моя мысль, если допустить ее наличие, была индивидуальным событием. Но то, что определило ее принять ту частную детерминацию, которую она < в результате и > приняла, было отчасти общим фактом нездоровости спертого воздуха, а отчасти другими *Формами (Forms)* — теми самыми *Формами*, о которых доктор Карус¹ заставил многих, не без пользы для самих себя, задуматься. Вернее даже было бы сказать: теми самыми *Формами, которые* (вместе с их общей истинностью) детерминировали ум доктора Каруса убедительно высказать немало истинного. Ведь в чем-то истинном бывают убеждены, в общем и целом, гораздо чаще, чем в чем-то ложном. Если было бы по-другому, то, учитывая, что множеству ложных гипотез, объясняющих одно данное явление, противостоит только одна истинная (или, если вам угодно, все истинные), сделать первый шаг к подлинному знанию было бы почти чудом. Поэтому когда мое окно было открыто по причине того, что спертый воздух — *malsain*, физическое усилие обрело свое существование благодаря действительности общей и несуществующей истины. Это звучит необычно потому, что непривычно; но точный анализ свидетельствует в пользу именно такой формулировки, а не против нее. Кроме того, у нее есть то огромное преимущество, что она не позволяет нам закрыть глаза на некоторые наизначительнейшие факты — на то, например, что идеи «справедливости» и «истины», несмотря на всю порочность этого мира, есть самые могущественные силы, которые этот самый мир возвращают. Общее есть поистине необходимый ингредиент реальности — ибо просто индивидуальное существование или действительность без какой бы то ни было регулярности ничего из себя не представляют. Хаос есть чистое ничто.

22. Утверждаемое всякой истинной пропозицией *реально*, или, иначе, есть то, как оно есть независимо от

¹ [«The Foundations of Geometry», by Paul Carus. The Monist. XIII. P. 370.]

того, что вы или я можем об этом подумать. Пусть эта пропозиция будет общей условной пропозицией относительно будущего — в таком случае она есть реальное общее, ибо высчитано (calculated) его реальное влияние на человеческое поведение. Именно таким прагматицист полагает рациональное содержание всякого понятия.

23. Соответственно, прагматицист полагает, что *sunt tunc bonum* состоит не в действии, а в том процессе эволюции, в ходе которого существующее все более и более воплощает общие, только что названные нами *предопределенными* (destined) — именно это мы и стремимся выразить, называя их *разумными* (reasonable). На своих высших стадиях эволюция все более и более протекает посредством самоконтроля, и это каким-то образом оправдывает прагматицистское понимание рационального содержания как общего.

24. Дальнейшее разъяснение прагматицизма позволило бы рассказать еще об очень многом, и не без пользы для читателя — если бы только автор не боялся показаться ему слишком утомительным. Было бы, к примеру, неплохо в подробностях показать, что существенный модус бытия, который прагматицист приписывает событию в будущем, нисколько не отличается от того, что он приписывает схожему событию в прошлом; и что отличаются друг от друга только соответствующие практические установки мыслителя.¹ Также было бы неплохо показать, что прагматицист не делает *Формы единственными* реальностями в мире,² как, впрочем, не делает он и разумное содержание слова единственным возможным его значением. Все это, однако, внутренне присутствует в уже сказанном. Читателю необходимо принять во внимание только еще одно замечание — замечание о концепции прагматициста, в которой толкуется соотношение его формулы с первыми принципами логики.

25. Аристотелевское определение обладающего характером всеобщности сказывания, обычно обозначаемое (при помощи нескольких начальных слов — подобно

¹ [Ср. «Вопросы прагматицизма», п. 22 и след.]

² [Ср. п. 19 и 26.]

папской булле или решению суда высшей инстанции) как *Dictum de omni*, можно перевести следующим образом: «Мы называем сказывание (утвердительное или отрицательное) *общим* в том и только в том случае, когда среди существующих индивидов нет таких, к которым утвердительно принадлежит субъект, но к которым подобным образом не будет отсылаться предикат (утвердительно или отрицательно, в зависимости от того, утвердительно или отрицательно общее сказывание)». По-гречески это выглядит так: *λέγομεν δὲ τὸ κατὰ παντός κατηγορεῖσθαι ὅταν μηδὲν ἢ λαβεῖν τῶν τοῦ ὑποκειμένου καθ, οὐ θάτερον οὐ λεχθήσεται. καὶ τὸ κατὰ μηδενὸς ὡσαύτως.*¹ В перевод (которому законы английского языка не позволили бы быть буквальным) было введено важное словосочетание «существующие индивидуальные объекты» («existent individuals»); но совершенно понятно, что Аристотель имел в виду именно «индивидуально существующие». Остальные отклонения от буквального следования оригиналу служат всего лишь для того, чтобы перевод соответствовал формам современного английского языка. Итак, хорошо известно, что в формальной логике каждая пропозиция имеет свою пару и взаимнообратима с ней путем перестановки местами идей антецедента и консеквента, субъекта и предиката и т. д. Этот параллелизм простирается столь далеко, что зачастую считается полным; однако это не совсем так. Подлинной парой *Dictum de omni* в этом случае будет следующее определение утвердительного сказывания: Мы называем сказывание (общее или частное) *утвердительным* в том и только в том случае, когда нет таких чувственных воздействий, универсально принадлежащих предикату, о которых нельзя было бы (универсально или частно, в зависимости от того, является ли утвердительное сказывание общим или частным) сказать, что они принадлежат субъекту. Получившаяся пропозиция есть по сути своей существенное положение прагматизма. Конечно, допустить ее параллелизм по отношению к *Dictum de omni* сможет лишь тот, кто допускает истину прагматизма.

¹ [Первая Аналитика. 24b. 28–30.]

Прагматизм и гегелевский абсолютный идеализм

26. Позвольте мне добавить к сказанному еще несколько слов. Ибо если кому-то небезразлично знать, в чем все-таки состоит прагматистская теория, он должен понять: ничто не обладает для прагматиста такой важностью, как признание чрезвычайной неадекватности выбора действия и воления — или даже решимости (*resolve*) и действительной цели — на роль материала, из которого складывается условная цель или понятие об условной цели. Если бы была написана задуманная статья о принципе непрерывности, объединяющая идеи, высказанные в помещенных ранее в «Монисте» других статьях,¹ она бы показала, сколь уместным оказывается в составе прагматистской теории признание непрерывности в качестве необходимого элемента реальности, а также <признание> того, что общее в логике относительных единиц (*logic of relatives*) становится именно непрерывностью, и что поэтому непрерывность, как и общее, и даже в большей степени, есть дело мысли и само ее существо. Но даже в отсутствие такой статьи высокие умственные способности читателя могли бы уже позволить ему разглядеть, что в указанных космологических работах реальность оказывается чем-то большим, нежели суммой производных от переживания и действия — ибо в них развернуто продемонстрирована чистая ничтожность первобытного хаоса, в котором эти два элемента уже наличествуют. Мотивом же обращения к этой теории именно здесь является то, что таким образом можно увидеть в ясном свете позицию, которой прагматист, будет ли указанная космологическая теория в конечном счете подтверждена или опровергнута, придерживается и должен придерживаться. Эта позиция состоит в том, что третья категория — категория мысли, репрезентации, триадического отношения, опосредования, подлинной троичности, троичности как таковой — есть существенный ингредиент реальности. Причем сам по себе он реальности не конституирует, поскольку эта категория (которая в такой космологии фигурирует как эле-

¹ <См.: *CP*. Vol. VI.>

мент привычки) не может обрести конкретного бытия помимо действия, как отдельного предмета ее управления — подобно тому, как действие не может существовать вне непосредственного бытия переживания, ибо именно в опоре на последнее оно осуществляется. Прагматицизм, и правда, находится в тесном соседстве с гегелевским абсолютным идеализмом, с которым тем не менее его разделяет непримиримый отказ признать, что третьей категории (которую Гегель низводит всего лишь до стадии мышления) достаточно для создания мира, и даже отказ признать самодостаточность ее как таковой. Если бы Гегель вместо презрительной улыбки в адрес первых двух стадий оставался приверженным им как независимым или отдельным (*distinct*) элементам триединой Реальности, прагматицисты могли бы счесть его величайшим глашатаем их истины. (Несомненно, что внешние атрибуты его учения имеют существенное значение лишь иногда.) Ибо по своей сущности прагматицизм относится к триадическому классу философских доктрин, причем его сущности это соответствует гораздо более, нежели сущности гегельянства. (И действительно, Гегель, по меньшей мере в одном отрывке, называет выбранную им триадическую форму экспозиции не более чем внешним приемом.)

*Милфорд, Пенсильвания,
сентябрь 1904 года.*

27. Постскрипtum. За последние пять месяцев мне несколько раз довелось слышать о возражениях в адрес вышеприведенных мнений, но так как я не смог ознакомиться с текстом этих возражений, я не считаю, что должен пытаться отвечать на них. Если только, несмотря на возможность с легкостью найти себе читателей и по-важнее, джентльмены, полемизирующие как с прагматизмом вообще, так и с той его разновидностью, приверженцем которой остаюсь я, послали бы написанное ими мне, в моем лице они обнаружили бы того, кто изучил бы их доводы с чувством великой потребности узнать неведомую мне истину и огромной благодарности к их щедрому мне соизволению это сделать.

9 февраля 1905 года.

ВОПРОСЫ ПРАГМАТИЦИЗМА¹

Шесть особенностей Критического Здравомыслия

1. Прагматизм в своем исходном выражении² имел форму нижеследующей максимы: «Следует рассмотреть все *диктуемые некоторым понятием* следствия, которые будет иметь предмет этого *понятия*. Причем те, что, *согласно этому же понятию*, способны иметь практический смысл. *Понятие* об этих следствиях и будет составлять полное *понятие* о предмете».

Я переформулирую эту максиму другими словами, поскольку часто именно таким образом может быть устранен незамеченный ранее источник испытываемых читателем затруднений. На этот раз она будет выражена в изъявительном наклонении: Полное интеллектуальное содержание какого-либо символа состоит в совокупности (the total of) всех общих типов рационального поведения, которые, в условной зависимости от всех возможных обстоятельств и желаемых положений дел, вытекают бы из принятия этого символа.

2. Две теории, которых автор придерживался примерно за девять лет до того, как им были сформулированы основания прагматизма, следует рассматривать как логически выводимые из последнего. Одну из них можно было бы назвать Критическим Здравомыслием. Оно является разновидностью Философии Здравого Смысла, но при этом отмечено шестью характерными особенностями, которые я теперь перечислю.

¹ <«Issues of Pragmaticism». *The Monist*. Vol. 15 (Oct. 1905). P. 481-499.>

² <См. ст. «Пролегомены к апологии прагматизма».>

3. *Особенность I.* Критическое Здравомыслие допускает существование не только несомненных пропозиций, но и несомненных выводов. В каком-то смысле, несомненно все очевидное (*evident*). Однако пропозиции и выводы, которые Критическое Здравомыслие выделяет как изначальные — в том смысле, что они, как говорят юристы, «не подлежат пересмотру», — несомненны в смысле невозможности их критического рассмотрения (*being acritical*). Применение термина «рассуждение» («*reasoning*») необходимо ограничить только такого рода закреплением одного убеждения другим, которое было бы разумно, взвешенно и подчинено самоконтролю. Рассуждение должно быть осознанным. Речь идет вовсе не о «непосредственном» сознании, каковое (как я утверждал в 1868 г.¹) представляет собой не более чем еще одно определение простого Переживания (*Feeling*); по своей предельной (*ultimate*) природе (я имею в виду «в том своем характерном элементе, который уже не сводим ни к чему более простому») оно есть осмысленное приобретение некоторой привычки, расположенность² определенным образом реагировать на некоторый установленный характера стимул. Что касается природы такой расположенности, некоторые *éclaircissements* можно будет найти ниже, а также в моей третьей статье, посвященной Базису Прагматизма.³ Однако секрет рационального сознания стоит искать не столько в изучении лишь этого специфического нуклона, сколько в рассмотрении процесса самоконтроля во всей его полноте. Механизм логического самоконтроля в точности до деталей работает по тому же плану, что и <механизм> самоконтроля этического. Наиболее заметное различие их состоит, возможно, в том, что последний служит препятствием для всевозможных проявлений дикости и безрассудства, в то время как первый гарантирует нас от затруднений Бу-

¹ [См. «Как сделать наши идеи ясными».]

² <Disposition — расположение, размещенность в определенном порядке; нечто, являющееся выражением права участников договора в оговоренных ситуациях действовать по своему усмотрению (юр.); способность свободно располагать собой.>

³ [См. «Некоторые последствия четырех неспособностей».]

риданова осла. Формирование привычек при размышлении над воображаемыми поступками (см. январскую статью за 1878 г.¹) есть одна из наиболее существенных составляющих и того и другого. Однако в том, что касается логики, воображение часто заводит нас несравненно дальше, соразмеряясь лишь со степенью общности поля исследования, и поэтому в математике сдерживается лишь границами его собственных возможностей, в то время как с точки зрения нравственности мы рассматриваем только ситуации ожидаемые или прогнозируемые. Дело в том, что в этической жизни мы следим за нашим поведением и его скрытыми мотивами в поисках оправданий для мучающей совести, в жизни же интеллектуальной проявляет себя тенденция оценивать существование как способ явления формы. Некоторые очевидные признаки феномена самоконтроля (и особенно привычки) мы можем кратко и без излишних гипотез, хотя и не без некоторой образности, описать, если скажем, что обладаем некоей скрытой природой. О составляющих и сути этой природы мы имеем, однако, возможность судить по поведению, которое она необходимым образом определяет, и по его проявлениям. С этим согласятся все (или все, кроме крайних номиналистов). Однако противники синехизма сами создают себе искусственные проблемы: они ложно истолковывают упомянутые проявления, представляя сознание в виде, так сказать, кожной оболочки или совершенно отдельной ткани, покрывающей лишенную сознания область скрытой природы, ума, души или физиологического основания. При нынешнем уровне наших знаний, как мне кажется, здравый метод предписывает нам, что применительно к видимостям разница всегда бывает относительной, а разграничение неточным.

4. В соответствии с максимой Прагматицизма, сказать, что наша скрытая природа подвержена детерминации, значит сказать, что она способна влиять на обдуманное поведение. И поскольку мы осознаем то, что совершаем обдуманно, постольку мы *habitualiter* осознаем все, что бы ни скрывалось в глубинах этой приро-

¹ [См. «Пролегомены к апологии прагматицизма».]

ды — можно предположить (и не более чем предположить, хотя известны некоторые любопытные примеры, подтверждающие это предположение¹), что достаточно энергичное напряжение внимания способно было бы раскрыть, что именно. Следовательно, предположить, что деятельность разума контролируется, значит сказать, что эта деятельность в определенном смысле сознательна, и это, вне всякого сомнения, будет сознанием логического хода мысли. Далее, эта теория требует, чтобы, рассуждая логически, мы отдавали себе полный отчет не только в заключении и в основательности его одобрения нами, но также и в том, что оно представляет собой результат данной посылки, более того, что полученный вывод является одним из возможного класса выводов, которые подчиняются единственному руководящему принципу. Итак, фактически мы обнаруживаем четко обозначенный класс умственных операций, очевидно отличающихся от любых других, обладающих лишь первыми двумя из перечисленных качеств. Только они заслуживают того, чтобы их называли *логическими рассуждениями*; если же рассуждающий осознает, хотя бы смутно, что является его руководящим принципом, его рассуждение следует называть *логической аргументацией*. Так или иначе, бывают случаи, когда мы сознаем, что некоторое убеждение обусловлено другим данным убеждением, но при этом не сознаем, что оно определяется каким-либо руководящим принципом. Таково «*cogito, ergo sum*» св. Августина. Подобный ход мысли следует называть не логическим рассуждением, а *некритическим выводом*. Бывает также, что одно убеждение обусловлено другим, но даже сама эта обусловленность нами не осознается. В таком случае мы имеем дело с *ассоциативными предположениями из убеждения*.

5. Прагматистская теория, как с легкостью убедится любой, кто знаком с моими записями от ноября

¹ См., однако, отчет об экспериментах, проведенных Дж. Джэстроу (J. Jastrow) и мной — «О незначительной разнице в ощущениях» («On Slight Differences of Sensation») в «Записках Национальной Академии Наук» (*Memoirs of the National Academy of Sciences*. Vol. III (1884). P. 1-11).

1877 и января 1878 г.,¹ изначально основывалась на изучении опыта феноменов самоконтроля, (that experience of the phenomena of self-control), который знаком каждому взрослому человеку. Думаю, она всегда — по крайней мере в известной степени — должна и будет придерживаться тех же оснований. Ведь конечную цель исследования интеллектуального содержания символов Прагматизм видит именно в раскрытии понятия рационального поведения, то есть поведения, подчиненного самоконтролю. Далее, контроль сам также может быть контролируем, критика — подчинена другой критике. В идеале данная последовательность не имеет очевидного и определенного предела (definite limit). Однако если некто всерьез задастся вопросом, возможно ли, чтобы заверченный ряд действительных усилий не имел ни конца, ни начала (я не стану утруждать читателя подробным разбирательством), то он лишь сможет заключить (с некоторой, правда, смутностью относительно того, что составляет усилие (effort)), что такое следует счесть невозможным. Из сказанного следует, что кроме суждений восприятия существуют также изначальные (т. е. достоверные, поскольку недоступные для критики) убеждения общего и возвратного (recurrent) характера, а также достоверные некритические выводы.

6. Важно, чтобы читатель прояснил для себя, что подлинное сомнение всегда имеет внешнюю причину и, как правило, связано с неожиданным стечением обстоятельств. Для человека также невозможно вызвать в себе подлинное сомнение простым усилием воли, которого в этом случае было бы достаточно, чтобы, скажем, просто вообразить условие математической теоремы, как невозможно было бы для него простым усилием воли создать совершенно неожиданную для себя ситуацию.

Я также прошу читателя поверить, что в этих статьях я способен осветить не более двух процентов той относящейся к делу мыслительной работы, осветить которую целиком понадобилось бы, чтобы представить предмет в разработанном мною виде. Из того, что было бы наиболее желательно вынести на суд читателя, я могу предложить

¹ [См. «Как сделать наши идеи ясными».]

лишь небольшую выборку. Я вынужден опустить не только те шаги, которые читатель вполне способен сделать и сам, но, к сожалению, и многое другое — многое, способное вызвать у него затруднения.

7. *Особенность II.* Не думаю, чтобы кто-либо из старых шотландских философов когда-либо задавался целью составить полный список изначальных (original) убеждений, но они безусловно полагали, что это вполне осуществимое предприятие и что такой список имел бы силу для сознания любого человека, начиная с Адама. Ибо в те дни Адам был признан всеми как вполне исторически достоверный персонаж. Да и как они могли думать иначе в те времена, когда им было еще ничего не известно об эволюционной теории? Когда я только начинал писать, эти новые идеи <о теории эволюции> были распространены довольно мало. Я предположил, что достоверные пропозиции с течением времени изменяются, и принял ряд предварительных исследований с целью определить скорость этих изменений. Но вскоре я оставил эту тему и <продолжил начатую работу> лишь в течение последних двух лет [1903– 905]; предварительные результаты показали, что изменения от поколения к поколению едва уловимы (хотя и вполне предсказуемы даже в такой незначительный отрезок времени). Поэтому я решил тогда, что в вопросе о Здравом Смысле с полным правом могу продолжать быть приверженным — с неизбежными видоизменениями — воззрению Томаса Рида, ума тонкого, но уравновешенного (что касается непосредственного восприятия, то кроме Рида это же относится и к Канту).¹

8. *Особенность III.* Шотландские философы считали, что изначальные убеждения, равно как и некритические выводы, имеют в общем и целом инстинктивную природу. Об инстинктах известно не так уж много

¹ Хотелось бы надеяться, что по окончании одного более сложного исследования я смогу вернуться к этому — чтобы дойти до самого фундамента, — ибо оно требует качеств, присущих старости, и не требует сил, присущих молодости. Необходимо прочитать огромное количество книг, ведь изучать придется не те убеждения, что люди *выставляют напоказ*, но те, что *сами выдают себя*.

даже в настоящее время, но все равно мы знаем о них несравненно больше, чем ученые восемнадцатого века. Например, нам известно, что они могут претерпевать незначительные видоизменения в очень короткое время. Однако о некоторых очевидных фактах было известно уже тогда — скажем, о том, что инстинкт редко ошибается (*errs*), в то время как разум впадает в заблуждение примерно в половине случаев, если не чаще. Одно шотландцы упустили из виду: изначальные убеждения остаются несомненными только применительно к условиям, напоминающим примитивные формы жизни. К примеру, ограниченность движения электронов лишь тремя измерениями вполне открыта для разумного сомнения, хотя методически правильно было бы предположить, что так оно и есть, пока не получено очевидных доказательств обратного. С другой стороны, обнаружив в убеждении симптомы инстинктивности, мы, хотя оно может казаться нам сомнительным, должны предположить, что в реальности эксперимент докажет нам обратное — ибо в нашей далекой от естества жизни, и особенно в жизни ученого, самой вероятной ошибкой оказывается принятие бумажного сомнения за подлинный металл. Возьмем, к примеру, убеждение в преступности кровосмешения. Биология, вне всяких сомнений, засвидетельствует его нецелесообразность, но ничто из сказанного биологией не объясняет силу нашего чувства по отношению к нему. Тем не менее когда мы задумываемся о том чувстве глубокого ужаса, который способна у нас вызвать идея кровосмешения, то сразу находим причину рассматривать кровосмешение в качестве инстинкта. Далее мы приходим к выводу, что если бы некие брат и сестра, находясь в здравом уме, решили все же вступить в брак, они бы не смогли избежать сознания ужасной вины за их поступок.

Данному случаю можно противопоставить убеждение в том, что суицид следует классифицировать как убийство. Существует два верных знака того, что это убеждение не инстинктивно. С одной стороны, оно существенным образом ограничено христианским миром. С другой, дело доходит до действительного спора с самим собой, это убеждение, как кажется, без следа стирается и вытесняется (*expunged and ex-sponged*) из сознания са-

моубийцы. В пику этим довольно сильным аргументам приводят авторитет Отцов церкви и несомненно сильный инстинкт самосохранения. Последний, впрочем, в данном случае совершенно неуместен. Ибо хотя и тоскливо порывать с жизнью, сохраняющей очарование как бы ни были плохи дела, это все равно что вырывать зуб — в этом акте нет совершенно никакого *нравственного* элемента. Что же касается христианской традиции, вопрос можно прояснить, обратившись к ее ранней истории. Ведь христианство, наиболее ревностная и нетерпимая из всех религий (см. Книгу Откровений св. Иоанна Богослова) — которая и останется таковой, пока не будет окончательно выхолощена цивилизацией, — не признавало никакой морали как достойной даже сиюминутного рассмотрения, кроме христианской. Ранней Церкви были нужны мученики, т. е. *свидетели*, и если кто-нибудь расставался с жизнью, преступной неверностью делу Церкви было делать это иначе, как кроме свидетельствуя о ее могуществе. Следовательно, рассматриваемое нами убеждение следует назвать сомнительным — и как только оно будет провозглашено сомнительным, Разум для себя тут же признает его ложным.

Для шотландской школы, по-видимому, не было подобного различия в отношении ограничений несомненности и вытекающих из них ограничений юрисдикции¹ изначального убеждения.

9. *Особенность IV.* Несомненно, наиболее отличительная особенность приверженца Критического Здравомыслия — по сравнению с философом старой шотландской школы — это его настойчивость в следующем пункте: некритически несомненное есть неизменно смутное (*vague*).

Логика заблуждалась, рассматривая Смутность мимоходом — даже не удосуживаясь ее проанализировать. Автор настоящей статьи приложил все усилия к тому, чтобы разработать Стехиологию (или Стойхеологию), Критику и Методевтику этого предмета, но здесь имеет воз-

¹ <Пирс нередко пользуется юридической терминологией. Здесь: *limitation* — ограничение, срок исковой давности, *jurisdiction* — подсудность.>

можность привести лишь одно-два определения, а также несколько предложений терминологического характера.

10. Авторы, отличающиеся точностью, уже, по-видимому, сделали для себя различие между *определенным* (*definite*) и *детерминированным* (*determinate*). Субъект *детерминирован* в аспекте (*in respect to*) любого внутренне присущего ему или (универсально и утвердительно) сказываемого о нем свойства, и точно так же в аспекте отрицания этого свойства — ибо этот аспект есть в точности тот же самый. Во всех остальных аспектах субъект *недетерминирован* (*indeterminate*). *Определенному* определение будет дано чуть позже. Знак (каковым словом я обозначаю всякую разновидность мысли, а не только внешние знаки), который в любом аспекте объективно недетерминирован (т. е., чей объект недетерминирован самим своим знаком), есть объективно *общий* (*general*) в той мере, в какой он дает интерпретатору возможность дальше его (знак) детерминировать.¹ *Пример:* «Человек смертен». Здесь ответ на вопрос: какой человек? — будет тот, что эта пропозиция ясно (*explicitly*) оставляет за вами решение, к какому человеку или людям применить ее утверждение. Знак, который объективно недетерминирован в любом аспекте, есть объективно *смутный* в той мере, в какой он сохраняет дальнейшее осуществление детерминации (*determination*) за каким-то другим мыслимым знаком, или, по крайней мере, не

¹ Гамильтон и несколько других логиков понимают субъект общей пропозиции как собирательный; однако всякому, кто неплохо знаком с логическими сочинениями, известно немалое количество мест в них, где ведущие логики раз за разом — что было бы излишне, если бы все читатели были умны — объясняют, что такой субъект есть нечто общее в распределительном, а не в собирательном смысле. Термин, денотирующий некое собрание, — единичен; он, столь же истинно, как и имя сущности, есть «абстракция» или результат операции гипостатической абстракции. «Человечество» есть настолько же абстракция и *ens rationis*, насколько «человечность». Действительно, каждый объект понятия является либо как-то обозначенным индивидом, либо некоторого рода недетерминированным индивидом. Существительные во множественном числе обычно бывают распределительными и общими; имена нарицательные в единственном числе обычно бывают неопределенными.

назначает интерпретатора своим заместителем в этом деле. *Пример*: «Человек, которого я могла бы назвать, по всей видимости, немного зазнался». *Посыл (suggestion)* здесь тот, что упоминаемый человек и тот, к кому обращена фраза, — одно лицо; однако высказавшая ее <женщина> сама не дает санкции на такую интерпретацию — как и на *любое* другое применение сказанного ею. Ничто не препятствует ей сказать далее, что она *не* имеет в виду человека, к которому обращается. Каждое высказывание, и это естественно, оставляет за высказывающим право на дальнейшее прояснение; поэтому в той мере, в какой знак недетерминирован, он является смутным — если только явно (*expressly*) или на основе совершенно понятного всем сторонам соглашения не оказывается всеобщим. Обычно утвердительное сказывание относится *вообще* ко всякому существенному свойству предиката, в то время как отрицательное сказывание некоторое существенное свойство последнего *смутно* отрицает. В другом смысле, честные люди всегда намерены, если не шутят, сделать значение своих слов детерминированным — чтобы исключить всякую широту интерпретации. То есть характер того, что они имеют в виду (*the character of their meaning*), состоит в импликациях и не-импликациях их слов; эти люди, таким образом, намеренно стремятся закрепить то, что имплицуется и что нет. Они убеждены, что им это удастся, и если предмет их беседы — теория чисел, то, может быть, они и не заблуждаются на этот счет. Однако чем дальше их беседа удаляется от таких отвлеченных (*presciss*),¹ или «абстрактных», предметов, тем меньше для их речи остается возможным эту точность (*precision*) сохранять. В той мере, в какой импликация не детерминирована (*not determinate*), она обычно остается смутной; есть тем не менее случаи, когда нежелание останавливаться на неприятном предмете становится причиной того, что высказывающий оставляет детерминацию импликации интерпретатору — как, например, если кто-то говорит: «Это — грязная тварь во всех смыслах слова».

¹ <См. ниже, п. 12.>

11. Возможно, более научной парой определений были бы следующие: что бы то ни было есть *общее* в той мере, в какой к нему не применим принцип исключенного третьего, и *смутное* в той мере, в какой к нему не применим принцип противоречия. Так, хотя и истинно, что «Любая взятая вами пропозиция либо истинна, либо ложна — *если вы детерминировали ее самотождественность (identity)*», все же, *пока она остается недетерминированной, а поэтому и без самотождественности*, не будет необходимо истинно ни то, что любая взятая вами пропозиция истинна, ни то, что любая такая пропозиция ложна. Точно так же поэтому тогда как ложно, что «Пропозиция, *чью самотождественность я детерминировал*, есть вместе и истинна, и ложна», все же, пока пропозиция не детерминирована, может быть истинным, что она есть истинна и что она есть ложна.¹

¹ Эти замечания требуют дополнения. Детерминация в общем никакого определения здесь не получает, а предпринятое определение детерминации субъекта в аспекте некоего свойства относится (или, по всей видимости, относится) всего лишь к развернутой пропозициональной детерминации. Сделанное мимоходом замечание <см. п. 10> о том, что слова с детерминированным значением исключали бы «всякую широту интерпретации», более удовлетворительно <чем предпринятое определение>, поскольку из него по контексту оказывается понятным, что такой широты не должно быть либо для интерпретатора, либо для высказывающего. Развернутость (explicitness) таких слов не оставляла бы высказывающему места для объяснения того, что он имеет в виду. Это <вытекающее из замечания> определение имеет еще и то преимущество, что оно применимо ко всякому приказанию, всякой цели, всякой средневековой субстанциальной форме — короче говоря, ко всему, способному быть недетерминированным. (То, что все недетерминированное имеет природу знака, можно доказать индуктивно, вообразив примеры самого бессмысленного описания и их проанализировав. Так, недетерминированность некоего события, которое произойдет благодаря чистой случайности, без причины, *sua sponte*, как мифологически говорили римляне, *spontanément*, как говорят французы (как будто то, что произведено из собственного движения, неизбежно будет иррационально), не принадлежит этому событию — скажем, взрыву — *per se*, как таковому. Оно не принадлежит ему и в силу какого бы то ни было реального отношения: оно при-

12. О знаке в тех аспектах, в которых он не является смутным, говорят, что он *определен*, и также, с несколько отличающейся областью применения, что он *precise*

надлежит ему в силу соотнесенности с разумом (relation of reason). То же, что истинно в силу соотнесенности с разумом, репрезентативно, то есть обладает природой знака. Подобное соображение в полной мере применимо к неразличаемым (indiscriminate) ударам в кентуккийской вольной борьбе.) Даже будущее событие может быть детерминированным только в той мере, в какой оно является консеквентом. А понятие консеквента есть понятие логическое. Оно производно от понятия заключения аргумента. Но аргумент есть знак истинности своего заключения — его заключение есть рациональная *интерпретация* знака. Это вполне согласно с духом кантовского учения о том, что метафизические понятия суть логические понятия, применение которых несколько различается от логического. Однако реально такая разница не столь велика, как это представлял Кант — и как не мог не представить, ибо почти всегда путал метафизические и логические соответствия (correspondents).

Другое преимущество полученного определения в следующем: оно убергает нас от ошибочного мнения, согласно которому знак всегда уже недетерминирован просто потому, что есть множество предметов, на которые он не ссылается. Согласно такому мнению, сказать, например, «Ч. С. Пирс написал эту статью» — недетерминировано, ибо здесь не сказано ни каков был цвет использованных для этого чернил, ни кто был их изготовителем, ни сколько лет было отцу изготовителя чернил в год рождения последнего, ни каково было расположение планет в момент рождения самого отца. Поскольку полученное определение ставит все в зависимость от интерпретации, перечисленные вопросы отпадают сами собой.

И однако более или менее очевидно, что в том виде, в каком определение дано, оно недостаточно развернуто, а также, что на настоящей стадии нашего исследования его нельзя сделать полностью удовлетворительным. Ибо к чему отсылает нас интерпретация? Дать на это убедительный ответ означало бы либо установить, либо опровергнуть все учение прагматицизма. И все же какие-то объяснения можно было бы дать. Каждый знак имеет единственный объект — пусть даже этот объект будет единичным множеством или единичным континуумом объектов. Никакое общее описание не способно идентифицировать объект. Однако здравый смысл интерпретатора знака удостоверяет его, что объект знака принадлежит некоему ограниченному собранию объектов. Допустим, к примеру, что два

(точен), значение какого-то термина восходит к *proæcisus*. Этот термин применяется к краткому отказу или отрицанию.¹ Именно таков был устоявшийся, повседневный

англичанина встречаются в вагоне европейского пассажирского поезда. Совокупное число предметов, относительно разговора о которых между нашими англичанами есть хотя бы самая незначительная вероятность, не превышает, возможно, миллиона. Вероятно также, что полмиллиона таких предметов находятся не очень глубоко под поверхностью сознания собеседников, и поэтому любой из них может легко стать действительным предметом разговора. Если один англичанин упоминает Карла II, другому нет нужды соображать, какой Карл II возможно имеется в виду (*meant*). Без сомнения это английский Карл II. Карл II, король Англии, довольно далеко отстоит от наших собеседников — во времени и вообще, — и можно было бы сказать, что без дополнительной спецификации предмет (*subject*) в данном случае остается не идентифицированным. У наших англичан, однако, нет цели подсчитывать в своем разговоре ангелов на кончике иглы — а ведь широту интерпретации, составляющую недетерминированность всякого знака, необходимо понимать именно как широту, способную повлиять на достижение цели: два знака абсолютно эквивалентны между собой, если их значения эквивалентны для всех возможных целей. И это бесспорно — отъявленный прагматизм, ведь цель есть не что иное, как аффекция (*атрибут — affection*) действия.

Сказанное о субъектах <т. е. предметах> столь же истинно по отношению к предикатам. Допустим, разговор наших англичан о Карле II коснулся цвета его волос. Известно, что разными сетчатками цвета видятся достаточно по-разному. Очень вероятно, что хроматическое чувство варьируется в гораздо большей степени, чем до сих пор точно известно. Очень маловероятно, что любой из наших путешественников специально обучен наблюдению цветов или их номенклатуре. Однако если один из них говорит, что волосы Карла II были темно-каштановыми с рыжеватым отливом, другой поймет его с точностью, вполне достаточной с точки зрения всех возможных целей обоих: это будет детерминированное сказывание.

Октябрьские замечания [т. е. замечания данной статьи] надлежащим образом различают между двумя разновидностями недетерминированности, а именно: неопределенностью и всеобщностью, первая из которых состоит в таком выражении знаком себя самого, которое недостаточно, чтобы позволить несомненную детерминированную интерпретацию, а [вторая] дает право интерпретатору решать, как сделать детерминацию полной. Если

смысл *precise* со времен Плантагенетов; и было бы очень желательно, чтобы за этим словом вместе с производными из него — *precision* (точность, уточнение), *precisive* (имеющий отношение к точности, прецизионный) и т. д. — в философском диалекте был закреплен именно

подумать об этом, кажется странным, что знак оставляет интерпретатору возможность сообщить ему (знаку) часть его (знака) собственного значения. Однако объяснение этого феномена заключается в том факте, что весь универсум целиком — не просто универсум существующих, но весь тот более широкий универсум, что включает в себя универсум существующих как составную часть, тот универсум, на который все мы привычно ссылаемся как на «истинное» («the truth») — так вот, весь этот универсум усыпан (*perfused with*) знаками, если только вообще из них одних не состоит. Заметим мимоходом это обстоятельство, ибо оно относится к вопросу о прагматизме [ср. «Прологомены к апологии прагматизма», п. 10].

В октябрьских замечаниях ввиду краткости было опущено упоминание о том, что и неопределенность и всеобщность могут в первую очередь влиять либо на логическую ширину знака, к которому они относятся, либо на его логическую глубину. Теперь это упоминание будет весьма уместным. Когда мы говорим о глубине (или обозначении) знака, мы прибегаем к гипостатической абстракции, процессу, посредством которого мы рассматриваем мысль как вещь, делаем знак-интерпретант объектом знака. Такая мыслительная операция была предметом насмешек со времени смерти Мольера (*since Molière's dying week*), и глубокомыслие пишущего о философии весьма удобно было бы измерять тем, расположен ли он потешаться над этим фундаментом добровольного воздержания (*inhibition*) (какое воздержание есть главная характеристика человечества). Ибо предусмотрительный мыслитель никогда не спешит насмеяться над той разновидностью мышления, которая очевидно основана на наблюдении — а именно на наблюдении знака. В любом случае, говоря о предикате, мы всегда репрезентируем мысль как вещь, как *substantia*, ведь понятия *субстанции* и *субъекта* есть одно, а разнится лишь всё, что их сопровождает (*concomitants*). В настоящей связи это необходимо отметить, потому что не будь гипостатической абстракции, не могло бы быть всеобщности предиката: знак, делающий интерпретатора своим заместителем в деле детерминации своего обозначения, то есть оставляющий это на его усмотрение, не обозначал бы тогда ничего — если только его обозначаемым не было бы *ничто*. — Из «Базиса прагматизма» («Basis of Pragmaticism»), 1906.

¹ [Ср. «Спекулятивная грамматика» п. 210.]

этот смысл. Чтобы выразить уточнение (*rendering precise*) (хотя обычно лишь в применении к числам, датам и т. п.), у французов есть слово *préciser*, которое по аналогии *décider* должно было выглядеть как *précider*. Разве не стало бы полезным дополнением к английской логической терминологии взять на вооружение глагол *to precide*, который бы выражал общий смысл уточнения? По всей видимости, в прошлом наши логики с достойной похвал смелостью изобрели для своих целей глагол *пресциндировать* (*to prescind*, от-влекать), и хотя соответствующее ему латинское слово значило всего лишь «обрезать у конца», английское слово значит «допускать <нечто>, не допуская чего-то, что имеет к этому нечто прямое отношение и на что при этом есть более или менее детерминированное указание». С точки зрения геометрии, к примеру, мы «от-влекать» форму от цвета, и это в точности то же самое, что «абстрагировать» цвет от формы, хотя в употреблении подавляющего большинства авторов глагол «абстрагировать» становится эквивалентным глаголу «отвлекать». Неясно, обязаны мы этим тому, что изобретательность и смелость наших философских предшественников исчерпала себя в изготовлении глагола «отвлекать», или нет, но любопытное обстоятельство заключается в том, что вместо образования из него существительного *отвлечение* (*prescission*) они вслед за французскими логиками наделили вторым смыслом слово *precision*. Где в это же время¹ (см. «Логика» Уоттса (Watts, *Logick*, 1725, I, vi, 9 *ad fin.*)) прилагательное *precisive* (точный) стало применяться для обозначения того, что более безошибочно было бы передано прилагательным *от-влеченный* (*prescissive*). Если мы намерены спасти добрый фрегат «Философия» для службы Науке — спасти из рук пиратов литературных морей, — мы поступим правильно, отделив слова «отвлекать», «отвлеченный» (*presciss*), «отвлечение» и «отвлекающий» как относящиеся к расчленению гипотезы, от *precide*, *precise*, *precision* и *precisive* как выражающих детерминацию,

¹ К сожалению, у автора не было возможности свериться относительно этих слов с Оксфордским словарем (*Oxford Dictionary*); поэтому, вероятно, тот, кто взялся бы за этот труд, мог внести свои исправления в некоторые формулировки данного текста.

либо уже полную для интерпретатора, либо отданную на его усмотрение. Таким образом мы многим поспособствуем тому, чтобы освободить корень «абстракт-» от нагрузки, дополнительной по отношению к его собственной — от передачи идеи отвлечения, а заодно и не имеющей к нему отношения, но очень важной идеи создания *ens rationis* из *ἔπος πτερόεν* (это словосочетание позаимствовано мной, чтобы как-то выразить всякую несубстанциальную (non-substantive) мысль), а именно этой операции — этой гипостатической абстракции, — которая уже долгое время служит предметом насмешек, математика обязана половиной своего могущества.

13. Чисто формальное понятие о том, что группа, образуемая тремя аффекциями (affections) терминов — *детерминацией, всеобщностью и смутностью*, — сообщает внутреннее разделение категории, у Канта называемой «способностями суждения», будет сочтено несущественным лишь теми, кто до сих пор не усвоил для себя, сколь существенны бывают чисто формальные понятия для философии. Не останавливаясь подробно на обсуждении этого вопроса, можно было бы указать,¹ что «количество» пропозиции в логике, то есть распределение ее *первого* субъекта, бывает либо *единичным* (то есть детерминированным, а поэтому существенно пренебрежимым в формальной логике), либо *универсальным* (т. е. общим), либо *частным* (по выражению средневековых логиков, то есть *смутным*, или *неопределенным*). Любопытно, что для логики относительных единиц из пропозициональных кванторов главное значение имеют именно первый и последний. Утверждать о чем-то, что это лошадь, значит сообщать этому чему-то *каждое* суще-

¹ Возвращаясь таким образом к оригинальной номенклатуре автора и изменяя то, что было сказано в седьмом номере «Мониста» <см. след. сноску>, где очевидно неудовлетворительный аргумент был сочтен достаточным для решения всего лишь терминологического вопроса. Качество пропозиции, однако, рассматривается там с точки зрения, которая теперь репрезентуется внешней по отношению к предмету. У меня не было времени, чтобы вновь исследовать все ответвления этого сложного вопроса с помощью экзистенциальных графов, поэтому утверждаемое в тексте относительно последнего из кванторов, возможно, нуждается в модификации.

ственное свойство лошади; отрицать относительно чего-то, что это лошадь, значит смутно отказывать этому чему-то в *некотором* — одном или более чем одном — существенном свойстве лошади. Есть тем не менее предикаты, не могущие быть разложенными анализом при настоящем развитии ума (*intelligence*) и опыта. Они, следовательно, утверждаются или отрицаются детерминированно. Таким образом, вновь возникает та же группа понятий. Хотя эти понятия никак не влияют на сами по себе утверждение и отрицание, следует отметить, что в некоторых случаях мы способны иметь определенную, по всей видимости, идею пограничной линии между этими последними. Так, точка поверхности может быть внутри области этой поверхности, вне ее и на ее границе. Это дает нам косвенное и смутное понятие посредника между утверждением и отрицанием вообще, и следовательно, опосредующего или зародышевого состояния между детерминацией и недетерминированностью. Схожее посредничество должно быть и между всеобщностью и смутностью. Действительно, в статье, помещенной в седьмом номере «Мониста»,¹ под самой поверхностью сказанного лежит идея бесконечного ряда таких *посредничеств*. Некоторые применения этих размышлений мы обнаружим ниже.

14. *Особенность V.* Странник Критического Здравомыслия будет отличаться от философа старой шотландской школы еще и тем, что придает огромную ценность сомнению — если только сомнение оказывается весомым благородным металлом, а не его подделкой или бумажным эрзацем. Критически здравомыслящему мыслителю недостаточно спросить себя, сомневается ли он, — он придумывает план того, как прийти к сомнению, подробно его разрабатывает и затем воплощает практически, пусть это и занимает подчас целый месяц тяжелого труда; и только результатом такого рода проверки может стать провозглашение им несомненности убеждения. Более того, он полностью признает, что даже в этом случае некоторые из его несомненных убеждений могут оказаться ложными.

¹ [«The Logic of Relatives». *The Monist*. Vol. 7 (1897). P. 161-217.]

Сторонник Критического Здравомыслия полагает, что для эвристической по своей сути науки убежденность в слишком малом таит меньшую опасность, чем убежденность в слишком многом. Но и при всем этом последствия убежденности в слишком малом могут оказаться с точки зрения эвристики настоящим бедствием.

15. *Особенность VI.* У Критического Здравомыслия есть два рода оснований считать себя по праву достойным своего названия. С одной стороны, оно подвергает строжайшей критике четыре учения (opinions): свое собственное; учение шотландской школы; учение тех, кто основывает логику или метафизику на психологии или любой другой специальной науке (из всех сколько-нибудь расхожих философских учений это — наименее приемлемое); наконец, учение Канта. С другой стороны, право притязать на название Критического ему помимо прочего дает тот факт, что оно представляет собой не более чем видоизмененное Кантианство (Kantism). Автор настоящей статьи был чистым Кантианцем, пока не осознал необходимость шаг за шагом перейти к Прагматицизму. Кантианцу необходимо лишь отречься всем сердцем от того положения, что нечто, называемое вещь-в-себе, может — пусть косвенно — вообще быть мыслимо (conceivable); исправив же соответствующим образом детали кантовского учения, он обнаружит, что перешел на сторону Критического Здравомыслия.

Субъективная и объективная модальность

16. Еще одним учением, которое входит в Прагматицизм как существенное из него следствие и которое, тем не менее, автор отстаивал (*North American Review*. Vol. CXIII. P. 449–472, 1871) еще до того, как даже в собственном уме сформулировал прагматицистский принцип, является схоластическое учение о реализме. Согласно обычному определению, его приверженцы придерживаются мнения, что есть такие реальные объекты, которые в то же время суть общие, и среди прочих к этим объектам относятся модусы детерминации существующих частных (particulars) — если только эти объекты во-

обще не исчерпываются таковыми. Однако такое убеждение не может не сопровождаться признанием факта существования также и реальных *смутных* (*vagues*) и в особенности — реальных возможностей. Ибо возможность, как отрицание необходимости, каковая есть разновидность всеобщности, смутна как и всякое другое противоречие общему. Прагматицизм озабочен именно тем, чтобы отстоять реальность некоторых возможностей. В статье от января 1878 г.¹ автором была предпринята попытка обойти данный вопрос как не подходящий для рассмотрения непосвященной публики, к которой эта статья и была обращена. Хотя, возможно, автор и сам тогда еще не был совершенно уверен в справедливости данного утверждения. В статье говорится, что если предположить, что алмаз, который был выкристаллизован на ватной подушечке, успел сгореть до того, как до него смогло достать какое-то отточенное лезвие или достаточно жесткое острие, вопрос о том, следует ли считать, что этот алмаз был твердым, превратится просто в проблему выбора терминологии. Все это верно, за исключением неоправданного употребления слова «просто», в результате чего отрицается реальность символов. Терминология подразумевает классификацию; классификация же бывает истинна или ложна, причем общие (*generals*), к которым она отсылает, есть либо реалии в первом случае, либо фикции во втором. Ибо если читатель обратится к изначальной максиме прагматицизма, приведенной в самом начале этой статьи, он увидит, что вопрос не в том, что случилось *на самом деле* (*did happen*), но в том, было бы или нет это применимо к тому или иному типу поведения, результативность которого должна зависеть от того, *сопротивлялась бы* или нет поверхность алмаза попытке нанести порез; или *вели бы* или нет все другие логические средства определения того, как результат должен быть классифицирован, к выводу, который, если воспользоваться словами той статьи, представлял бы собой убеждение, единственно способное быть результатом исследования, продолжавшегося *достаточно долго*. Согласно прагматицизму, предельное интеллектуальное

¹ [См. «Как сделать наши идеи ясными».]

содержание чего угодно состоит в мыслимых условных решениях (conceived conditional resolutions) — или в субстанции этих последних. Поэтому условные пропозиции с их гипотетическими антецедентами (в каковых пропозициях эти решения, являющиеся предельной природой значения, и выражаются) должны обладать способностью быть истинными, то есть способностью выражать всякое нечто, которое есть именно так, как выражено в пропозиции, и не иначе — независимо от мыслимого об этом нечто в том или ином суждении, или от репрезентации его любым другим символом, используемым каким-либо человеком или людьми. А это равносильно утверждению, что возможность иногда может быть реальной.

17. Чтобы полностью понять это, необходимо проанализировать модальность и удостовериться, в чем она состоит. В самом простом случае, с точки зрения самого субъективного значения, если некто не знает, что пропозиция ложна, он называет ее *возможной*. Если, однако, он знает, что она *истинна*, она гораздо более чем возможна. Сохраняя за этим термином его характерную применимость, можно сказать, что положение вещей имеет Модальность возможного — то есть всего лишь (merely) возможного — только в случае, когда противоречащее положение вещей столь же возможно, и это доказывает смутность возможности как модальности. Знающий, что Гарвардский университет имеет представительство на Стейт-стрит в Бостоне, и имеющий впечатление, что оно расположено в доме № 30, но все же подозревающий, что это № 50, сказал бы: «Я думаю, оно в доме № 30, но оно *может быть* и в доме № 50», или «оно, *возможно*, располагается в доме № 50». После чего еще один человек, в данном случае не сомневающийся в своей памяти, мог бы также добавить: «Оно *действительно располагается* в доме № 50», или просто «оно *располагается (is)* в доме № 50», или «оно *располагается в доме № 50, de inesse*». После чего человек, спросивший с самого начала, каков адрес представительства, мог бы сказать: «Поскольку вы столь уверены, оно *должно быть* в доме № 50», ибо «Я знаю, что первая цифра номера — 5. Поэтому, раз вы оба уверены, что вторая цифра — 0, то 50, конечно же, *необходимо есть* этот но-

мер». То есть в самой субъективной разновидности Модальности знание из прямого воспоминания находится в Модусе *Действительности*, детерминированном модусе. Но если знание недетерминировано относительно разных случаев (*alternatives*), то либо есть одно положение вещей, единственно соответствующее всем этим случаям, и тогда знание находится в Модусе *Необходимости*, либо есть более чем одно положение вещей, которое ни одним из знаний не исключается, и тогда каждое такое знание находится в Модусе *Возможности*.

18. Другие разновидности субъективной Модальности отсылают к Знаку, или Репрезентамену, который предполагается истинным, но не включает совокупного знания Высказывающего (т. е. говорящего, пишущего, мыслящего или как-то по-другому символизирующего), причем разные Модусы в этом случае различаются во многом так же, как сказано выше. В некоторых других случаях мы, однако, оправданно это или нет, достоверно мыслим Модальность как объективную. Какой-то человек говорит: «Я *способен* (*can*), если хочу, пойти на берег моря». Этим, несомненно, подразумевается его неведение относительно того, как именно он все-таки решит действовать. Однако не в этом смысл данного утверждения. Он в том, что при условии не состоявшейся еще в самом акте полной детерминации поведения дальнейшая его детерминация вне зависимости от внешних обстоятельств принадлежит субъекту действия. Если бы он сказал «Я *должен* идти туда, куда меня могут послать мои наниматели», это подразумевало бы, что функция дальнейшей детерминации будет принадлежать кому-то или чему-то еще. Во фразах «вы *можете* (*may*) сделать так-то и так-то» и «вы *должны* сделать так-то», слово «можете» по своей убедительности (*force*) тождественно слову «способны», однако в первом случае рассматривается свобода от частных обстоятельств, а в другом — от закона или предписания. Поэтому и говорят «вы *можете*, если *способны*». Мне, должен сказать, трудно сохранить уважение к компетенции философа, чья непроницательная, скользкая лишь по поверхности логика заставляет его рассматривать такие фразы как неверно репрезентирующие истину. Итак, акт гипостатической абстрак-

ции, сам по себе никак логику не нарушающий — сколь бы ни казался он внешне схожим с предрассудком, — может рассматривать случаи общего — именуемого Шансом — стремления к разнообразию в мире в одно время как стремления именно к разнообразию, а в другое — как стремления, подчиненные элементу порядка в мире. Так что, к примеру, суеверный кассир может под впечатлением дурного сновидения сказать себе самому в понедельник утром: «*Быть может*, мой банк ограбили». Несомненно, он признаёт полное свое неведение в данном вопросе. Но кроме этого в его уме отсутствует какая-либо особая причина, которая защитила бы от ограбления именно его банк — в отличие от всех остальных, которые время от времени все-таки оказываются ограбленными. Для него есть смутная аналогия между разнообразием в универсуме и состоянием человеческой нерешительности, у каковой аналогии он и заимствует обличье для своей мысли. Другую крайность представляют те, кто не иначе как боговдохновенно (ибо у них нет ни одного рационального доказательства в пользу своего мнения) провозглашают, будто совет актуария своей страховой компании не основывается ни на чем кроме невежества.

19. Еще один пример объективной возможности: «Пара пересекающихся лучей, т. е. бесконечных в одном направлении прямых, мыслимых подвижными, *способны* (или *могут*) двигаться — по-прежнему пересекаясь друг с другом — так, что след, оставляемый каждым из них, будет полностью покрывать один и тот же гиперболоид». Как нам следует это проинтерпретировать, если мы помним, что объект, о котором говорится — пара лучей, — есть чистое творение воображения Высказывающегося, пусть от него (объекта) и требуется соблюдение законов пространства (а точнее, он вынужден их соблюдать). Некоторые умы удовлетворятся более субъективной, или номиналистической, другие — объективной, реалистической интерпретацией. Однако с каждой стороны должно быть признано, что в какой бы своей разновидности или степени реальность ни принадлежала чистому пространству, она настолько же должна принадлежать и субстанции этой нашей пропо-

зиции, ведь последняя всего лишь выражает свойство пространства.

20. Вернемся теперь к примеру с алмазом, который выкристаллизовался на подушке из используемой ювелирами ваты и по несчастной случайности целиком сгорел до того, как успел прибыть кристалл корунда, за которым послал ювелир, и вообще до того, как был подвергнут какому бы то ни было давлению — помимо давления атмосферы и его собственного веса. Вопрос в следующем: был ли этот алмаз тверд *реально*? Несомненно, что его твердость не была детерминирована ни одним известным *действительным* фактом. Но тем не менее, разве его твердость не есть *реальный* факт? Сказать — исходя из того, что, по всей видимости, подразумевается упомянутой январской статьей за 1878 г., — что ответ в точности зависит от порядка расположения мыслей, выбранного произвольным «словоупотреблением», значит отказать этому свойству в реальности, так как реальное это то, что есть каково оно есть, независимо от того, как и в какое время мыслится его бытие. Не следует забывать, что условия, в которых находится этот алмаз (*this diamond's condition*), это не изолированный факт. Таких фактов просто нет; и во всяком случае изолированный факт вряд ли мог бы быть реальным. Бытие алмаза представляет собой неотделимую, хотя и отвлеченную <выделенную> часть единого факта природы. Как алмаз, он был массой чистого углерода, имеющей форму более или менее прозрачного кристалла (хрупкого, плавной восьмигранной формы — если только это не какая-то доселе неизвестная разновидность), который, если его не ограничили тем или иным принятым для алмазов способом, принял форму близкого к правильному (мне нет нужды вдаваться в подробности) октаэдра — с отчетливо выделенными ребрами и, возможно, несколькими закругленными гранями. Не подвергая его хоть сколько-нибудь существенному давлению, можно было обнаружить, что он нерастворим, наделен очень высоким коэффициентом преломления, фосфоресцирует в лучах радия (и, возможно, лучах «темного света» («dark light») и рентгеновских) характерным голубоватым светом, обладает удельным весом, близким к удельному весу ре-

альгара или орпимента, и выделяет во время сгорания меньше тепла, чем любой другой углерод. Убеждение говорит нам о неотделимости некоторых из этих свойств от твердости. Ибо, как и твердость, они свидетельствуют о высокой степени полимеризации молекулы. Но так или иначе, как может твердость всех других алмазов не свидетельствовать о *некотором* реальном отношении между алмазами, в отсутствие которого ни один кусок углерода не стал бы алмазом? Разве не будет чудовищным искажением и слова и понятия *реального* сказать, что случайное неприбытие кристалла корунда помешало твердости алмаза обладать *реальностью*, которой иначе она, в чем вряд ли можно усомниться, обладала бы.

В то же время мы должны отказаться от идеи, что то скрытое положение вещей (будь то отношения между атомами или что-то еще), которое конституирует реальность твердости алмаза, может состоять вообще только в истине общей условной пропозиции. Ибо с чем еще соотносится всякое химическое учение, как не с «поведением» («behavior») разных возможных разновидностей материальной субстанции? И в чем еще состоит это поведение, как не в том, что *будь* некоторого рода субстанция подвержена некоторого рода воздействию, этому последовал *бы*, в соответствии с уже имеющимся у нас опытом, некоторого рода результат. Что касается прагматициста, его позиция в том именно и заключается, что *значением* слов о присущности объекту некоторого свойства ничего, кроме выше сказанного, быть не может. Ему поэтому ничего не остается, кроме как принять учение о реальной Модальности, включающей реальную Необходимость и реальную Возможность.

21. Неплохо, с целью проиллюстрировать природу Прагматицизма, задаться следующим вопросом: Что есть Время? Задаться им следует не для того, чтобы сразу же взяться за решение тех наитруднейших проблем, которые связаны с психологией, эпистемологией или метафизикой Времени, хотя заранее допускается — как и должно быть в согласии с уже сказанным, — что Время реально. Читатель приглашается всего лишь поразмыслить над более скромным вопросом: Что мы имеем в виду (mean) под Временем? — причем здесь речь идет вовсе

не о всех закреплённых за Прошлым, Настоящим и Будущим значениях. С этими тремя общими детерминациями Времени ассоциируются некоторые особенные переживания, но их также следует непременно вывести из нашего рассмотрения. Хотя будет учтено, что все события неуклонно отсылают ко Времени, то, как эта неуклонность разнится от всех других ее разновидностей, здесь учтено быть не может. Рассматриваемый вопрос попросту таков: Каково интеллектуальное содержание Прошлого, Настоящего и Будущего? Ответить на него здесь возможно лишь чрезвычайно кратко.

22. То, что Время есть частный случай объективной Модальности, столь очевидно, что не требует аргументации в свое подкрепление. Прошлое состоит из суммы *faits accomplis*, и эта Свершённость есть Экзистенциальный Модус Времени. Ибо прошлое реально действует на нас, и *это* его действие подобно не влиянию на нас Закона или Принципа, но — в точности — действию Существующего объекта. Когда, например, в небесах взрывается *Nova Stella*, это действует на чьи-то глаза точно так же, как подействовал бы огонь, зажженный его собственной рукой; и тем не менее данное событие случилось до того, как были построены египетские пирамиды. Непосвященный может заметить, что соприкосновение глаза со светом взрыва — а это все, что мы знаем — длится не более доли секунды до того, как мы об этом узнаём. Однако он тут же должен сообразить, что потерял нить вопроса — который заключается не в том, способно ли отдаленное Прошлое действовать на нас непосредственно, но в том, действует ли оно на нас так же, как всякое Существующее. Приведенный пример (являющийся, несомненно, достаточно распространенным фактом) исчерпывающе доказывает, что модусом Прошлого является Действительность. О Будущем ничего подобного сказать нельзя, и чтобы ухватить его понимание нами, читатель должен распрощаться со своим Детерминизмом (*Necessitarianism*) — каковой в лучшем случае есть лишь научная теория — и вернуться к согласному со Здравым Смыслом Состоянию Природы (*Common-sense State of Nature*). Разве вы никогда не говорили себе: «Я способен (*can*) сделать это как сегодня, так и завтра»? Ваш Детер-

минизм это теоретическое псевдоубеждение — самовнушенное убеждение (a make-believe belief) — в том, что подобное предложение не выражает реальной истины. Но это значит провозгласить нереальность некоторого Времени, когда вас просят — реальность оно или фикция — поразмыслить над его значением. Вам нет нужды бояться, что, отвернувшись от дорогой вам теории на некоторое время, вы тем самым от нее отступитесь. Неизощренное (unsophisticated) понятие Будущего — истинно оно с точки зрения теории или нет — гласит, что все в Будущем есть либо *предопределенное* (*destined*), т. е. уже являющееся необходимым, либо *нерешенное* (*undecided*) — то же, что случайное (contingent) будущее Аристотеля. Другими словами, действуя только через идею о себе, то есть подобно тому, как действует закон, оно не Действительно; и значит, оно либо Необходимо, либо Возможно, каковые модусы выступают здесь как один, ибо (как отмечено выше¹) находящееся за пределами категории модальности Отрицание не способно внести в Модальность изменение. Рассмотрение Настоящего момента выявляет такую его непостижимость, что мне интересно, не было ли скептиков, отрицавших его реальность. Я могу представить себе одного из них, окунающего перо в самые черные из имеющихся у него чернил, чтобы ринуться в наступление, и вдруг понимающего, что вся его жизнь заключена в Настоящем — «живом настоящем», как говорим мы, этом моменте, когда все связанные с ним надежды и опасения перестают существовать, этой Живой Смерти (Living Death), в которой мы рождаемся заново. Ясно, что этот момент есть то самое Эмбриональное Состояние между Детерминированным и Недетерминированным, о котором говорилось выше.²

23. Прагматизм состоит в том воззрении, что содержание любого понятия есть его мыслимое воздействие (bearing) на наше поведение. Как в таком случае на наше поведение воздействует Прошлое? Ответ самоочевиден: всякий раз, начиная что-то делать, мы делаем это что-то «на основании» (we «go upon») — мы основываем наше

¹ [См. п. 13.]

² [Там же.]

поведение на уже известных фактах, а в отношении этих последних мы можем полагаться лишь на собственную память. Мы, правда, можем начать специальное исследование в отношении цели, которой хотим достичь, однако сделанные нами открытия станут применимыми к поведению лишь после того, как мы облечем их в форму максимы нашей памяти. Если коротко, то Прошлое есть хранилище всего нашего знания.

Говоря, что мы знаем о существовании некоторого состояния вещей, мы имеем в виду, что оно существовало раньше — настолько давно, чтобы новость о нем успела достигнуть мозга и была передана посредством языка или пера, или еще задолго до того. Таким образом, с какой бы точки зрения мы не рассматривали Прошлое, оно предстает перед нами Экзистенциальным Модусом Времени.

24. Как на поведение воздействует Будущее? Ответ заключается в том, что лишь будущие факты мы в какой-то мере способны контролировать; и все, что в Будущем может оказаться не подвластным нашему контролю, мы *будем* способны вывести (или нам *следует* быть способными вывести) при благоприятных обстоятельствах. Есть, возможно, такие вопросы, относительно которых маятник мнения никогда не придет к положению равновесия — сколь бы благоприятными не оказались обстоятельства. Но если и так, эти вопросы *ipso facto* не есть вопросы *реальные*, иными словами, это вопросы, на которые нет истинного ответа. Грамматическое будущее время (а условное наклонение есть не более чем смягченное (*mollified*) будущее время) вполне естественно употреблять при выведении умозаключения или формулировке следствия. «Если две бесконечных прямых линии, которые лежат на одной плоскости и пересекаются третьей, причем образуется сумма, ... то эти прямые линии *встретятся* (*will meet*) с той стороны и т. д.». Нельзя отрицать, что не критические выводы могут отсылать к Прошлому именно как к уже прошедшему; но, согласно Прагматизму, заключение, к которому приходит способность к Рассуждению (*the conclusion of a Reasoning power*), должно отсылать к Будущему. Ибо значение этого заключения отсылает к поведению,

и будучи обоснованным (reasoned) заключением, оно должно отсылать к обдуманному поведению, то есть поведению контролируемому. Единственное же контролируемое поведение есть поведение в Будущем. Относительно части Прошлого, лежащей за пределами памяти, прагматицистское учение гласит: значение нашего убеждения в ее (части) связи с остальным Прошлым таково, что принятие его (убеждения) истинности есть принятие истинности понятия о необходимой согласованности нашего будущего поведения с этим убеждением (впрочем, значение всякого другого убеждения состоит в том же самом). Так, убеждение в том, что Христофор Колумб открыл Америку, реально отсылает к будущему. Надо признаться, что гораздо сложнее сказать что-то об убеждениях, покоящихся на двойной очевидности слабого (feeble), но прямого воспоминания, и на рациональном выводе. Эта сложность не кажется непреодолимой; однако решение данного вопроса должно быть оставлено на потом.

25. Каково воздействие на поведение Настоящего момента?

Интроспекция полностью является делом вывода. Мы, вне всякого сомнения, непосредственно осознаем свои Переживания; но не то, что это — переживания *ego*. Я (*self*) может быть лишь выведено. В момент Настоящего нет времени ни для какого вывода, а меньше всего — для вывода, касающегося этого самого момента. Следовательно, наличный (present) объект, если он вообще к чему-то объективно отсылает, должен быть внешним объектом. Установка по отношению к (the attitude of) Настоящему либо конативна, либо перцептивна. Если она перцептивна, восприятие должно быть непосредственно узнаваемо (known) как внешнее — не в том смысле, в каком галлюцинация *не* является внешней, а в смысле наличия <воспринимаемого> независимо от воли или желания воспринимающего. А такого рода внешность есть внешность конативная. Следовательно, установка по отношению к настоящему моменту (в соответствии со свидетельством Здравого Смысла, какое, очевидно, только и принимается нами во внимание) может быть только Конативной установкой. Получает-

ся, что сознание наличного есть сознание борьбы за то, что должно свершиться (*struggle over what shall be*); и, таким образом, исследование привело нас к подтверждению убеждения в том, что Настоящее есть Эмбриональное Состояние Действительного.

26. Как, однако, следует отличать Временную Модальность от другой Объективной Модальности? Первая не может отличаться от второй каким-то общим свойством, ибо Время уникально и *sui generis*. Другими словами, есть только одно Время. И вряд ли гораздо большей применимости этой истины ко Времени, чем к Пространству, было уделено достаточно внимания. Время, таким образом, может быть идентифицировано лишь под действием грубого принуждения. Но на этом нам следует поставить точку.

Приложение: из рукописей 1903 г.¹

Логика всегда с преувеличенной энергией отрицали необходимость изучения *смутности* (*vagueness*), не подозревая, какую важную роль это понятие играет в математике. Между тем оно представляет собой антитетический аналог понятию общего (*generality*). Знак есть объективно *общее* (*general*), если, в то время как его результивная интерпретация (*effective interpretation*) еще не определена, право ее определения переходит к интерпретатору. «Человек смертен». «Какой человек?» «Какой угодно». Знак есть объективно *смутное*, если, в то время как его интерпретация не вполне определена, функция завершения определения интерпретации переходит к другому возможному знаку или данным опыта. «В этом месяце, — сообщает предсказание в кален-

¹ <Три фрагмента из *CP*: 5.505–8, 511–16, 523–5 соответственно. Отрывки взяты в качестве поясняющего дополнения к «Вопросам прагматизма» и содержат варианты некоторых параграфов данной статьи. (См. также компиляцию «Критическое Здравомыслие» (*Critical Common-Sensism*): *Philosophical Writings of Peirce*. Dover Publications, Inc., NY, 1955. P. 294-300).>

даре, — произойдет великое событие». «Какое событие?» «Будет видно, ведь календарь только указывает дату». *Общим* можно назвать то, к чему не применим закон исключенного третьего. Треугольник как общее понятие не является ни равнобедренным, ни равносторонним, ни неравносторонним. *Смутным* можно назвать то, к чему не применим закон противоречия. Ибо нельзя определить как ложное ни высказывание, что животное (в смутном смысле) мужского, ни что оно женского пола. Коммуникация между двумя людьми не может носить совершенно законченный и точный характер, т. е. не может не быть смутной. Мы можем, конечно, сохранять надежду, что когда-нибудь физиологи найдут средства для сравнения переживаний (*feeling*) одного человека с переживаниями другого с точки зрения их качества, так что нельзя будет ссылаться на их несопоставимость как на неизбежный источник взаимного непонимания. В любом случае непонимание не отменяет факта наличия в коммуникации интеллектуального содержания, хотя там, где остается логически понятным различие в степени или любая другая возможность изменения, абсолютная точность невозможна. Многое должно оставаться смутным, так как никакая интерпретация слов одним человеком не основывается на опыте, абсолютно идентичном с опытом другого. Даже в том, что касается наиболее рациональных понятий, чем к большей точности мы стремимся, тем более таковая кажется недостижимой. Не следует забывать, что наше мышление всегда представляет собой диалог и в известной степени зависит от несовершенств языка. Разработанная мной логика смутного имеет достаточно законченный вид, но я не стану утруждать читателя более подробным изложением.

Что истинно достоверные убеждения носят особенно смутный характер, может быть доказано *a priori*. Однако, не обращаясь к самому доказательству, будет проще сослаться на личный опыт сторонника Критического Здравомыслия, состоящий в том, что достаточно глубокая рефлексия, сопровождающаяся мысленными экспериментами, всегда заставляет усомниться в любом обобщающем утверждении, если оно претендует на известную точность. Однако существуют и убеждения, в слу-

чае с которыми подобное критическое просеивание неизбежно оставляет нетронутым некоторый остаток.

Можно задаться вопросом: если большинство изначальных убеждений после внимательного разбора показывает свою несостоятельность, что сможет остановить разоблачение того, что все же осталось? Такой вопрос разумен лишь постольку, поскольку задающий его далек от конкретных фактов и смотрит на них так, как привык смотреть на картины Моне.

Ответ, который ближайшее рассмотрение диктует для некоторых случаев, состоит в том, что указанный остаток смутен и нечеток не по причине слабости приложенных для его прояснения усилий, но потому, что смутность составляет само его существо. Взять, к примеру, наше убеждение в существовании естественного порядка, или Порядка Природы. Его критическое рассмотрение в разное время предпринималось такими авторами, как Ренувьер (Renouvier), Дельбеф (Delboeuf), Фуье (Fouillée), Блад (Blood), Джеймс и многими другими. И всякий раз подобное рассмотрение показывало отсутствие рационального основания этого убеждения. Будучи определенным возможно более точно, оно вряд ли покажется абсолютно непогрешимым, учитывая, сколь многие мыслители не склонны его придерживаться. Но кто может всерьез думать, что в природе *нет* порядка?

<...> Поскольку изначальные убеждения никогда не подвергаются сомнению, если наша жизнь остается на уровне первобытности, то когда мы приходим к некоторой *системе самоконтроля*, для примитивного человека неизвестной, появляются обстоятельства, служащие поводом к определенному рода поведению, в отношении которых эти изначальные убеждения теряют прежний авторитет. Другими словами, мы — конечно же, далеко не во всем, но лишь в наивысших видах деятельности — перерастаем свои инстинкты. Знаменитые шотландские философы жили и умерли до того, как к этому факту стали относиться с должным вниманием.

Доктор У. Что вы имеете в виду под «первобытностью»? И при помощи какого рода логического рассуждения недостоверность основанного на некотором опыте утверждения может обернуться достоверностью?

Прагматист. Некоторые из наших убеждений, кажущиеся такими же достоверными, как и любые другие, по природе своей таковы, что вряд ли могли бы прийти на ум, скажем, неандертальцу, равно как не могли бы достаться нам в наследство от первых обладавших сознанием животных. Следовательно, Критическое Здравомыслие наталкивается на определенные трудности: если существуют обладающие достоверностью убеждения, они должны были претерпеть некоторое развитие и в течение этого развития никак не могли оставаться достоверными. И все же я не вижу причин думать, что убеждения, бывшие недостоверными, постепенно обрели достоверность. Каждый приличный домашний пес научен таким вещам, которые никак не вяжутся с дикой собачьей природой, и при этом вы, полагаю, не имели возможности наблюдать, чтобы ваше обученное животное в определенный момент пережило период скептицизма по этому поводу. Есть все основания полагать, что убеждение предшествовало способности сомневаться. Сомнение обычно, а возможно и всегда, возникает благодаря неожиданному стечению обстоятельств, которому предшествует убеждение. Неожиданному стечению обстоятельств сопутствует новая среда. И хотя четкое логическое рассуждение об обусловленном опыте сомнения способно окончательно разрушить само сомнение так же, как работа замкнутой системы сил под действием закона о сохранении энергии способна поместить тело в состояние постоянного покоя — смутности, от которой в логике отказаться так же трудно, как от трения в механике, это доступно.

Как уже отмечалось, современные представления об эволюции отличают Критическое Здравомыслие от старой школы. Благодаря современной науке с ее микроскопами и телескопами, с ее химией и электричеством и с ее абсолютно новым отношением к жизни, мы оказываемся в совершенно другом мире, как если бы мы переселились на другую планету. Некоторые из прежних убеждений не находят более себе применения — разве что в самом широком смысле — и уже в этом самом смысле иногда подвергаются сомнению и становятся объектом справедливой критики. В том, что человек ис-

пытывает крайнюю потребность в критике, заслуга прежде всего нормативных наук: эстетики, этики и логики, которые занимают совершенно особое место среди остальных. К сожалению, эта потребность настолько же велика, насколько и неосознанна. Данному пороку не уделяют должного внимания; никто не задумывается всерьез, что изучение эстетики, этики и логики может оказаться важным. Ведь отношение к этим наукам у всех, кроме специально занимающихся ими ученых, весьма отсталое. В цели настоящей статьи входит только весьма беглый обзор сложившегося положения вещей. Новый критицизм, которого оно требует, должен иметь прочное основание, то есть не подлежащие сомнению убеждения. И новые сторонники Критического Здравомыслия, ищущие предмет, которому они могли бы посвятить свое рвение без надежд на поощрение, награды и признание (я искренне верю, что такие найдутся), встретят здесь то, что им нужно.

[*Особенность V*]. Все же [пятая] особенность Критического Здравомыслия в том, что оно придает чрезвычайно большое значение понятию сомнения, которое для него представляет собой почти что *sacra fames*. Но рвение ученого не может довольствоваться легкими «бумажными» сомнениями. Он должен стремиться к обладанию «благородным металлом», обладающим реальным весом, то есть к убеждению.

Критическое Здравомыслие утверждает, что нечто, однажды признанное несомненным, впоследствии часто оказывается ложным. Любой его сторонник признаёт, что так может произойти с любым из его собственных убеждений, но никак не может принять возможности опровержения всех. Здесь он теряется и тонет в смутных и лишенных значения противоречиях.

Доктор У. Могут ли достоверные пропозиции быть наглядно доказуемы (*demonstrable*)?

Такие пропозиции должно рассматривать как предельные предпосылки, или, по крайней мере, предпосылки, не отсылающие к наглядной достоверности и точным доказательствам. То, в чем невозможно сомневаться, нельзя сделать и предметом обсуждения. И никакое эмпирическое доказательство не может освободить

дить полученные в его результате выводы от мотивированного сомнения.

Правда, что если мы решаемся окинуть критическим взором наши изначальные убеждения — к примеру, убеждение в существовании естественного порядка, — наше сознание сразу начинает доискиваться неких смутных причин, чтобы закрепить себя в этих убеждениях, используя при этом индуктивные доказательства. Мы склонны считать такие убеждения результатом некоей имевшейся, но забытой нами индукции. Возможно, так и есть, если рассматривать термин «индукция» как обобщение, включающее бесконтрольные мысли. Но, делая подобное допущение, мы не должны забывать, что достоверное убеждение не согласуемо (accepted) и не выводимо логически. Оно просто сохраняет свою достоверность до настоящего времени. И это никак не противоречит теории о том, что в течение своего психологического развития убеждение, с одной стороны, с неизбежностью становится основанием для дедукции некоторых явлений и возможного опыта, а с другой — что изначальная потенциальная возможность возникновения из убеждения привычки есть фактор только относительный. Далее, все перечисленное вполне совместимо с необходимостью критического подхода как к общепринятым аксиомам логики и этики, так и к привычным путем полученным логическим теориям и идеалам морали, если они распространены настолько, чтобы найти себе применение в новом мире, созданном наукой.

Доктор У. Существуют ли еще какие-либо черты, отличающие Критическое Здравомыслие от учений Рида и Дугальда Стюарта (Dugald Stewart)?

Прагматист. Да [особенность VI]. Он критически подходит к критическому методу, исследует все ходы основанных на нем доказательств, стремясь проложить путь к самым его истокам. На обвинение в том, что Критическое Здравомыслие рассматривает пропозицию как нечто, не подлежащее сомнению по причине невозможности осуществления к ней критического подхода, ответом может служить следующее: существует два значения слова «причина», которые не следует смешивать. Ни философия Здравого Смысла, ни тот, кто с ней согла-

сен, не принимают всякое убеждение *на том основании*, что оно не подлежит критическому рассмотрению. Ибо, как уже было сказано, такие убеждения не «принимаются». Некто приходит к осознанию того, что обладает неким убеждением настолько долго, насколько может об этом помнить, и сказать, что он никогда не испытывал никаких сомнений в этом убеждении — повторить то же самое другими словами. При этом философ Здравого Смысла, как и всякий другой, включая сторонника критической философии, верит той или иной пропозиции действительно *по причине* недоступности ее для критического рассмотрения в том смысле, что он не подвергает сомнению некоторые пропозиции, в которых усомнился бы, если бы подвергнул их критическому рассмотрению. Во-первых, критически рассматривать — *ipso facto* значит подвергать сомнению. Во-вторых, критика может затрагивать пропозицию только после того, как придала ей некоторый точный смысл, учитывая который сомнение устранить уже невозможно. Также, вероятно, недалеко от истины и то, что философ Здравого Смысла не ставит под вопрос некоторые пропозиции, которые могли бы быть критически рассмотрены и не являются истинными. Мы все обязаны это делать, но он, возможно, в данном случае просто несколько больше рискует, чем остальные. Так или иначе, факт остается фактом: очень трудно найти сторонника критической философии, который не придерживается более фундаментальных убеждений, чем любой сторонник Критического Здравомыслия.

С точки зрения критической философии, если пропозиция до настоящего времени не вызвала сомнений, нет никаких причин, по которым в ней не следовало бы усомниться в будущем. (Здесь Здравый Смысл переходит на тихий шепот: есть «причины» или нет, сомневаясь, мы создадим себе почти непреодолимую *помеху*. Соответственно, он не остановится, чтобы спросить себя, сомневается он в пропозиции или нет, но будет продолжать экзаменовать ее. Если так случится, что он *действительно* сомневается в данной пропозиции, значит, он предпринимает то, что вполне уместным было бы называть критическим исследованием. В том случае, если он *не* сомневается в ней, он, в сущности, повторяет ошиб-

ку Декарта, полагавшего, что начать сомневаться можно по собственной воле. В пропозиции, которую можно подвергнуть сомнению по собственной воле, нельзя *быть убежденным*. Убеждение, пока оно длится, обладает силой привычки, которая побуждает человека удерживаться в своем убеждении, пока некоторые неожиданные обстоятельства ее не разрушат. Своему разрушению убеждение может быть обязано только новому опыту, внешнему или внутреннему. Опыт же, который может быть затребован и приобретен по желанию, не является опытом.)

Кант (мое преклонение перед которым не знает границ) по сути — стихийный прагматист. Реальное есть нечто, недоступное воздействию человеческого знания *о нем* — это просто словесное определение, не догма. Внешний объект представляет собой нечто, не испытывающее воздействия никакого знания — о нем оно или нет — человека, которому он внешний. Поставьте нужный вам акцент, как это часто происходит в философии, и вы получите понятие того, что не испытывает влияния вообще никакого познания. Переверните определение, и у вас будет представление (*notion*) того, что не влияет на познание — так вы косвенно получаете гипостазированно абстрактное представление *Ding an sich*. В том же смысле мы можем сказать, что у нас есть понятие чистой наглядности (*sky-blue demonstration*). В формальном анализе пропозиции — после того как все, что может быть передано словами, перенесено в предикат — остается недоступный описанию субъект, на который — пока не будет предписан еще какой-нибудь способ обнаружения того, на что производится ссылка — можно только так или иначе указать. А *Ding an sich* не может ни стать объектом указания, ни быть обнаружена. Следовательно, на нее не может ссылаться никакая пропозиция, и ничто истинное или ложное не может быть ее предикатом. Поэтому всякая ссылка на нее должна быть отброшена как избыточная. Когда это сделано, становится ясно видно, что Кант понимает Пространство, Время и свои Категории так же, как и любой другой — не испытывая сомнений в их объективности. То, что он ограничивает их возможным опытом, в общем и целом совпадает с основной установкой прагматизма. Прагматист, в той

же степени, что и Кант, распознает составляющую, приносимую в эти понятия сознанием. Следуя Канту, он лишь несколько по-иному и более точно определяет степень, в которой эта составляющая принадлежит сознанию того, в чьем опыте это познание происходит. Философия Здравого Смысла, таким образом критически рассматривающая Критическую Философию и распознающая свое родство с кантианством, имеет все основания называть себя Критическим Здравомыслием.

ПРОЛЕГОМЕНЫ К АПОЛОГИИ ПРАГМАТИЦИЗМА¹

Знаки

1. Приступим, Читатель, к созданию схемы (diagram), иллюстрирующей общий ход мысли; я имею в виду Систему схематизации (diagrammatization), посредством которой может быть с точностью репрезентирован любой ход мысли.

«Но зачем создавать ее, когда мысль сама налична для (present to) нас?» Таков в своем существе тот вопрос-возражение, который был поставлен передо мной многими лицами, силу чьего ума я нахожу превосходящей силу моего собственного и среди которых выделяю одного прославленного генерала.

Так как я живу в уединении, я не смог своевременно дать ответ на это возражение, а им тоже стал бы вопрос: «Генерал, Вы, я полагаю, во время ведения кампаний используете карты. Но зачем Вам карты, если местность, которую они репрезентируют, лежит прямо перед Вами?» Ответ он на это, что в картах он находит подробности, лежащие вовсе не «прямо перед ним», а на территории противника, я вынужден был бы поймать его на слове, спросив: «Верно ли в таком случае я понял Вас, что будь Вы совершенно и в подробностях знакомы с местностью — если, например, это была бы местность, в которой прошло Ваше детство, — никакая ее карта даже в малейшей степени не пригодилась бы Вам для разработки подробных планов?» На это ему осталось бы возразить только следующее: «Нет, я говорю не об этом, по-

¹ [«Prolegomena to an Apology for Pragmaticism». *The Monist*. P. 492—546. Vol. 16. (1906) с некоторыми незначительными исправлениями, перечисленными в т. 17. С. 160.]

сколько мне, вероятно, понадобятся карты, чтобы втыкать в них флажки, каждый день помечающие ожидаемые перемены в позициях обеих армий». На это, опять же, мое следующее возражение было бы таково: «Но генерал, это в точности соответствует преимуществу схем, отображающих ход обсуждения. На деле как раз в том, на что Вы столь ясно указали, заключается преимущество схем вообще. Именно же, если мне будет позволено сформулировать вопрос, следуя Вашим словам: на единообразно построенных схемах возможно проводить точные эксперименты — и когда такие эксперименты проводятся, необходимо сохранять неослабевающее внимание за незапланированными и неожиданными изменениями, которые в ходе эксперимента претерпевают отношения разных значимых частей схемы друг к другу. Подобные операции над схемами, внешними или воображаемыми, занимают место выполняемых в химических или физических изысканиях экспериментов на реальных вещах. Мне нет надобности говорить, что химики и по сей день называют экспериментирование (experimentation) постановкой вопросов Природе. Точно так же и эксперименты на схемах суть вопросы Природе об исследуемых отношениях». Здесь генерал, возможно, напомнил бы (если только мне будет позволено домысливать за прославленных воинов, опираясь на мои впечатления от встреч с ними), что есть очень большая разница между экспериментами вроде химических — испытаниями самой той субстанции (вещества — substance), о поведении которой ставится вопрос, — и экспериментами над схемами, каковые <схемы> не имеют физической связи с репрезентируемыми ими вещами. Надлежащий ответ на это — единственный надлежащий ответ, высвечивающий то, что новички в логике склонны упускать, — был бы таков: «Говоря, что химик ставит эксперименты на самом объекте, Вы совершенно правы, и однако же: после того, как эксперимент проведен над неким частным образцом, этот последний может быть отброшен как более не представляющий интереса — ибо химик исследовал вовсе не его, он исследовал молекулярную *структуру*. Итак, в запасе у химика уже давно было поразительное доказательство того, что все образцы одной и той же молекулярной

структуры химически реагируют совершенно одинаково — то есть каждый образец для него целиком есть один и тот же образец. Объект изыскания химика — то, на чем он экспериментирует и про что ставит вопрос Природе — это Молекулярная Структура, которая во всех своих образцах обладает настолько же полным тождеством самой себе (*identity*), насколько Молекулярная Структура по своей природе вообще может им обладать. Соответственно, как Вы и говорите, химик на самом деле экспериментирует на Самом Объекте своего исследования. Но если Вы на мгновение сосредоточите свое внимание, то признаете, что, подразумевая под этим отличие химических экспериментов от экспериментов на схемах, Вы кое-что упустили из виду. Ибо каков Объект Исследования в схемах? *Форма отношения*. Но эта Форма Отношения и есть та самая форма, которой обладает отношение между двумя соответствующими частями схемы. Например, пусть f_1 и f_2 будут расстояниями, на которые один и другой фокус некоторой линзы удалены от нее. Тогда

$$1/f_1 + 1/f_2 = 1/f_0.$$

Это уравнение есть схематическое изображение формы отношения между двумя фокальными расстояниями и принципиальным фокальным расстоянием — алгебраические же конвенции (а все схемы — нет, все изображения (*pictures*) вообще — зависят от конвенций) в сочетании с написанием уравнения устанавливают отношение между самими буквами f_1 , f_2 , f_0 , независимо от того или иного их значения, и форма этого отношения есть *Та Же Самая*, что форма отношения между тремя фокальными расстояниями, денотируемыми этими буквами. Эта истина бесспорна. Таким образом, данная алгебраическая Схема предъявляет (*presents*) нашему наблюдению тот самый, тождественный, объект математического изыскания — то есть Форму гармонического среднего — помочь в изучении которого предназначено это уравнение. (Однако не следует понимать меня так, что некая Форма сама по себе обладает Самотождественностью (*Identity*) в строгом смысле — то есть тем, что логики, переводя *ἀριθμῶ*, именуют “численной самотождественностью” (“numerical identity”))».

2. Верно не только то, что посредством экспериментирования на некоторой схеме можно получить экспериментальное доказательство всякого необходимого заключения, сделанного из любой данной Совокупности Посылок — более того, ни для одного «необходимого» заключения нельзя добиться большей аподиктичности, чем та, которую приобретает индуктивное рассуждение с момента, когда экспериментирование становится возможно умножать *ad libitum*, всего лишь вызвав его в воображении. Я мог бы представить правильное доказательство сказанного, но в том, чтобы сделать это здесь и сейчас, меня останавливают крайняя нехватка места, слишком большой объем требующихся объяснений, а особенно же — склонность логиков в настоящее время признать достаточным доказательство Ф. А. Ланге (F. A. Lange), пусть оно, будучи и убедительным, и блестящим, обладает своими недостатками, а иногда попросту ошибочно.¹ Эти обстоятельства заставляют меня удовольствоваться тем, чтобы привести лишь краткий вариант моего доказательства. Для начала, анализ сущности знака (в самом по возможности широком его понимании — как *чего-то, детерминированность чего некоторым объектом детерминирует через этого чего-то (знака) средство детерминированность некоей интерпретации тем же объектом*) доказывает, что всякий знак детерминирован своим объектом: во-первых, когда он имеет какие-то из характеристик своего объекта — этот знак я называю *Иконой*; во-вторых, когда он реально и в своем индивидуальном существовании связан со своим индивидуальным объектом — этот знак я называю *Индексом*; в-третьих, когда более или менее приближительна достоверность (*certainty*) того, что как денотирующий свой объект он будет интерпретирован вследствие привычки (в моем употреблении этот термин включает естественную расположенность (*natural disposition*)) — этот знак я называю *Символом*.² Далее я

¹ [В его *Logische Studien* (1877).]

² В первоначальной публикации этого раздела (в 1867 году [CP.1.558: *On a New List of Categories*. Proceedings of the American Academy of Arts & Sciences. Vol. 7 (May, 1867). P. 287–298]) термин «репрезентамен» использовался в смысле знака вообще, в то время как «знак» был синонимом *Индексального* знака, а *Иконический* знак назывался «подобием» («likeness»).

покажу, насколько действительна или недействительна каждая из этих трех разновидностей знаков с точки зрения достоверного выяснения истины. Символ включает в себя привычку, будучи необходимым для применения *по меньшей мере* любой интеллектуальной привычки. Более того, Символы дают нам средство мыслить о мыслях, причем так, как мы бы не смогли о них мыслить в отсутствие Символов. Они позволяют нам, например, создавать Абстракции, без которых мы лишились бы великого двигателя развития науки. Они же позволяют нам вести счет; они учат нас, что собрания суть индивиды (индивид = индивидуальный объект); во многих аспектах Символы суть сама подоснова ткани нашего разума. Но поскольку символы покоятся исключительно на привычках, которые, будучи уже определенным образом сформировавшимися, не дают нам возможности наблюдения, даже относительно самих себя, и поскольку знание есть привычка, то символы не позволяют нам сделать какого-либо добавления к нашему знанию — даже такого, как выведение необходимого следствия, — если это добавление не совершается посредством определенной заранее сформированной привычки. Индексы, наоборот, дают нам положительную уверенность (assurance) в реальности и близости (nearness) своих Объектов. Однако вместе с уверенностью мы не получаем проникновения в (insight into) природу этих Объектов. Одно и то же Воспринимаемое (Perceptible) тем не менее как знак может функционировать двояко. Отпечаток ноги, найденный Робинзоном Крузо, служил ему Индексом того, что на его острове есть некое существо, а тот же отпечаток ноги, высеченный в гранитном монументе славы, будучи Символом, возбуждает в нас идею человека вообще. Что касается Икон, то каждая обладает некоторым более или менее явным (overt) характером своего Объекта. Так, все до одной иконы обладают наиболее явным характером всякой лжи и обмана — их Явностью (Overtness). И все же как раз иконы относятся к живому характеру истины больше, нежели Символы или Индексы. Икона не замещает (stands for) именно ту или иную существующую вещь, как то делают Индексы. Ее объект в аспекте своего существования может быть чистой фикцией. Еще менее ее Объект необходимо есть одна из тех

вещей, что встречаются нам привычно (*habitually*). Но одну уверенность Икона на самом деле дает нам, причем уверенность самой высокой степени. Речь идет о том, что данное умственному взору (*that which is displayed before the mind's gaze*) — Форма Иконы, которая также есть и ее объект, — должно быть *логически возможно*. Этот раздел Знаков — лишь один из десяти их разделов, посвятив которым особое исследование я нахожу необходимым.¹ Не могу сказать, что в моем уме они все достаточно определены. Все они, по видимости, суть трихотомии, каковое обстоятельство необходимо вытекает из триадической по существу природы Знака. Под такой природой я имею в виду, что в функционировании Знака заняты три вещи: сам Знак, его Объект и его Интерпретант. Я не могу обсуждать все указанные подразделения в данной статье, хотя не стоит и сомневаться, что природу рассуждения нельзя полностью осветить, рассматривая ее всего лишь с одной из десяти точек зрения. Что же касается деления знаков, то из него относительно рассуждения мы способны узнать, какой род Знака необходим для репрезентации того рода Объектов, о котором оно (рассуждение) ведется. И так как рассуждение должно делать свое заключение явным (*manifest*), оно главным образом должно вестись о формах, каковые суть главные объекты рационального видения (*insight*). Соответственно, для рассуждения особенно необходимы Иконы. Схема — это в основном Икона, причем Икона умопостигаемых отношений. Узнать должное (*what must be*), и правда, нельзя путем простой инспекции чего-либо. Но хотя говоря о том, что дедуктивное рассуждение необходимо, мы, конечно же, не имеем в виду, что оно непогрешимо, в точности мы имеем в виду следующее: заключение следует из формы отношений, постулированной в посылке. А поскольку схема — обычно имеющая как Символические Черты (*Symbolide Features*), так и черты, приближающие ее Индексальности — в главном есть все же Икона форм отношений, участвующих в устройении (*constitution*) ее Объекта, легко видеть, что как раз она

¹ [См. сноски к п. 7 и к ст. «Спекулятивная грамматика», п. 17, в т. II.]

<схема> и оказывается надлежащей репрезентацией необходимого вывода.

Собрания

3. Но поскольку для вас, вероятно, по-прежнему непонятно, как Икона может демонстрировать (exhibit) необходимость — некое Должное (a Must-be), — здесь, как пример такой ее способности, я приведу мое доказательство следующего положения: если у любого собрания (collection) (или множества (plural)) взять с одной стороны все его единичные члены, а с другой — все включенные в него собрания (каждое считая как единичный объект), то число первых не будет превышать число вторых. Иначе говоря, это будет доказательство невозможности такого отношения, в котором к некоторому члену данного собрания находилось бы какое-то составленное из его же членов (и взятое собирательно как единичный объект) собрание, и не находилось бы любое другое подобным образом включенное собрание. Можно выразить доказываемую здесь пропозицию и по-другому. Если взять любое собрание или множество, конечное или бесконечное, и назвать его *данным собранием*; если затем рассмотреть все те собрания или множества, что составлены из нескольких индивидуальных членов данного собрания (считая, однако, с ними *Ничто*, рассмотренное как собрание, не имеющее членов; а также — сами единичные члены данного собрания, рассмотренные как собрания с единственным членом), и назвать их *вовлеченными (involved) собраниями*; то доказываемая пропозиция будет звучать так: невозможно отношение, в котором каждое вовлеченное собрание (считаемое как единичный объект) находится к некоему члену данного собрания, если к тому же самому члену данного собрания в таком же отношении не находится любое другое вовлеченное собрание. Эту чисто символическую формулировку пропозиции можно сделать гораздо более явственной, если ввести Индексы, и в таком случае она будет выглядеть так: каким бы ни было собрание *C* и каким бы ни было

отношение R , должно быть некоторое составленное исключительно из членов C собрание c' , которое не находится в отношении R к какому-либо члену $C — k$, — если некоторое другое, точно так же составленное из членов C , собрание c'' не находится в том же отношении R к тому же члену k . Эта теорема важна для учения о множестве (*multitude*), ибо ее можно сформулировать и так: любое сколь угодно большое собрание менее множественно (*multitudinous*), чем собрание возможных собраний, составленных исключительно из его (этого любого собрания) членов; хотя раньше это считалось ложным в отношении некоторых бесконечных собраний. Доказательство же начинается со следующего: если доказываемая пропозиция ложна, должно быть некое определенное отношение, относительно которого она ложна. Допустим тогда, что буква R это индекс любого подобного отношения. Затем разделим члены C на четыре класса:

Класс I будет состоять из всех тех членов C (если таковые имеются), к каждому из которых ни одно собрание членов C не находится в отношении R .

Класс II будет состоять из всех тех членов C , к каждому из которых одно и только одно собрание членов C находится в отношении R ; и этот класс имеет два следующих подкласса:

Подкласс 1 будет состоять из всех тех имеющих членов Класса II, каждый из которых содержится в том единственном собрании членов C , которое находится к нему (члену Класса II) в отношении R .

Подкласс 1 будет состоять из всех тех имеющих членов Класса II, ни один из которых не содержится в том единственном собрании членов C , которое находится к нему (члену Класса II) в отношении R .

Класс III будет состоять из всех тех членов C (если таковые имеются), к каждому из которых более чем одно собрание членов C находится в отношении R .

Это деление — полное; и всякий посчитал бы легкое схематическое доказательство того, что это так, излишним почти до бессмысленности, ибо внутренне полагал-

ся бы на имеющийся в его памяти Символ, дающий ему уверенность что все Деления, подобным образом построенные, полны.

Я уже должен был упомянуть, что в формулировке и доказательстве разбираемой нами пропозиции термин «собрание, включенное в данное собрание» следует брать в особенном смысле, определение которого я тотчас же приведу. Из всего уже сказанного следует, что есть одно «возможное собрание», которое включено во всякое другое, то есть исключает все, что исключается всяким другим. Это именно то «возможное собрание», которое включает только сфинксов, — то самое, что включает только василисков, — тождественное «возможному собранию» всех кентавров — неповторимое и вездесущее собрание, называемое «Ничто» и не имеющее вообще никаких членов. Если вы возражаете против такого употребления термина «собрание», то, если угодно, везде в формулировке и доказательстве замените его на любое другое обозначение того же объекта; прилагательное же «возможное» (хотя, должен признаться, оно и не выражает того, что я имею в виду) я добавляю лишь для того, чтобы указать на расширение мной термина «собрание» до Ничто, причем это последнее, конечно же, само по себе существования не имеет. Но если на указанном возражении будут продолжать настаивать — те недалекие мыслители, которые вообще отказываются мыслить о так или иначе описанном объекте, основываясь на том, что он «немыслим» («inconceivable»), — я не стану задерживать себя вопросом «Как вы можете высказывать подобное, если это ваше высказывание в то же мгновение подразумевает мышление о данном объекте», я просто скажу, что для них будет необходимо исключить собрания, состоящие из единичных индивидов. Некоторые из этих великих умов отказываются употреблять какое-либо имя для денотации единичных индивидов, а вместе с ними и множественных (plural) собраний — с их точки зрения рассматриваемая нами пропозиция не будет истинна для пар (pairs). Если они не допускают, чтобы пары денотировались каким-либо термином, включающим в себя все более многочисленные собрания, пропозиция не будет истинна и для троек (triplets) и т. д. Коротко го-

воря, ограничивая значение «возможного собрания», можно добиться ложности нашей пропозиции для *малочисленных* (*small*) собраний. Но ни одно общее формальное ограничение не сможет сделать ее ложной для *многочисленных* (*greater*) собраний.

Как бы то ни было, здесь я допускаю, что мне будет позволено употреблять термин «возможное собрание» в согласии со следующим определением. «Возможное собрание» есть некое *ens rationis*, природа которого такова, что определенное множественное число какого-либо существительного, или определенно обозначенное возможное существительное (такое, как «такие-то А», «такие-то В» («the A's», «the B's») и т. д.), денотирует одно и только одно «возможное собрание» в каком-либо полно определенном (*perfectly definite*) состоянии универсума. Имеющееся между некоторыми «возможными собраниями» отношение выражают, говоря, что «возможное собрание» *включает* (*includes*) некое другое (или то же самое) «возможное собрание». Причем если — и только если — из двух существительных одно всеобщее и утвердительно сказывается о другом в каком-либо полно определенном состоянии универсума, то «возможное собрание», денотируемое определенным множественным числом первого существительного, *включает* всякое «возможное собрание», *включенное* в «возможное собрание», денотируемое определенным множественным числом второго. Из любых двух разных «возможных собраний» какое-то одно должно *включать* нечто, не *включенное* в другое.

Если же сравнить теперь схему определения «возможного собрания» со схемой, обнимающей все возможные члены подклассов 1 и 2 и исключаящей все остальные, то сравнение уверит нас, что любой такой <относящийся ко второй схеме> агрегат есть возможное собрание членов класса С, и не важно, какие — наряду с членами Класса II — индивиды Классов I и III включены в агрегат или исключены из него (если эти последние вообще в этом агрегате имеются).

Итак, мы должны отобрать одно-единственное возможное собрание членов С (назвав его собственным именем *c*), причем это возможное собрание должно не содер-

жать индивидов Подкласса 1, но содержать все индивиды, какие только имеются в Подклассе 2. Затем мы спросим: истинно или нет, что s находится в отношении R к некоему члену C , так что никакое другое возможное собрание членов C не находится к нему в том же отношении? Или же, облекая вопрос в более удобную форму: Есть ли такой член Класса C , в отношении R к которому находится s и ни одно другое возможное собрание членов C ? Если есть такой член — или члены — C , дадим одному из них собственное имя T . В таком случае T должно принадлежать к одному из наших четырех подразделений этого класса. То есть,

либо T принадлежит к Классу I (но этого не может быть, поскольку, по определению Класса I, ни одно собрание членов C не находится в отношении R к какому-либо из членов этого класса);

либо T принадлежит к Подклассу 1 (но этого не может быть, поскольку, по определению этого подкласса, всякий его член есть член лишь того возможного собрания членов C , которое находится к нему <члену подкласса 1> в отношении R ; а это возможное собрание не может быть s , потому что s известно нам единственно из описания, запрещающего какому-либо члену Подкласса 1 содержаться в нем < s >. А ведь s , и только s , находится в отношении R к T .);

либо T принадлежит к Подклассу 2 (но этого не может быть, поскольку, по определению этого подкласса, ни один его член не есть член того возможного собрания членов C , которое находится к нему <члену подкласса 2> в отношении R ; и это возможное собрание не может быть s , потому что единственное описание, посредством которого s может быть признано как s , гласит, что оно < s > содержит все члены Подкласса 2. А ведь s , и только s , находится в отношении R к T .);

либо T принадлежит к Классу III (но этого не может быть, поскольку ко всякому члену этого класса, по его определению, в отношении R находится более чем одно собрание членов C — в то время как к T в этом отношении находится только одно собрание, а именно s).

Итак, T не принадлежит ни к одному классу членов C , и, следовательно, он не есть член C . Следовательно, такого члена C нет; то есть C не содержит члена, к которому в отношении R находилось бы только c и ни одно другое возможное собрание. Однако c — это собственное имя, которое мы были вольны дать любому возможному собранию членов C . Следовательно, нет такого возможного собрания членов C , чтобы оно находилось в отношении R к некоему члену класса C , но чтобы к этому же члену в том же отношении R никакое другое возможное собрание членов C не находилось. Однако R есть имя любого, какого угодно, отношения, а C есть имя любого, какого угодно класса. Таким образом, доказано, что вне зависимости о того, какой класс и какое отношение выбраны, будет иметься некоторое возможное собрание членов выбранного класса (в том смысле, в котором Ничто тоже будет таким собранием), которое не будет находиться в выбранном отношении к какому-либо члену этого же класса так, чтобы к этому члену ни одно другое из подобных возможных собраний не находилось бы в том же отношении.

Графы и знаки

4. Когда я был мальчиком, моя любовь к логическим занятиям часто побуждала меня находить удовольствие в том, чтобы выслеживать по карте воображаемого лабиринта тропинки, в надежде, что та или иная из них приведет к его центру. Операция, которую мы только что выполнили, относится по сути к тому же роду, и если мы признаём, что первая по сути выполняется путем экспериментирования на схеме, то мы должны признать то же самое и относительно второй. Только что выполненная нами демонстрация также дает нам непосредственно почувствовать, насколько удобна схема, построенная с целью ясно отобразить (to afford a clear view of) как модус связи между ее частями, так и ее состав (composition) на каждой стадии нашего эксперимента. Такое удобство достигается в алгебраических схемах. В логике, однако,

удобство отслеживания нашего пути сквозь все образующиеся осложнения желательно не настолько, насколько в математике, и в то же время в логике желательно нечто другое — не обязательно кажущееся желательным математику. Математик желает достичь заключения, и в процессе он заинтересован лишь как в средстве к достижению раз за разом одного и того же заключения. Логике все равно, каким окажется результат — ему желательно понять природу процесса, путем которого этот результат достигается. Из достигающих цели методов математик ищет скорейший и кратчайший; логик стремится к тому, чтобы в процессе даже наималейший шаг был выделен отчетливо — чтобы тем самым природа процесса стала понятна. Более всего он желает, чтобы построенная им схема была по возможности наиболее аналитичной.

5. Ввиду этого обстоятельства, Читатель, я прошу у вас позволения предпослать моей апологии прагматизма Введение, которое будет состоять из очень простой системы схематизации пропозиций, называемой мной Системой Экзистенциальных Графов. Ибо именно благодаря этой системе я окажусь способен почти непосредственно дедуцировать некоторые, доньше не вполне понятые с точки зрения их важности и тесно связанные с истиной прагматизма, истины логики;¹ эта система к тому же сдела-

¹ Вы понимаете, как может система Экзистенциальных Графов обеспечить проверку истины или ложности Прагматизма. Дело именно в том, что достаточное изучение Графов покажет, какая природа поистине присуща всем обозначениям понятий, а последующее сравнение покажет, та ли именно это природа, которую провозглашает Прагматизм (по самому своему определению), или нет. Несмотря на то, что две части этого сравнения в сущности тождественны, они, и правда, могут предстать изучающему их в столь разных облачениях, что он, возможно, не сумеет опознать такое их тождество. В любом случае, однако, возможность подобного результата должна быть взята в расчет — и тем самым должно быть признано, что этот аргумент со своей негативной стороны может оказаться недостаточным. Например, понятие *qua* Граф может быть рассмотрено как пассивный объект геометрической *intuitus*, в то время как Прагматизм, конечно же, показывает сущность всякого понятия в его влиянии на возможное поведение —

ет гораздо более легким обсуждение также и других, связанных с прагматицизмом, но не решаемых прямо при помощи графов вопросов логического учения.

6. Вслед за моими друзьями Клиффордом (Clifford)¹ и Силвестром (Sylvester),² предложившими этот термин, под *графом* (*graph*), я со своей стороны в общем и целом понимаю схему, принципиально составленную из пятен (*spots*), а также линий, связывающих некоторые из этих точек. Я полагаю, что в то время, как я говорю лишь об Экзистенциальных Графах и никак не касаюсь других Графов, для меня будет извинительно опускать иногда определяющее прилагательное и называть Экзистенциальный Граф просто Графом. Но у меня должны спросить — и я, ясное дело, сам обязан сказать, — какой же разновидностью Знака оказывается Экзистенциальный Граф, или, согласно моему сокращению этого термина, *Граф*. Дабы ответить на этот вопрос, я должен сказать о двух разных способах деления всех Знаков. Однако же, если с самого начала не иметь ясного представления (*notion*) о том, что такое Знак — а вы, Читатель, не сомневаюсь, отметите, что отчетливость моего определения Знака не до конца убедительна, — установить единственное и вполне отчетливое деление всех Знаков окажется весьма нелегкой задачей. Одно такое уже приводившееся мной деление стоило мне большего труда, чем стоило бы здесь об этом говорить. Но несомненно, не

сравнивающий эти два аспекта понятия может и не увидеть, таким образом, что они вполне совместимы.

Однако, с другой стороны, будь теория Прагматицизма ошибочной, исследователь, взяв на себя труд всего лишь рассмотреть каждое понятие — одно за другим — сначала в свете Экзистенциальных Графов, а затем в прагматистском его истолковании, уже вскоре обязательно натолкнется бы на понятие, в анализе которого две столь отдаленные точки зрения безошибочно вступали бы в противоречие. ... — из «Фанероскопии $\Phi\chi\nu$ » («*Phaneroscopy $\Phi\chi\nu$* »), одной из многочисленных и фрагментарных рукописей, которые должны были быть, по замыслу Пирса, опубликованы вслед за денной статьей. См. сноски к п. 11 и 24.

¹ [«Remarks on the Chemico-Algebraic Theory». *Mathematical Papers*. No. 28.]

² [«Chemistry and Algebra». *Mathematical Papers*. Vol. III. No. 14.]

упомянув двух других делений Знаков, я не смог бы рассказать о том, к какой разновидности Знаков относится Экзистенциальный Граф. Одно из них, и правда, строится в опоре на самые поверхностные соображения, зато другое, хотя в сто раз более сложное и покоящееся, по необходимости ясного его понимания, на знании глубочайших тайн структуры Знаков, оказывается тем не менее чрезвычайно знакомо каждому изучающему логику. Однако, Читатель, я должен помнить, что ваши понятия могут проникать гораздо глубже, чем мои — мне очень хотелось бы надеяться, чтобы это было так. Из этого следует, что мне необходимо подходящим для меня образом пояснять собственные представления (*notions*) о структуре Знаков, пусть они и не будут в строгом смысле необходимы для выражения моих представлений (*notions*) об Экзистенциальных Графах.

7. Я уже отмечал, что у Знака есть Объект и Интерпретант, последний из которых есть то, что производится Знаком в Квази-уме, то есть Интерпретаторе, посредством детерминирования его к некоему переживанию, или усилию (*exertion*), или Знаку — такая детерминация и есть Интерпретант. Однако остается указать, что обычно есть два Объекта и более чем два Интерпретанта. Именно же, мы должны отличать Непосредственный (*Immediate*) Объект — Объект, как его репрезентирует Знак, и Бытие которого, таким образом, зависит от его Репрезентации в Знаке, — от Динамического (*Dynamical*) Объекта — Реальности, которой некоторым способом удаётся детерминировать Знак к его (Знака) Репрезентации. В отношении Интерпретанта мы равно должны различать, во-первых, Непосредственный Интерпретант — интерпретант, как он открывается в верном (*right*) понимании самого Знака, и который обычно зовется *значением* (*meaning*) знака; во-вторых, мы должны выделять Динамический Интерпретант — действительный эффект, реально детерминированный Знаком как Знаком. Наконец, есть и такой Интерпретант, который я условно называю Конечным (*Final*), — он отсылает к тому, как знак обычно репрезентирует себя (*tends to represent itself*) в своей отнесенности к Объекту. Признаюсь, что мое собственное понятие этого третьего интерпретанта еще не

вполне свободно от тумана. Из десяти разделов знаков, которые, как я уже говорил, кажутся мне заслуживающими особого исследования с моей стороны, шесть связаны со свойствами Интерпретанта, а три — Объекта.¹ Так, деление на Иконы, Индексы и Символы зависит от разных возможных отношений Знака к его Динамическому Объекту.² Только один из разделов связан с природой самого Знака, и именно его я попытаюсь сформулировать.

8. Объем материала рукописи или напечатанной книги принято измерять при помощи подсчета содержащихся в них слов.³ Обычно на странице встречается около двадцати определенных артиклей *the*, и, само собой, они считаются за двадцать слов. Однако, в другом смысле слова «слово», в английском языке есть всего лишь одно слово «*the*», и невозможно, чтобы это слово можно было увидеть на странице или услышать с чьего-то голоса, ибо оно не есть Единичная (Single) вещь или Единичное событие. Оно не существует, оно лишь детерминирует вещи, которые существуют на деле. Такую определенно значимую Форму я предлагаю называть *Типом* (*Type*).⁴

¹ [Знаки могут быть классифицированы в опоре на свойства, которыми обладают (1) они сами, (2) их непосредственные и (3) динамические объекты, а также их (4) непосредственные, (5) динамические и (6) окончательные интерпретанты, как, впрочем, и в опоре на природу отношений, в которых (7) динамические объекты и (8) динамические и (9) окончательные интерпретанты находятся к знаку, а также — (10) окончательный интерпретант к объекту. Эти десять разделов дают для знаков тридцать означений (*designations*) (каждый раздел категориями Первого, Второго и Третьего превращается в трихотомию). Легко показать, что, надлежащим образом упорядоченные, они дают всего лишь шестьдесят шесть классов возможных знаков. Приводящий к такому заключению принцип сформулирован в сноске к «Спекулятивная грамматика», п. 17; см. также письма к леди Уэлби.]

² [(7) предыдущей ссылки. Ср. «Спекулятивная грамматика», п. 25, 9.]

³ Авторство этого метода принадлежит д-ру Эдварду Эгглстону (Dr. Edward Eggleston).

⁴ [Тип, мета и тон суть лигисигнумы, синсигнумы и квалисигнумы, о которых говорится в «Спекулятивной грамматике», п. 25 и след., и которые образуют раздел (1) сноски к п. 7.]

Едиичное событие, которое происходит лишь однажды и чья самотождественность (identity) ограничена этим единственным происшествием, или Едиичный объект (или вещь), который есть в некотором единственном месте в какой-то один момент времени — такое событие и такую вещь, которые значимы лишь как имеющие место (occurring) только там, где они имеют место (как, например, то или иное слово в одной-единственной строке на одной-единственной странице одного-единственного экземпляра некоей книги), я возьму на себя смелость назвать *Метой* (*Token*).¹ Некое неопределенно значимое свойство, такое, как тон голоса, нельзя назвать ни Типом, ни Метой. Я предлагаю назвать такой Знак *Тоном* (*Tone*).² Чтобы Тип мог быть употреблен, он должен быть воплощен в Мете, которая будет знаком Типа, а поэтому и знаком объекта, который обозначается Типом. Я предлагаю называть такую Мету Типа *Инстанцией* (*Instance*) Типа. Таким образом, на странице может оказаться двадцать Инстанций Типа «the». Термин (Экзистенциальный) *Граф* берется здесь в смысле Типа; акт же воплощения его в *Граф-Инстанции* (*Graph-Instance*) будет называться *начертанием* (*scribing*) Графа (но не Инстанции) — вне зависимости, будет ли эта Инстанция написана, нарисована или выгравирована. Просто пустое (blank) место есть Граф-Инстанция, Пробел (Blank) же *per se* есть Граф; но я попрошу вас принять за данное ту его <Графа Пустоты> особенность, что он не может быть исключен (abolished) из Области (Area), на которой он будет начертан, — до тех пор пока эта Область существует.

9. Родственную логическую тройку образуют Термин, Пропозиция и Аргумент.³ Чтобы распространить данное деление на все знаки, первые две его части должны быть весьма расширены. Под *Семой* (*Seme*)⁴ я буду иметь в виду любое нечто, служащее любой цели как заменитель объекта, которого это нечто есть, в некотором смысле,

¹ [См. пред. сноску.]

² [См. там же.]

³ [Эти трое определяются в терминах отношения конечного интерпретанта к знаку. Они составляют раздел (9) сноски к п. 7. Ср.: «Спекулятивная грамматика», п. 32 и след.]

⁴ [Или ремой (rheme). Ср., однако, п. 31.]

репрезентатив (representative) или Знак. Логический Термин, каковое слово есть имя класса, это Сема. Семей, например, будет термин «Смертность человека». Под *Фемой* (*Pheme*)¹ я имею в виду Знак, равносильный грамматическому предложению, Вопросительному, Повелительному или Утвердительному. Как бы то ни было, это Знак, который имеет нечто вроде принудительного действия на своего Интерпретатора. Для обозначения оставшегося члена тройки я иногда употребляю слово *Делома* (*Delome*) (произносится deeloam, от *δέλωμα*), хотя слово *Аргумент* вполне подходит на эту роль. Этот Знак по своей *Форме* склонен действовать (has the Form of tending to act) на Интерпретатора через его собственный самоконтроль — он репрезентирует процесс перемены мыслей или знаков и как бы индуцирует эту перемену в самом Интерпретаторе.

Граф есть *Фема*, или, по меньшей мере — в моем словоупотреблении до сих пор — Пропозиция. Аргумент репрезентируется рядом Графов.

Универсумы и способы сказывания

10. Непосредственный Объект всякого знания и всякой мысли есть в конечном счете Воспринятое (Percept). Это учение никоим образом не противоречит Прагматизму, согласно которому Непосредственный Интерпретант всякой собственно мысли есть Поведеие. Ничто так не обязательно для здоровой эпистемологии, как кристально ясное разграничение между Объектом и Интерпретантом знания — точно так же, как ничто так не обязательно для здоровых представлений (notions) о географии, как кристально ясное разграничение между северной широтой и южной широтой; и одно разграничение не более принципиально, чем другое. Теория, провозглашающая осознанность Воспринятого нами, кажется мне бесспорной — однако этот факт не относится к нашему Непосредственному Восприятию. Факт Непосред-

¹ [Или дицисигнумом.]

ственного Восприятия не есть ни Воспринятое, ни какая-либо часть Воспринятого: Воспринятое есть Сема, а факт Непосредственного Восприятия, или, точнее, Суждение Восприятия (Perceptual Judgement), которого упомянутый факт есть Непосредственный Интерпретант, — это Фема. Эта последняя есть, в свою очередь, прямой Динамический Интерпретант Воспринятого (само же Воспринятое — ее Динамический Объект), который зачастую с немалым трудом (как то показывает история психологии) различается от Непосредственного Объекта — несмотря на то, что данное различие чрезвычайно значимо.¹ Но дабы не нарушать последовательность нашей мысли, отметим далее, что в то время как Непосредственному Объекту Воспринятого свойственна чрезвычайная смутность, естественное мышление восполняет этот недостаток (которым почти всегда оказывается смутность) следующим образом. Упомянутый Динамический Интерпретант всего комплекса Воспринятых есть Сема некоего Универсума Восприятия (a Perceptual Universe), который репрезентирован в инстинктивном мышлении детерминирующим изначальный Непосредственный Объект всякого Воспринятого. Следует понимать, что здесь я, разумеется, трактую не психологию, но умственные операции. Последующие Интерпретанты дают нам каждый раз в результате разнообразных присоединений к уже имеющемуся Универсуму Восприятия новую Сему Универсума. Но как бы то ни было, всякая такая новая Сема есть Интерпретант Воспринятых.

В конечном и решающем счете мы получаем Сему того высшего из Универсумов, который рассматривается как Объект всякой истинной Пропозиции и которому — если мы именуем его вообще — мы даем такое в некоторой мере вводящее в заблуждение наименование, как «Истина» («The Truth»).

11. Сказав об этом, все-таки вернемся назад и зададим такой вопрос: «Как получается, что Воспринятое, которое есть Сема, имеет своим прямым Динамическим Интерпретантом Суждение Восприятия, которое есть Фема?» Ибо такое обстоятельство определенно нельзя

¹ [См. п. 12.]

назвать обычным для Семы. Все приходящие мне в голову в данный момент примеры Сем, которые действуют таким образом <т. е. имеют Динамическим Интерпретантом Фему>, суть примеры Воспринятых, хотя несомненно, что есть и другие. Поскольку же в этом направлении не все Воспринятые действуют с равной энергией, то вспомненные мной примеры, все из которых все-таки оказались примерами Воспринятых, могут данным обстоятельством быть для нас поучительными. Как бы то ни было, я прошу вас, Читатель, обдумать этот вопрос самому и тогда увидеть — хотелось бы, чтобы так и вышло, — совпадет ли ваше независимо сформированное мнение с моим. По моему мнению, чистая Икона восприятия (perceptual Icon) — а очевидно, что многие по-настоящему *великие* психологи полагали Восприятие прохождением образов перед умственным оком, чем-то, очень похожим на то, когда мы прогуливаемся по картинной галерее, — не могла бы иметь Фему своим прямым Динамическим Интерпретантом. Мне было бы желательно — и на то есть не одно основание — сказать вам, *почему* я так думаю; хотя то, что вы сегодня сможете оценить эти мои основания, кажется мне невероятным. Здесь, однако, я хотел бы, чтоб вам было понятно одно: слова о том, что к принятию моего мнения меня подвигли веские основания, не означают — даже если я и заблуждаюсь, — что я настолько погружен в интеллектуальную ночь, чтобы обращаться с философской Истиной с неподобающей легкостью. В равной степени меня заботит и ваше ясное понимание того, что эти мои основания — чисто логические, совершенно не относящиеся к психологии. Итак, это имеющееся у меня основание, кратко и в усеченном виде сформулированное, заключается в следующем: для чистой Иконы иметь Фему своим Интерпретантом было бы *нелогично* (*illogical*) — я же полагаю невозможным, чтобы мысль, не подверженная самоконтролю (а Суждение Восприятия явно именно таково), была нелогичной. Осмелюсь предположить, что это основание может показаться вам смехотворным или отталкивающим — или и тем и другим, — но даже если так, мое мнение о ваших умственных достоинствах ничуть не изменится в худшую сторону. Вы,

вероятно, в первую очередь полагаете, что бессмысленно говорить о нелогичности мысли, не выводящей Заключение, и что в любом случае нет такого стандарта, в согласии с которым я мог бы судить о ее логичности или нелогичности; во-вторых, вы вероятно думаете, что если самоконтроль и имеет какое-то важное и существенное отношение к логике (я предполагаю, вы либо отрицаете эту возможность, либо сильно в ней сомневаетесь), то только в том смысле, что мысль *логичной* делает именно он — или же устанавливает различие между логичным и нелогичным, — и что во всяком событии мысль должна быть такова, какова она есть, и она будет логичной, или нелогичной, или и той и другой, или ни той ни другой — только в зависимости от того, как все обернется. И тем не менее, хотя не всякий Интерпретант необходимо есть Заключение, все же всякое Заключение необходимо есть Интерпретант — таким образом, что если Интерпретант и не подчиняется правилам Заключений, то с моей стороны не будет ничего ненормального в том, чтобы считать его подчиняющимся некоторому обобщению таких правил. Для всякого разворачивания (*evolution*) мысли, ведет оно к Заключению или нет, есть некоторый нормальный ход, и этот последний детерминируется теми ни в малейшей степени не психологическими соображениями, которые я собираюсь изложить в моей следующей статье;¹ здесь же могу сказать, что, хотя, в противоположность выдающимся логикам, я полностью согласен с невозможностью для нормальности быть критерием того, что я называю рационалистическим рассуждением — единственно допустимым в науке, — все же именно нормальность есть критерий инстинктивного или здравомысленного (*common-sense*) рассуждения, которое в своей области гораздо более заслуживает доверия, нежели рассуждение рационалистическое. По моему мнению, дело как раз в том, что самоконтроль делает возможным любой другой, помимо нормального, ход мыс-

¹ [Настоящая статья — последняя из опубликованных в данной серии. Несколько незаконченных рукописей, предназначенных для статьи, следующей за этой, были обнаружены и частично опубликованы. См., например, сноски к п. 5, 24 и 35.]

ли — подобно тому, как именно он и ничто другое делает возможным любой другой, помимо нормального, ход действия; и точно так же, как только он дает место в поведении какому-либо долженствованию (*gives room for an ought-to-be of conduct*), то есть Нравственности, только он дает место и какому-либо долженствованию в мысли, то есть Верному (*Right*) Основанию — там же где самоконтроля нет, возможным оказывается лишь нормальное. Если заключение, к которому привело вас размышление, разнится от моего, я продолжаю надеяться, что по прочтении моей следующей статьи, в которой я вообще и в некоторых подробностях попытаюсь показать, каковы суть формы мысли, вы сможете обнаружить, что я не погрешил против истины.

12. Но допустим, что я прав — таково, вероятно, будет мнение *некоторых* читателей, — какое тогда объяснение следует дать Суждению Восприятия? Отвечая на это, для начала я скажу, что Воспринятое не может быть произвольно устранено (*dismissed at will*) даже из памяти. Еще менее способен человек помешать собственному восприятию того, что, как мы говорим, смотрит ему прямо в лицо. Более того, очевидность явственно свидетельствует, что воспринимающий осознает собственную подвластность подобному принуждению, — и если я не могу сказать, как такое знание приходит к нему, то не потому, что это для меня немислимо, а потому, что трудно сказать, какой именно из нескольких возможных вариантов действительно имеет место в том или ином случае. Но поскольку обсуждение этого вопроса относится целиком к сфере психологии, я не стану здесь в него вдаваться. Достаточно будет сказать, что воспринимающий осознает свою принужденность воспринимать то, что он воспринимает. Мы же знаем, что существование как раз и есть осуществление (*exercising*) принуждения. Следовательно, какая бы характеристика некоего воспринятого не была связана некоторой ассоциацией — приобрета, таким образом, логическую позицию, подобную позиции посылки наблюдения, включенной в объяснительную Абдукцию (*observational premiss of an explaining Abduction*),¹ —

¹ В том смысле, который я придаю слову Абдукция, она есть любое из принадлежащих некоторому довольному обширному

приписывание ей Существования, выполняемое в Суждении Восприятия, есть — виртуально и в некотором расширенном смысле — логический Абдуктивный вывод, предельно приближенный к выводу необходимому. Так или иначе, на логическую связь Пропозиции, и Фемы вообще, с принуждением немало света прольет моя следующая статья.

13. Понятие Аристотеля, воплощенное для нас в родственном происхождении слов *действительность* (*actuality*) и *деятельность* (*activity*), — один из наиболее поучительных плодов греческой мысли. Деятельность подразумевает обобщение *усилия* (*effort*), а поскольку усилие есть идея двоякая — усилие и сопротивление присутствуют в ней нераздельно, — идея Действительности также имеет диадическую форму.

14. Ни одно познание и ни один Знак не могут быть абсолютно точны, и даже Воспринятое таким быть не может. У неопределенности же есть две разновидности: неопределенность того, каков есть Объект Знака, и неопределенность того, каков его Интерпретант — иными словами, неопределенность по Широте (*Breadth*) и Глубине (*Depth*).¹ Неопределенность по Широте может быть либо Имплицитной, либо Эксплицитной. Значение этих слов лучше всего передать на примере. Слово *пожертвование* неопределенно с точки зрения того, кто приносит дар, что он дарит, и кому он дарит. Но само по себе это слово не обращает нашего внимания на свою неопределенность. Слово *дарит* отсылает нас к тому же самому, однако его значение таково, что оно, это значение, ощущается неполным, пока на упомянутые вопросы, не будет, по крайней мере формально, дан ответ — такой например, как «Некто дарит нечто некоему лицу (реальному или вымышленному)». Обычной Пропозиции² с успехом

классу рассуждений — для какого класса типическим можно назвать, к примеру, условное (*provisional*) принятие объяснительной гипотезы. Однако этот класс включает и те мыслительные процедуры (*processes of thought*), которые приводят всего лишь к формулировке необходимых для рассмотрения вопросов, и много чего еще.

¹ [См.: «Спекулятивная грамматика», п. 189 и след.]

² [Ср.: «Спекулятивная грамматика», гл. 4.]

удается донести новую информацию — через Знаки, чья значимость полностью зависит от знакомства с ними интерпретатора, — причем удается это ей посредством «Предиката», т. е. термина, эксплицитно неопределенного по широте, который она (Пропозиция) определяет по широте посредством «Субъектов», или терминов, чья широта в какой-то мере определена, но чья информативная глубина (т. е. вся глубина, кроме самой поверхности (*an essential superficies*)) неопределенна; и наоборот, глубина Субъектов в какой-то мере определяется Предикатом. Предикат бывает либо несоотнесенным (*non-relative*) (или *монадой (a monad)*), то есть эксплицитно неопределенным в одном из экстенсивных <т. е. относящихся к широте> аспектов — например, слово «черный»; либо диадическим соотнесенным (*dyadic relative*) (или *диадой*) — например, слово «убивает»; либо множественным соотнесенным (*polyadic relative*) — например, слово «дарит». Все это должно быть схематизировано в нашей системе.

Здесь же следует добавить еще кое-что. Вы увидите, что в термин «Субъект» я включаю не только именную субъект (именное подлежащее — *subject nominative*), но и то, что грамматики называют прямым и косвенным объектами (прямым и косвенным дополнениями — *the direct and the indirect object*) — иногда вместе с существительными, которые управляются предлогами. И тем не менее в некотором смысле мы имеем право продолжать говорить о том, что у Пропозиции всего один Субъект. Так, например, в пропозиции «Наполеон уступил Луизиану Соединенным Штатам» мы можем рассматривать упорядоченную тройку «Наполеон — Луизиана — Соединенные Штаты» как Субъект, а «имеет в первом члене агента или участника первой части, во втором члене — объект, а в третьем — участника второй части одного и того же акта уступки» — как Предикат. В большинстве случаев тем не менее предпочтительно считать, что здесь имеются три субъекта, — такой счет, как станет ясно в ближайшем будущем, окажется гораздо более аналитичным.

15. Все общие, или определяемые (*definable*), Слова несомненно, причем и как Типы, и как Меты, суть Симво-

лы. Другими словами, они денотируют свои объекты лишь в силу того, что есть некая привычка, ассоциирующая с ними <словами> то, что они обозначают. Что касается Собственных Имен, мнения здесь могут расходиться, особенно если имеются в виду Меты. Но их, вероятно, следует рассматривать как Индексы, поскольку только действительная связь (в акте нашего слушания чьей-то речи) Инстанций одних и тех же типических слов с их Объектами становится причиной интерпретации этих типических слов как денотирующих данные Объекты. За исключением же (по необходимости) пропозиций, все субъекты которых суть такие слова-Индексы, без собственно Индексов не может быть выражена ни одна пропозиция.¹ Если, к примеру, человек восклицает «Надо же, идет дождь!», то лишь благодаря некоторым *обстоятельствам* — вроде того, что он теперь стоит здесь и, произнося данную фразу, смотрит в окно, — которые служат Индексом (но не Символом) того, что он говорит о данном месте в данное время, мы можем быть уверены в невозможности того, чтобы он говорил о погоде на спутнике Проциона пятьдесят столетий назад. Нельзя также сказать, что Символы и Индексы вообще сопровождают только друг друга (*are together generally enough*). Чтобы предложение можно было понять, сорасположение (*arrangement*) слов в нем, например, должно служить нам *Иконами*. Нужда в Иконах возникает, главным образом, тогда, когда следует показать Формы синтеза элементов мысли. Ибо если речь точна, Икона будет репрезентировать только Форму или Переживание. Как раз поэтому везде, начиная с Общедоступной (*Vulgar*) Арифметики, в Математике необходимы Схемы — и почти столь же необходимы в Логике. Ведь Рассуждение — нет, Логика вообще — обращается исключительно при помощи (*hinges entirely on*) Форм. Вам, Читатель, нет нужды напоминать, что правильно сформулированный (*regularly stated*) Силлогизм есть Схема. Если вы возьмете наугад полдюжины из сотни с чем-то логиков, кичащихся сво-

¹ Чистые — в строгом смысле — Символы могут обозначать лишь уже знакомые (*familiar*) вещи, причем только в той мере, в какой они нам знакомы.

ей непринадлежностью к секте приверженцев Формальной Логике, а из этой последней — наугад еще полдюжины, вы обнаружите, что вторые извлекают пользу из синтаксической Формы разбираемых ими предложений в той же мере, в какой первые избегают схем. Всякая чистая Икона репрезентирует лишь Форму, и всякая чистая Форма репрезентируема лишь Иконой. Что касается Индексов, их полезность особенно бросается в глаза, когда все остальные Знаки оказываются непригодны. Если в описании красного цвета зачем-то потребуется чрезвычайная точность, то, назови я его киноварью, мое описание не примут на том основании, что по-разному приготовленная киноварь дает разные оттенки, — таким образом, я буду вынужден либо прибегнуть к цветовому кругу (color-wheel) и сделать определенное Указание (индицировать — to Indicate) в отношении каждого из четырех дисков отдельно, либо сказать, в какой пропорции свет с данной длиной волны должен быть смешан с белым светом, чтобы получился цвет, который я имею в виду. На длину волны, формулируемую в долях микрона (миллионных долях метра), я могу сослаться, сделав Указание (Индекс — Index) на две линии, имеющиеся на одной из полос в Павильоне де Бретей (Pavillon de Breteuil), — при данной температуре и при давлении, которое измерено против силы тяготения на некоторой станции (at a certain station) и (строго говоря) в данное время, — вдобавок смешение с белым, после закрепления белого Индексом некоего индивидуального света <т. е. указания на некий индивидуальный свет>, задействует в моем описании по меньшей мере еще один Индекс. Однако первостепенной важностью в Логике обладает употребление Индексов для денотации Категорий и Универсумов,¹ каковые суть классы,

¹ В том смысле, в каком я употребляю термин *Универсум* (*Universe*), из него исключаются многие из тех так называемых «универсумов дискурса», о которых говорят Буль [*An Investigation of the Laws of Thought*, etc. P. 42, 167], Морган (DeMorgan) [*Cambridge Philosophical Transactions*. VIII. 380. *Formal Logic*, P. 37–38], и немало их последователей, но которые, будучи совершенно определяемыми, в настоящей системе смогли быть денотированы при помощи графов.

столь необозримо обширные, столь разнородные (promiscuous) и столь в малой части своей известные, что они не могут быть удовлетворительно определены, а поэтому могут быть денотированы лишь Индексами. Таково, если взять лишь один пример, собрание всех вещей Физического Универсума. Если кто-либо — допустим, ваш маленький сын, неутомимый исследователь, всегда вопрошающий «Что есть истина?» (*Τί ἐστὶν ἀλήθεια*), но, подобно «шутнику Пилату» («jesting Pilate»), не всегда дожидаящийся ответа — спросит вас, что есть Вселенная (Универсум) физических вещей, то вы, если удасться, можете взять его на Риги-Кульм и показать, перед самым закатом, все видимые оттуда Горы, Леса, Озера, Замки, Города, а затем, когда появятся звезды — все, которые можно увидеть в небесах и все, которые, хотя их там и не видно, все же, вполне допустимо, там находятся; после же этого вы можете сказать ему: «Вообрази, что все, что только можно увидеть на любом городском дворе, выросло до размеров того, что ты видишь здесь, и затем пусть в твоём воображении это еще настолько же вырастет, причем во столько раз, сколько деревьев видно отсюда; и тогда полученное будет труднее отыскать во Вселенной, чем тончайшую иголку во всем годовом урожае американского сена». Но подобные методы совершенно бесплодны: Универсумам нельзя дать описание.

16. О, я слышу, мой Читатель, что вы говорите мне: Универсум и Категория вовсе не одно и то же — Универсум это вместительница или класс Субъектов, а Категория это модус Сказывания, то есть класс Предикатов. Я и не говорил, что они суть одно и то же — однако верно ли ваше описание того и другого, это вопрос, который необходимо тщательно исследовать.

17. Начнем с вопроса об Универсумах, ведь он относится скорее к тому, какую точку зрения предпочтительней занять, чем к истинности того или иного учения. Несомненно, логический Универсум есть собрание *логических* субъектов — но не обязательно мета-физических Субъектов, или «субстанций», ибо он может быть составлен из характеров, элементарных фактов и т. д. См. мое определение в Болдуиновском Словаре (Baldwin's

Dictionary).¹ Лучше для начала испытаем: не можем ли мы предположить, что есть лишь одна разновидность Субъектов, каковы-то суть вещи либо существующие, либо совершенно фиктивные. Давайте сделаем утверждение, что есть некая замужняя женщина, которая совершит самоубийство в случае, если ее муж разорится. Несомненно, эта пропозиция очень разнится от утверждения, что некоторая замужняя женщина совершит самоубийство, если все женатые мужчины разорятся. И все же, если ничто не реально, кроме существующих вещей, то — поскольку в первой пропозиции ничего вообще не говорится о том, что эта женщина сделает или не сделает, если ее муж *не* разорится, и поскольку нечто может быть ложно относительно двух данных супругов, только если факт будет противоречить нашему изначальному утверждению, то из этого следует: наша пропозиция может быть ложной, только если муж *разорится* и если его жена после этого не совершит самоубийства. Но пропозиция гласит лишь, что есть *некоторая* пара, в которой супруга обладает таким-то темпераментом. Следовательно, для этой пропозиции есть только две возможности быть ложной, а именно: во-первых, если не будет ни одной супружеской пары вообще и, во-вторых, если *все* женатые мужчины разорятся и *ни одна* замужняя женщина не совершит самоубийства. Следовательно, для истинности пропозиции требуется всего лишь, чтобы либо был некоторый женатый мужчина, который не разоряется, либо же — некоторая замужняя женщина, которая совершает самоубийство. Другими словами, наша пропозиция оказывается равносильной следующему утверждению: есть некая замужняя женщина, которая совершит самоубийство, если *всякий* женатый мужчина разорится. Равносильность этого утверждения и нашей пропозиции — абсурдный результат непризнания какой-либо другой реальности, кроме существования. Если же мы допустим, что фраза «некая женщина совершит самоубийство, если ее муж разорится» значит «всякий *возможный* ход событий будет либо таким, что ее муж не

¹ [CP. 2.536.: «Universe». *Dictionary of Philosophy & Psychology*. Vol. 2. P. 742 by Peirce & Mrs C. Ladd-Franklin.]

разорится, либо таким, что жена совершит самоубийство», то для ложности последнего утверждения мужу не нужно будет действительно разоряться — достаточно, чтобы были *возможные* обстоятельства, при которых он разорился бы, и в то же время его жена не совершила бы самоубийства. Теперь вы увидите, сколь велика разница между следующими двумя пропозициями:

Во-первых, Есть некоторая *одна* (*some one*) замужняя женщина, которая при всех возможных условиях совершила бы самоубийство — в противном случае, <т. е. если она его не совершает, то это значит, что> ее муж до этого не разорился.

Во-вторых, При всех возможных обстоятельствах <всегда> есть та *или иная* (*some or other*) замужняя женщина, которая совершила бы самоубийство — в противном случае, <т. е. если она его не совершает, то это значит, что> ее муж до этого не разорился.

Именно первая есть значение фразы: «Есть некоторая замужняя женщина, которая совершила бы самоубийство, доведись ее мужу разориться», вторая же есть та интерпретация (или виртуальная интерпретация) утверждаемого в нашей Пропозиции, к которой нас логически приводит отрицание каких бы то ни было возможных обстоятельств, помимо тех, которые имеют место реально.

18. Я уже не раз приводил многочисленные основания моего твердого убеждения, что возможности реальны (*there are real possibilities*). Но также я полагаю, что в дополнение к действительности и возможности необходимо признать и третий модус реальности — признать реальность в том, что, по выражению гадалок, «точно сбудется» («*sure to come true*»), или в том, что, как мы говорим, *предопределено* (*destined*)¹ — хотя я и не могу

¹ Я считаю, что *предопределенным* можно назвать что-либо, что несомненно произойдет, хотя на то и нет необходимого основания. Так, пара костей, брошенных достаточно часто, несомненно, когда-нибудь выпадут шестерками, хотя это и не необходимо. Значение вероятности того, что так произойдет, — единица: не более и не менее. *Судьба* (*Фатум* — *Fate*) есть особая разновидность *предопределенности*, при которой допускается, что события произойдут *при определенных обстоятель-*

утверждать (assert), что последнее слово это именно утверждение (affirmation), а не отрицание данного Модуса Реальности. Не могу вообразить себе, благодаря какой мыслительной путанице кто-либо способен внушить себе, что он не убежден в предопределенности наступления завтрашнего дня. Я хочу сказать, что завтрашний восход солнца уже сегодня реально истинен, или, что даже если солнце и не взойдет, то часы или *что-то* будет продолжать свой ход (will go on). Ибо, не будучи реальным, это может быть только фикцией: Пропозиция бывает либо Истинной, либо Ложной. Однако мы слишком склонны путать предопределенность (destiny) с невозможностью противоположного. Я не вижу невозможности в том, чтобы все вдруг остановилось. Дабы показать имеющуюся здесь разницу, я напому вам, что «невозможность» описывает, например, то, каким образом ложна (describes the mode of falsity of) идея наличия собрания объектов, столь множественного (multitudinous), что в универсуме свойств не хватит свойств, чтобы отличить все эти объекты друг от друга. Есть ли что-то столь же невозможное во внезапной остановке всякого движения? Она, вероятно, противоречит некоему *закону природы* — но не больше. Как бы то ни было, я отложу обсуждение данного вопроса на потом. Давайте пока просто *допустим* (provide for) подобный модус бытия для нашей системы схематизации — это может оказаться необходимым и, я полагаю, несомненно окажется.

19. Теперь же вернемся к прерванному объяснению: почему я, не будучи готов отрицать для каждой пропозиции возможность быть репрезентированной (пусть, должен добавить, такая репрезентация и будет в большинстве случаев весьма удобна) исходя из того, что Универсумы суть вместителица только Субъектов, тем не менее не могу назвать такой способ анализа пропозиций удовлетворительным.

Для начала, я полагаю, вы все согласитесь со мной, что анализ — в логике, химии или любой другой науке — нельзя назвать удовлетворительным, если он не полон (thorough), то есть если он не разделяет агрегат на

ствах, не подразумевающих необходимой (necessitating) причины этого их (событий) происшествия.

составные части, каждая из которых сама по себе полностью однородна и тем самым свободна от примеси каких-либо других. Далее следует, что в Пропозиции «Некоторый еврей практичен» Предикатом будет «Еврей-который-практичен», а Субъектом — *Нечто* (*Некоторое* — *Something*), в то время как в пропозиции «Всякий христианин кроток» Предикатом будет «Либо не христианин, либо кроток» а Субъектом — *Что-либо* (*Любое* — *Anything*). Но, может быть, мы предпочтем сказать, что значение последней — «Ложно сказать о некоем человеке, что он христианин, если о нем ложно сказать, что он кроток», и в таком способе анализа — если вопрос о Единичном (Singular) Субъекте (этот случай будет рассмотрен позже) не стоит — единственным Субъектом всегда будет *Нечто*. Оба способа вполне отделяют от Субъекта все Предикативные ингредиенты; и на первый взгляд оба вполне благоприятствуют воззрению, которое помещает в Универсумы лишь Субъекты. Тем не менее рассмотрим пропозиции следующих двух форм:

A¹ Любой алхимик-адепт сможет произвести философский камень той или иной разновидности (some kind or other),

В Есть одна разновидность философского камня, которую сможет произвести любой алхимик-адепт.

Согласно принципу об Универсумах как вместилищах Субъектов, мы можем выразить эти пропозиции так:

A¹ Если Интерпретатор выбрал любой, какой ему угодно, индивид и назвал его А, можно найти такой объект В, что либо А не будет алхимиком-адептом, либо В будет философским камнем той или иной разновидности, и А сможет произвести В.

B¹ Может быть найдено такое нечто, В, что вне зависимости от того, что Интерпретатор выберет и назовет А, В будет философским камнем некоторой разновидности, причем либо А не будет алхимиком-адептом, либо А сможет произвести В.

¹ [Во избежание путаницы нумерация была изменена. В оригинале А, А¹ и 1 все были пронумерованы 1, а В, В¹ и 2 — 2, и не различались в тексте.]

В этих формах задействованы два Универсума: один, состоящий из индивидов, выбираемых по усмотрению интерпретатора пропозиции, другой — из соответствующих (suitable) объектов.

Теперь я выражу те же две пропозиции, исходя из принципа, что каждый Универсум состоит, но не из Субъектов, а один — из Истинных утверждений, другой — из Ложных, — однако так, чтобы в результате получить нечто, подходящее под уже данное нами описание.

1) Ложно: Что нечто, Р, есть алхимик-адепт, и <при этом> ложно, что в то время как нечто, S, есть философский камень некоторой разновидности, Р сможет произвести S.

2) Истинно: Что нечто, S, есть философский камень некоторой разновидности; и ложно: что нечто, Р, есть алхимик-адепт, и <при этом> ложно, что Р сможет произвести S.

Здесь пропозиция главным образом составлена из истинности или ложности утверждений существования вещей того или иного описания, причем единственная употребляемая связка здесь — «и». Явно, что этот метод чрезвычайно аналитичен. И поскольку в наши намерения входит создать метод полного анализа пропозиций, нельзя отрицать превосходство данного метода над предыдущим. Более того, чтобы показать, как предыдущий метод может привести к логически ложному рассуждению, я совмещу предикат B^1 (предикат в его неудовлетворительной форме) с субъектом A^1 (в такой же форме), и наоборот. Таким образом я получу две пропозиции, которые с точки зрения неудовлетворительного метода будут такими же простыми, как №№ 1 и 2. Мы увидим, так ли это. Вот эти пропозиции:¹

3) Если Интерпретатор обозначил любой объект названием А, может быть найден такой объект В, что В есть философский камень некоторой разновидности, причем в этом случае либо А — не алхимик-адепт, либо А сможет произвести В.

¹ [В оригинале 3, 5 и 7 были пронумерованы 3, а 4, 6 и 8 — 4, и не различались в тексте.]

4) Можно найти такое нечто, В, что вне зависимости от того, что интерпретатор может выбрать и назвать А, Либо А не будет алхимиком-адептом, либо В будет философским камнем некоторой разновидности, и А сможет произвести В.

Пропозицию 3 на обыденном языке можно выразить так: Есть некая¹ разновидность философского камня, и если был бы какой-либо алхимик-адепт, он смог бы произвести философский камень некоторой разновидности. То есть №3 разнится от А, А¹ и 1 лишь в добавлении, что есть некая разновидность философского камня. От В, В¹ и 2 пропозиция 3 разнится в следующем: она не говорит, что два любых адепта смогут произвести одну и ту же разновидность камня (как, впрочем, и не говорит, что любой адепт смог произвести любую из существующих разновидностей философского камня), тогда как В, В¹ и 2 утверждают, что некоторая разновидность одновременно и существует и могла бы быть произведена всяким адептом.

Пропозиция 4 в обыденном языке будет: Если есть (или был бы) некий алхимик-адепт, есть (или была бы) и некая разновидность философского камня, которую любой адепт смог бы произвести. Эта пропозиция утверждает суть В, В¹ и 2, но утверждает лишь условно — в зависимости от существования некоего адепта; однако же она утверждает то, чего не утверждают А, А¹ и 1, а именно: что все адепты смогли бы произвести некоторую одну разновидность камня — и это как раз в точности будет разницей между №4 и А¹.

Мне совершенно ясно, что пропозиции 3 и 4 обе менее просты, чем №1, и менее просты, чем №2, ибо каждая добавляет некоторую вещь к одной из пропозиций изначально данной паре и условно утверждает другую. И тем не менее метод, трактующий Универсумы как вместители лишь метафизических Субъектов, требует рассматривать репрезентируемое в 3 и 4 наравне с репрезентируемым в 1 и 2.

¹ <Здесь и далее до конца 19 неопределенный артикль «а» переводится, где необходимо, как «некий» — в отличие от «некоторый» («some»).>

Остается показать, что другой метод не вводит в то же заблуждение. Если утверждаются или отрицаются положения вещей, содержащиеся в универсумах, то пропозиции 3 и 4 приобретают следующий вид:

5) Истинно: что есть философский камень некоторой разновидности S , и <при этом> ложно, что есть некий адепт, A , и <при этом> ложно, что A сможет произвести философский камень некоторой разновидности S' . (В данной пропозиции не утверждается и не отрицается, что S и S' суть одно, и именно таково ее отличие от 2).

6) Ложно: Что есть некий адепт, A , и <при этом> ложно: Что есть некий камень разновидности S , и <при этом> ложно: Что есть некий адепт, A' , и <при этом> ложно: Что A' сможет произвести камень разновидности S . (В данной пропозиции опять же не утверждается и не отрицается, что A и A' тождественны, но суть в том, что она выполняется (holds), даже если они не тождественны, и таким образом отличается от 1.)

Эти формы выявляют большую сложность Пропозиций 3 и 4, показывая, что в реальности каждая из них относится к *трем* индивидам; то есть, 3 — к двум возможным разным разновидностям камня и к некоему адепту, а 4 — к двум возможным разным адептам и к некоей разновидности камня. На самом деле: формы 3 и 4¹ по своему значению абсолютно тождественны с разняющимися от них, но принадлежащими этой же теории формами, приводимыми ниже. (И можно назвать по меньшей мере серьезным недочетом аналитического метода, если один и тот же агрегат он способен проанализировать столь разными методами.)

7) Можно найти такой объект, B , что какой бы объект интерпретатор не выбрал и не назвал A , можно будет затем найти такой объект, B' , что: B есть существующая разновидность философского камня, и либо A не

¹ [В оригинале: «... формулировки, которые даются для 3 и 4 другой теорией универсумов ...»; данное пояснение было бы необходимо, если бы 3 и 5, а также 4 и 6 не были различены.]

будет адептом, либо В' есть разновидность философского камня, которую сможет произвести А.

8) Какой бы индивид Интерпретатор не выбрал назвать А, можно найти такой объект, В, что какой бы индивид Интерпретатор не выбрал назвать А': Либо А не есть адепт, либо В есть существующая разновидность философского камня, и <при этом> либо А' не есть адепт, либо А' сможет произвести камень разновидности В.

И однако же: хотя мои формы полностью аналитичны, потребность в схемах, демонстрирующих их значение зрительно (это лучше, чем выделять каждую ложную пропозицию новой строчкой), стала только более настойчивой.¹

20. Теперь я скажу несколько слов о том, что вы называете Категориями, но что я предпочитаю обозначать как Способы Сказывания (Predicaments) и что по вашему объяснению суть предикаты предикатов. Та чудесная операция гипостатической абстракции, при помощи которой мы, видимо, и создаем *entia rationis* — иногда, несмотря на их происхождение, все-таки реальные, — дает нам средство превращать предикаты из знаков, которые или *через* которые мы мыслим, в мыслимые предметы (субъекты — subjects). Мы, таким образом, мыслим о самой мысли-знаке, делая ее объектом другой мысли-знака. В результате этого мы способны повторить операцию гипостатической абстракции и из этого второго по порядку изобретения получить третье. Продолжается ли этот ряд бесконечно? Я так не думаю. Каковы тогда свойства разных его членов? Не могу сказать, что я созрел для высказывания своих мыслей на эту тему. Скажу только, что несмотря на ее связь с Логикой, подразделения, получаемые в ходе гипостатической абстракции, не должно путать с разными Моду-

¹ Правя гранки, спустя немалое время после того, как данная часть текста была написана, я должен был признаться себе — и теперь признаюсь вам, — что в некоторых местах мое рассуждение ошибочно. Также должен признать, что гораздо более простой аргумент с еще большим правом мог бы быть использован для подкрепления того же самого заключения. И однако некоторая весомость приводимого здесь аргумента должна быть в целом признана.

сами Бытия:¹ Действительностью, Возможностью и Предопределенностью (или Свободой от Предопределенности). Наоборот, последовательность Предикатов Предикатов разная в разных Модусах Бытия. В то же время для нашей системы схематизации, когда это будет необходимо, следует допустить деление каждого из наших трех Универсумов, соответствующих модусам реальности, на *Царства (Realms)*, соответствующие разным Способам Сказывания.

21. Все разнообразные значения слова «Ум» («Mind»), Логическое, Метафизическое и Психологическое, мы более или менее склонны смешивать — отчасти потому что для различения некоторых из них требуется немалая логическая пронизательность, и нам недостает какого бы то ни было механизма (*machinery*), помогающего мысли в этом деле, отчасти потому что они столь многочисленны и отчасти потому что (вследствие всех указанных причин) все они именуются одним словом «Ум». В одном из самых узких и наиболее конкретных логических значений, «Ум» есть такая Сема Истины (*The Truth*), чьи детерминации <т. е. детерминированности> становятся Непосредственными Интерпретантами всех других Знаков, Динамические Интерпретанты которых динамически же связаны. В нашей Схеме то же самое, что репрезентирует Истину, должно рассматриваться как неким другим способом репрезентирующее Ум, а на самом деле — как Квази-ум всех Знаков, репрезентированных на Схеме. Ибо любой набор Знаков, связь которых между собой такова, что сложение (*complex of*) двух из них может иметь один интерпретант, должен быть набором Детерминаций <детерминированностей> одного Знака, каковой и есть *Квази-ум*.

22. Мысль не обязательно связана с мозгом. Она являет себя и в работе пчел, и в образовании кристаллов, и повсюду в чисто физическом мире — и отрицать, что она действительно реально есть вне нас (*there*), можно не более чем отрицать, что цвета, формы и т. д. реально суть вне нас. Попробуйте последовательно оставаться приверженным такому необоснованному отрицанию, и вы

¹ [У Пирса обычно называемыми категориями.]

будете вынуждены прийти к некоей форме идеалистического номинализма, родственного фихтевскому. Мысль не только есть в органическом мире, но она в нем также и разворачивается (*develops*). Но как не может быть некоего Общего без воплощающих его Инстанций (Примеров — *Instances*), так не может быть и мысли без Знаков. Здесь мы, несомненно, должны придать слову «Знак» весьма широкий смысл, но не настолько широкий, чтобы выйти за границы нашего определения. Признавая, что связанные между собой Знаки должны иметь <детерминирующий их> Квази-ум, можно далее сказать, что не может быть изолированных <т. е. не связанных> знаков. Более того, знаки требуют по меньшей мере два Квази-ума: *Квази-высказывающего (Quasi-utterer)* и *Квази-интерпретатора*, и хотя эти двое суть заодно (т. е. *суть* один ум) в самом знаке, они тем не менее должны быть различены. В Знаке они, так сказать, *спаяны (welded)*. Соответственно, не просто фактом человеческой Психологии, но необходимостью Логики будет диалогичность всякого логического развертывания (*evolution*) мысли. Вы можете сказать, что все это звучит довольно необязательно (*loose*) — и я признаюсь, что в том виде, в каком мои слова присутствуют здесь, они во многом произвольны. Можно было бы привести аргумент, который залатал бы значительную часть этой прорехи, и однако же: в первую очередь, такое расширительное пояснение обернулось весьма увесистым томом, а во-вторых, цель сказанного здесь мной — всего лишь в какой-то небольшой степени детерминировать нашу систему схематизации. При этом на нее саму в результате будет оказано лишь самое незначительное влияние — точнее говоря, если сказанное мной неверно, то, с *несомненностью*, самым большим вредом этого будет лишь возможная неспособность нашей системы во всем разнообразии репрезентировать не-человеческую мысль.

Тинктурированные экзистенциальные графы

23. Кажется, не осталось больше оснований, рассмотрение которых могло бы воспрепятствовать нам уже

перейти к формулировке и выработке согласия по поводу следующих Конвенций:

КОНВЕНЦИИ,

ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ФОРМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ГРАФОВ

Конвенция Первая: Относительно Агентов Начертания (Of the Agency of the Scripture). Нам следует вообразить, что два участника¹ сотрудничают в составлении Фемы и, затем, в таком осуществлении операций над ней, которое привело бы к развертыванию ее в Делому. (Хотя несомненно, что метод Графов² можно применять для разворачивания (developing) и анализа любой целенаправленной (purposive) мысли, в этих Конвенциях должно быть сделано допущение, что Графами выражаются только Фемы во всех их разновидностях. Поскольку до сих пор никакие Графы, кроме тех, что суть Пропозиции, не исследовались, и поскольку неясно, каких видоизменений данных Конвенций могут потребовать другие применения настоящего Метода, последние здесь были сформулированы главным образом так, как если бы они были применимы лишь для выражения Фем и получения необходимых заключений именно из Фем.)

Двух сотрудничающих участников следует назвать *Графистом* и *Интерпретатором*. Графист будет, сопровождая это необходимыми пояснениями (responsibly), занят начертанием каждого оригинального Графа и каждого добавления к нему, указывая дополнительно надлежащую Модальность, *относительное Качество*³ пози-

¹ Это могут быть два коллектива лиц, два лица или две умственных установки или состояния одного лица.

² [Граф уже был определен в п. 6 и сл.]

³ Традиционное и давно устоявшееся употребление термина «пропозициональное Качество» относит его исключительно к способу выражения. Ибо «Сократ смертен» и «Сократ бессмертен» равно Утвердительны (Affirmative), а «Сократ не смертен» и «Сократ не бессмертен» равно Отрицательны, если только «не» («is not») это перевод *non est*. Если, однако, «не» это латинское *est non* и не разнится от него по значению, то пропозиция инфинитивуется (is infinitated). Не подкрепляя ничем кроме слов то допущение, что между разными значениями пропозиций есть какое-то различие, соответствующее вышеуказанному, Кант настаивал на том, чтобы возвысить эту

ции Графа и все подробности того, как он зависит от других графов и как с ними связан. Интерпретатор будет делать такие изъятия (erasures) и вставки в предьявляе-

разницу в выражениях до ранга категории. В [«The Logic of Relatives». *The Monist*. Vol. 7 (1897). P. 161–217.; однако ср. «Вопросы прагматизма», п. 13.] я привел одно основание для того, чтобы рассматривать относительную пропозицию как утвердительную (affirmative) или отрицательную в зависимости от того, утверждает (asserts) ли она безусловно существование неопределенного субъекта или нет. Формулируя такую зависимость в то время, девять с половиной лет назад, и делая это вынужденно, я на самом деле никогда не симпатизировал такому взгляду и не принимал его умом до тех пор, пока не вывел нынешнюю формулировку Конвенций для Экзистенциальных Графов, благодаря которой, к моему полнейшему удивлению, обнаружил, что придерживаюсь по сути того же самого взгляда. Иначе говоря, хотя в этой статье я говорю только об «относительном» качестве, называя утверждение (assertion) какой-либо пропозиции ее Утверждением (Affirmation) и рассматривая ее отрицание как утверждение (assertion) *касательно* (concerning) этой пропозиции как субъекта, а именно утверждение (assertion) того, что она ложна (и как раз так я различаю Качество, Относительное к тому, Утверждена (Affirmed) ли пропозиция сама по себе или утверждена (affirmed) ее ложность (тогда ее Относительное Качество — Отрицательное)), все же, поскольку всякий Граф сам по себе либо признает (recognizes) существование знакомого (familiar) Единичного субъекта, либо утверждает (asserts) нечто о неопределенном субъекте, относительно которого утверждается (asserts) существование в некотором Универсуме (asserted to exist in some Universe), из этого следует, что всякий относительно Утвердительный (Affirmative) Граф безусловно утверждает (asserts) или признает наличие (occurrence) некоторого описания объекта в некотором Универсуме — тогда как ни один относительно Отрицательный Граф этого не делает. Логика Ограниченного (Limited) Универсума Меток (Marks) [CP. 2.519ff: «Note A», the *John Hopkins Studies in Logic*, ed. by C. S. Peirce; Little, Brown & Co., Boston (1883). P. 182–6] приводит к иному взгляду на Качество, однако тщательный анализ показывает, что этот последний не находится в фундаментальном противоречии со сказанным выше.

Не вполне чужд вопросу о Качестве вопрос, обладают ли Качество и Модальность в общих чертах одной и той же природой. Выбирая способ репрезентации Модальности и опираясь в этом на многочисленные эксперименты, я в конце концов остано-

мом ему Графистом Графе, которые были бы согласны с дедуцируемыми из настоящих Конвенций «Общими Допущениями» и с его собственными целями.

24. *Конвенция Вторая: Относительно Материи Начертания (Of the Matter of the Scripture), а также Модальности¹ выражаемых Фем.* Материя — детерминирова-

вился на том, что по возможности минимально связывает себя с той или иной частной теорией Модальности, хотя против такого решения имеются бесспорные возражения. (Если бы результаты какого-либо частного анализа Модальности как таковой показались мне вполне очевидными, мне следовало бы суметь недвусмысленно ее продемонстрировать.) Так или иначе, согласно моему мнению, Универсум есть Субъект всякой Пропозиции, любая же Модальность, чья неопределенность показывает ее же <т. е. этой Модальности> Утвердительность (например, Возможность и Намерение (Intention)), есть особая детерминация такого Универсума Истины. Нечто подобное видно в Отрицании — ибо если мы говорим о некоем Человеке, что он не безгрешен, мы репрезентируем безгрешных существ имеющими место лишь в некоем идеальном универсуме, который (или часть которого, содержащую воображаемое безгрешное существо) мы затем лишаем тождества (*sever from the identity*) с тем или иным данным человеком.

¹ Я могу без труда сразу же признать, что в Экзистенциальных Графах репрезентация Модальности (возможности, необходимости и т. д.) почти не обладает тем изобразительным (*pictoral*), или Иконическим, свойством, которое столь бросается в глаза во всех характеристиках пропозиций *de inesse*, репрезентируемых в той же системе. Вероятно, в самой природе вещей заложено, что иконическая репрезентация Модальности в той же самой «изобразительной» манере, в которой репрезентированы другие характеристики, установит ложность самой репрезентации. Если так, то это прекрасное оправдание системы, и бремя доказательства лежит на выступающих против нее. И все же я, должен признать, подозреваю, что в развернутой [ниже] геральдической репрезентации модальности есть недостаток — правда, вполне исправимый. Если же я не прав и недостаток «изобразительности» в репрезентации модальности не может быть устранен, то это потому, что природа модальности именно такова, как я предполагал (это предположение было высказано мной в конце сноски [к п. 23]). В таком случае Модальность, собственно говоря, немислима (*inconceivable*) вообще, и разницу, например, между возможностью и действительностью мы способны признать только подобно тому, как мы признаем разницу между сном и опытом бодрствования — если

мая Граф-инстанциями и становящаяся, таким образом, *Квази-умом*, в котором Графист и Интерпретатор заодно (at one), — будучи Семей Истины¹ (то есть Семей наибольширнейшего Универсума Реальности) и в то же время Семейю всего, что с самого начала обсуждения молчаливо (tacitly) принимается Графистом и Интерпретатором за

допустить, что сон столь же подробен, внутренне обоснован (reasonable) и целиком связан (consistent) в самом себе и в остальном <относящемся к бодрствованию> опыте сновидца. Конкретно же, разница заключается в том, что сон все равно не будет таким «живым» («vivid») как опыт бодрствования. ... — из «Фанероскопии φαν» («Phaneroscopy φαν»), ок. 1906 г.; часть рукописи, использованной в сноске к п. 5.

¹ Тождество субъекта всех утверждений впервые открылось нашим глазам благодаря прозрению (см.: [*Studies in Logic*, ed. by C. S. Peirce. P. 73ff]) моего одаренного ученика, д-ра О. Х. Митчелла (Dr. O. H. Mitchell) — хотя в другом смысле утверждение может иметь несколько индивидуальных субъектов, которые могут даже принадлежать тому, что Митчелл назвал (вполне оправданно, несмотря на одно осуждающее замечание, которое столь же поверхностно, сколь высокомерно) разными измерениями логического Универсума. Все Семейское полотно и на самом деле весь Лист [см. п. 24] есть образ универсального поля взаимосвязанной Мысли (поскольку, конечно же, все мысли суть взаимосвязаны). Поле Мысли в свою очередь есть во всякой мысли — будучи признаваема знаком этой огромной внешней силы, этого Универсума — Истина. Мы все согласны, что, говоря об истине — мыслим ли мы о ней верно (aright) или нет, — мы ссылаемся на одну и ту же реальную вещь. Но у нас нет такого познания сущности этой вещи, которое строго можно было назвать ее *понятием*: у нас есть только прямое восприятие того, что материя (matter) нашей Мысли навязана ей, и это не подвластно нашему собственному контролю. Следовательно, мы имеем в виду (mean) под Истиной именно ее, а не что-то другое, не благодаря непосредственному переживанию (возникающему, например, когда мы смотрим на красный цвет) — ибо Переживание не говорит ни о чем, кроме себя самого, — и не благодаря убедительности разума — ибо разум всегда отсылает помимо себя еще к двум вещам, — а благодаря тому, что я называю диадическим сознанием. — из «Почвы, на которой стоит Прагматизм» («The Bedrock beneath Pragmatism»), ок. 1906 г., одной из многочисленных и фрагментарных рукописей, которые должны были быть, по замыслу Пирса, опубликованы вслед за данной статьей.

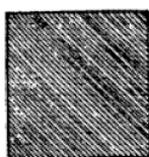
данное, должна быть полотном (sheet) (называемым далее *Фемическим*), на котором могут быть начертаны знаки и из которого что бы то ни было, уже начертанное каким-либо образом (даже выгравированное), *может* быть изъято (can be erased). Тем не менее некоторые части других полотен, которые не имеют значимости Фемического полотна, но на которых Графы могут быть начертаны, и из которых они могут быть изъяты, будут иногда вставляться в Фемическое полотно и зрительно предъявляться (exposed to view) — о чем в свое время будет сказано в Третьей Конвенции. Каждая часть предъявленной поверхности будет тинктурирована (tinctured) одним из двенадцати возможных способов. Тинктуры (Tinctures) подразделяются на три *класса* по четыре в каждом, свойства каковых классов будут называться *Модусами Тинктуры*, или, по отдельности, Цветом, мехом и металлом. Тинктуры Цвета суть Азюр, Гюль, Верт и Пурпур (Azure, Gules, Vert and Purpure). Тинктуры Меха — Сабль, Эрмин, Вэр и Потент (Sable, Ermine, Vair and Potent). Тинктуры Металла — Аржент, Ор, Фер и Пломб (Argent, Or, Fer and Plomb). Практически Тинктуры будут репрезентированы, как на рис. 1.¹ Целое любой *непрерывной* части предъявленной поверхности, будучи тинктурировано одним способом, будет называться *Провинцией* (Province). Вокруг границы полотно имеет повсюду одну и ту же тинктуру, и мы можем вообразить, что она выбрана из двенадцати возможных по изначальному соглашению между Графистом и Интерпретатором. Провинция границы может быть названа *Пограничьем* (March). Провинции, смежные (adjacent) с Пограничьем, следует рассматривать как лежащие на (overlying) нем; Провинции, смежные с этими последними, но не с самим Пограничьем, следует рассматривать как лежащие на Провинциях, смежных с Пограничьем, и т. д. Мы должны вообразить, что Графист всегда сможет найти провинции там, где он в них нуждается.

¹ Здесь мною была принята видоизмененная система геральдических тинктур в основном по причине того, что эти способы репрезентации Petrosancta удобны и всем знакомы. Символы Вэр и Потент здесь стали менее декоративными и изобразительными. Фер и Пломб были выбраны на роль дополняющих число металлов до четверки по причине их односложности.

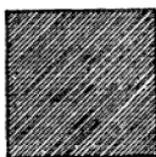
25. Когда какая бы то ни было репрезентация положения вещей — состоящая в применимости данного описания к некоему индивиду (или ограниченному набору индивидов), никак по-иному не означенному, — начертана, Модус Тинктуры той провинции, на которой она

ТИНКТУРЫ

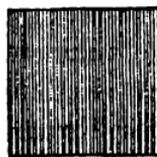
ЦВЕТА

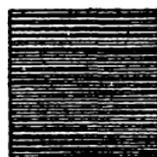
Азюр

Гюль

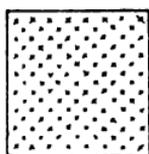

Верт

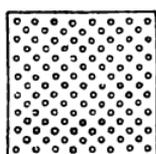

Пурпур

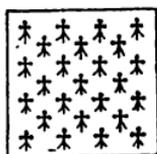
МЕХА

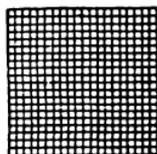
Савль

Эрмин

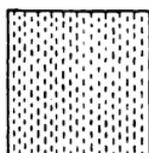

Вэр

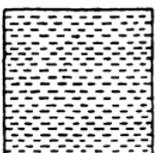

Потент

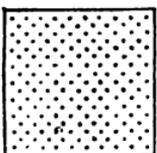
МЕТАЛЛА

Аржент

Ор

Фер

Пломб

Рис. 1

начертана, показывает, какой Модус Бытия следует утвердительно или отрицательно приписать описанному положению вещей: Возможность, когда употребляется Цвет; Намерение (Intention), на которое указывает Мех; или Действительность, демонстрируемую при помощи Металла. Отдельно можно детерминировать соответствие между частными разновидностями трех указанных родов Модальности и частными разновидностями тинктур, входящих в тот или иной класс. Наконец, Модус Тинктуры Пограничья может детерминировать то, как следует понимать Полный Граф — как Вопросительный, Повелительный или Изъявительный (Indicative).

26. *Конвенция Третья: Относительно Областей, огороженных пределами Фемического Полотна, но отделенных от него (Of the Areas enclosed within, but severed from, the Phemic Sheet)*. Следует вообразить, что Фемическое полотно лежит на более гладкой из двух поверхностей или сторон Листа (Leaf), каковая сторона будет называться *recto* и состоять из поверхности этой стороны настолько, насколько последняя непрерывна с Пограничем. Остальные части *recto* могут быть зрительно предъявлены (*exposed*).¹ Всякая Граф-инстанция на Фемическом Полотне устанавливается (*posited*) безусловно (если только на условие не будет указывать — по соглашению между Графистом и Интерпретатором — Тинктура его собственной Провинции или Пограничья), причем всякая Граф-инстанция на *recto* устанавливается утвердительно и — если она недетерминирована — неопределенно <т. е. в любом месте>.

27. Если Графист пожелает сделать отрицание Графа (*to negative a Graph*), он должен начертать его на *verso* и далее произвести *Надрез (Cut)* в Полотне, полностью опоясывающий отрицаемую Граф-инстанцию, чтобы затем перевернуть вырезанный кусок с целью *предъявить* его (куска) более грубую поверхность, содержащую уже негативированную Граф-инстанцию. Данное переворачивание вырезанного куска следует мыслить как неотделимую часть операции совершения *Надреза*.² Если отрицаемый Граф включает Надрез, то дважды негативированный Граф внутри этого Надреза должен быть начертан на *recto* и т. д. Часть предъявленной поверхности, которая непрерывна с частью, близко прилегающей к (*just outside of*) Надрезу, называется *Местом Надреза (Place of the Cut)*. Надрез это не Граф и не Граф-инстанция, однако Надрез, предъявленный вместе со всем им огораживаемым, будучи назван Огораживанием (*Enclosure*),

¹ <См. п. 28.>

² Мне хотелось бы сказать, что отрицание осуществляется только переворачиванием, а Надрез лишь отсекает лежащий внутри него Граф от утверждения об Универсуме, к которому отправляет Фемическое Полотно. Однако в данном случае это не единственно возможная точка зрения, и сейчас было бы поспешно вставить на нее со всей определенностью.

должен мыслиться как Инстанция Графа, начертанная на Месте Надреза, которое также будет называться *Местом Огораживания*. Поверхность внутри Надреза, непрерывная с частями, находящимися сразу внутри него (*just within it*), будет называться *Областью* (*Area*) как Надреза, так и Огораживания; так же и часть *recto*, непрерывная с Пограничем (т. е. Фемическое Полотно), будет называться *Областью*, а именно *Областью Границы* (*Border*). Совокупность (*Copulate*) всего начертанного на какой-либо одной *Области* — включая Графы, Инстанциями которого будут те Огораживания, чьим *Местом* будет эта *Область*, — будет называться *Полным* (*Entire*) *Графом* этой *Области*; любая же часть *Полного Графа*, связанная или несвязанная (*disconnected*) графически с остальными его частями, будет, при условии что она могла бы быть *Полным Графом Полотна*, называться *Частичным Графом* этой *Области*.

28. Надрезов может быть любое количество — один в другом (*Область* первого становится *Местом* следующего), — и поскольку *Область* каждого из них будет на стороне листа, противоположной его *Месту*, из этого следует, что могут быть *предъявлены recto-Области*, которые не суть части Фемического Полотна <т. е. *предъявленная recto-Область*, получившаяся в результате, например, двойного отрицания, не будет частью Фемического полотна, ибо не будет непрерывна с Пограничем>. Всякая *Граф-инстанция*, лежащая на *recto-Области*, хотя всегда есть утвердительно установленная, однако лишь условно утвердительно — в зависимости от того, что может обозначаться *Графом* на *Месте* того *Надреза*, *Область* которого есть эта самая *recto-Область*. (Из этого следует, во-первых, что *Графы*, которые находятся на *Областях* разных находящихся на *verso-Месте* Огораживаний, окажутся утверждаемыми (*affirmed*) лишь поочередно (*alternately*) <т. е. дизъюнктивно>, а во-вторых, что если отрицается только *Полный Граф* *Области* находящегося на *recto-Месте* Огораживания, но не разные его *Частичные Графы* (если только они не отрицаются поочередно), то *Полные Графы* *Областей* тех Огораживаний, что находятся на одном *recto-Месте*, будут отрицаться совокупно <т. е. конъюнктивно>.)

29. Всякая Граф-инстанция должна лежать на одной Области,¹ хотя некое Огораживание может быть ее частью. Граф-инстанции на разных Облaстях нельзя рассматривать или называть — как бы широко не употреблялось это слово в речи — Частями одной Граф-инстанции, как, впрочем, и Инстанциями Частей одного Графа. Только лежащие на одной Области Граф-инстанции могут называться Частями одной Граф-инстанции (причем только той, что лежит на этой же самой Области) — ведь хотя Полный Граф Области некоего огораживания называется *Графом Огораживания*, он не есть часть этого Огораживания и связан с ним только через посредство отрицания.

30. *Конвенция Четвертая: Относительно Знаков Индивидов и Тождества Индивидов (Concerning Signs of Individuals and of Individual Identity)*. Единичная точка (dot) (не слишком мелкая) или единичное скопление примыкающих друг к другу (contiguous) и достаточно больших точек (форма какового скопления может быть линией или поверхностью), будучи помещенной на любую предъявленную Облaсть, будет отсылать к единичному члену того Универсума, к которому отсылает Тинктура этой Области, — хотя не будет, благодаря такому помещению, отсылать к какому-либо одному определенному члену этого Универсума. Не следует забывать, однако, что отдельные точки (или отдельные агрегаты точек) не обязательно будут денотировать разные Объекты.

31. Под *ремой (rheme)*, или *предикатом*, здесь будет иметься в виду пустая (blank) форма пропозиции. Эта форма есть результат замены каждой из некоторых частей пропозиции *пробелом (blank)*, причем замененные

¹ Ибо, конечно же, Граф-инстанция должна быть на одном полотне, и будь одна ее часть на *recto*, а другая — на *verso*, сама она не лежала бы на одном непрерывном полотне. С другой стороны, Граф-инстанция вполне может быть распространена от одной Провинции на другую, и даже от одного *Царства* (того, что имеет один Модус Тинктуры) на другое. Так, Пятно «— находится в отношении — к —» может, если это отношение есть отношение существующего объекта к своей цели, иметь первую Вершину на Металле, вторую — на Цвете, третью — на Мехе.

части таковы, что если каждый пробел заполнить собственным именем, то будет заново составлена некая пропозиция (сколь угодно бессмысленная). Обычный предикат, анализ которого нет необходимости репрезентировать, обычно будет *написан* в сокращенной форме, имея, однако, на периферии письменной формы особую точку (point), подходящую к (appropriated to) каждому из пробелов, которые могли бы быть заполнены собственными именами. Такая письменная форма с подходящими точками (points) будет называться *Пятном (Spot)*, каждая же подходящая точка на ее периферии будет называться *Вершиной (Peg) Пятна*. Если у (at) каждой Вершины поместить жирную точку (heavy dot), Пятно станет Графом, выражающим пропозицию, каждый пробел которой будет заполнен словом (или понятием), денотирующим неопределенный индивидуальный объект, «нечто».

32. Жирная линия будет рассматриваться как континуум примыкающих друг к другу точек (dots); и поскольку примыкающие друг к другу точки денотируют единственный индивид, подобная линия без единого ответвления (without any point of branching) будет обозначать тождество индивидов, денотируемых ее окончаниями (extremities); а тип подобной неразветвляющейся линии будет Графом Тождества, любая инстанция которого (на одной области, как то и подобает каждой Граф-инстанции) будет называться *Линией Тождества*. Тип троичного разветвления (of a three-way point of) подобной линии (рис. 2) будет называться *Графом Троичного Тождества (Teridentity)* и рассматриваться как составленный из трех примыкающих друг к другу Вершин некоего Пятна Тождества. Окончание Линии Тождества, не утыкающееся в другую подобную Линию в другой области, будет называться *Свободным Концом (Loose End)*. Жирная линия, которая может как находиться в пределах одной области, так и нет (вообще не будучи поэтому Граф-инстанцией), и два окончания которой утыкаются в вершины тех или иных пятен, будет называться *Лигатурой (Ligature)*. Две линии не могут утыкаться в одну и ту же вершину, если только это не схождение (point) троичного тождества. (Это правило устанавливается с целью признания той доказуемой логической истины,

что понятие троичного тождества не есть понятие тождества. Оно есть тождество *и* тождество, однако это «и» есть отдельное (*distinct*) понятие — а именно само понятие троичного тождества.) Лигатуру, пересекающую Надрез, следует интерпретировать как не изменяющуюся в значении, путем изъятия части, пересекающей Надрез, и прикрепления к (*attaching to*) двум образовавшимся Свободным Концам двух Инстанций, носящих одно Собственное Имя, нигде более не употребляемое, — такое Собственное имя (для него послужат заглавные <латинские> буквы) будет называться *Селективом* (*Selective*).¹

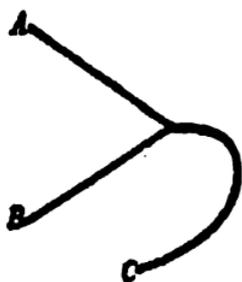

Рис. 2

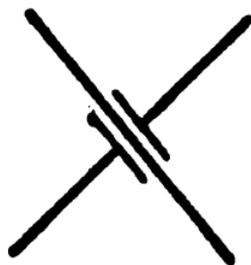

Рис. 3

¹ Существенное заблуждение, *τὸ πρῶτον ψεῦδος*, в которое вводят Селективы, и неизбежная ошибка, *τὸ πρῶτον ψεῦδος*, заключается в том, что в системе, предназначенной дать в своих зрительных формах схему логической структуры утверждений — репрезентацию, например, того утверждения, что Туллий и Цицерон были одним человеком, — они <Селективы> являют собой (*put forth*) тип образа, благодаря которому указанное утверждение не разнится в форме от утверждения, что Юлий Цезарь и Луис Сиз оба были людьми:

(есть Туллий
есть S

(есть Юлий Цезарь
есть человек

(есть S
есть Цицерон

(есть человек
есть Луис Сиз

<...> Цель Системы Экзистенциальных Графов, как она сформулирована в Прологоменах [п. 4], [заключается в том, чтобы] дать метод (1) настолько *простой*, насколько возможно (иначе говоря, с по возможности минимальным набором произволь-

Интерпретируя Селективы, часто бывает необходимо соблюдать то распространяющееся на всю Систему правило, что Интерпретация Экзистенциальных Графов должна быть *эндопоревтичной* (*endoporeutic*), то есть применимость Графа на Области некоего Надреза будет детерминирована применимостью того, что находится на Месте этого Надреза.¹

Дабы избежать взаимного пересечения Линий Тожества, может быть использован либо Селектив, либо *Мост* (*Bridge*) — воображаемый кусочек бумажной ленты, на практике изображаемый как на рис. 3.

ных конвенций), и для репрезентации пропозиций (2) настолько *иконического*, или схематического, и (3) настолько *аналитического*, насколько возможно. (Основание стремиться к этой цели было развернуто на первой дюжине страниц данной статьи.) Селективы не соответствуют ни одной из этих трех существенных системных установок. Что касается первой из них — о наибольшей достижимой простоте, — то несоответствие селектива заключается в невозможности употребить его, если он не прикреплен к Лигатуре, причем Лигатура *без Селективов* может выразить все то же самое, что выражают Селектив с Лигатурами. Вторая установка — сделать репрезентации по возможности иконическими — также не выполняется, ибо Лигатуры гораздо более иконичны, чем Селективы. Сравнение приведенных выше рисунков показывает, что Селектив может служить своей цели лишь благодаря особому, более нигде в системе не пригодному навыку (*habit*) интерпретации, а это делает его вовсе не Иконой, но Символом. (Лигатура выражает то же самое необходимо, ибо в ней Иконой так называемого «индивидуального объекта» расценивается каждая точка достаточного размера (*sizable dot*) — и это должна быть именно видимая точка, пятнышко, если Иконой индивида в строгом смысле (*strict individual*), абсолютно детерминированного во всех аспектах, мы будем рассматривать невидимую математическую точку (*mathematical point*), в нашем воображении не реализуемую.) Далее, тот факт, что для отличия Селектива от обычного одновалентного (*univalent*) Пятна требуется особая конвенция (приложение к четвертой конвенции), составляет второе отступление от желаемой простоты. Третьему компоненту идеи Системы Графов — наибольшей возможной аналитичности — Селективы противоречат по меньшей мере трижды. Дело здесь — если все обстоит именно так, как я говорю (а в этом я далее попытаюсь убедить читателей), — в том, как минимум, что единственный возможный способ составления

33. Конвенция Пятая: Относительно Связей Граф-инстанций (*Of the Connections of Graph-instances*). О двух частичных Граф-Инстанциях <т. е. Инстанциях частич-

Понятий лишь в одной сомнительной частности отличается от того, как, в соответствии с установившейся теорией этой науки, составлены так называемые «вещества» («substances») — т. е. виды (species) — Органической Химии. (Упомянутая частности такова: тогда как разные союзы (bonds) и вершины Пятен Графов разнятся, соответствующие компоненты в химических атомах, как полагают, подобны. С одной стороны, однако, более близкий к окончательному (more nearly ultimate) анализ Понятий, возможно, показал бы — как, по-видимому, думает Кемпе (Kempe) в своей «Записке о теории Математической Формы» («A Memoir on the theory of Mathematical Form») [*Philosophical Transactions of the Royal Society*. V. 177. P. 1-70, 1886], — что все вершины простых понятий подобны друг другу. С другой стороны, кажется, что атом углерода оказывается единственным атомом, в пользу полного подобия чьих союзов положительно и во многих случаях свидетельствует очевидность. В случае азота, например, две из пяти его валентностей кажутся столь разнящимися в своем качестве от остальных, что это наводит на мысль о возможности разницы и между индивидуальными союзами. И если такая разница была бы между разными союзами атомов вообще, то, по очевидным вероятным причинам, мы не смогли бы открыть эти союзы при нынешнем состоянии химии. Рассматривая этот вопрос с точки зрения Томсоновых (Thomson's) корпускул, можно сказать, что возможность для свободных электронов выполнять одну и ту же функцию кажется очень маловероятной.) Будь это так, факт возможности получить из сложения двух или более данных понятий какое-то одно — без того чтобы любое из складываемых понятий было разделено на части — оказался бы исчерпывающим доказательством (conclusive proof) того, что получившееся понятие есть совокупность (compound) таким образом сложенных понятий. Этот принцип, несомненно, требует доказательств. Ибо легко подумать, что понятие скаляра (или вектора) (в кватернионах) может равно быть получено из сложения разными способами понятий тензора и версора, и что в то же самое время понятие тензора (или версора) может, в свою очередь, быть получено из сложения разными способами понятий скаляра и вектора — и таким образом, получится, что ни одно из данных четырех понятий не более составное, чем остальные три. Будь подобное воззрение получено точным анализом — а оно, несомненно, не таково, — открылось бы коренная несоизме-

ных Графов> говорят, что они индивидуально и напря-
мую связаны, если и только если в Полном Графе <ко-
торого упомянутые Графы есть части> один индивид де-

римось между составом понятий и составом химических ви-
дов. Однако переворот в устоявшихся логических учениях,
наверняка бы этому воспоследовавший, был бы столь серье-
зен, что сейчас будет безосновательным (*unwarrantable*) *ничем*
не вызванное допущение — допущение, что должно показать
только дальнейшее исследование. А оно покажет, что доступ-
ная нам очевидность решительно свидетельствует в пользу того,
что Понятия могут составляться только через определенные
«вершины». Первый аспект, в котором Селективы оказываются
не столь аналитичными, сколь могли — и, следовательно,
должны — были бы быть, относится к репрезентации тожде-
ства. В приведенном выше рисунке тождество двух S выраже-
но лишь символически. ...Хотя иконически они выглядят не
более чем сосуществующими, благодаря особой конвенции они
интерпретируются как тождественные. Но тождество это не
вопрос (*matter*) интерпретации — то есть логической глуби-
ны, — а утверждение единства Объекта, то есть утверждение,
касающееся логической широты. Два S суть инстанции одного
символа, и притом — такой особенной разновидности, что они
интерпретируются как *обозначающие* — а не просто *деноти-
рующие* — один индивид. Никакого анализа тождества мы
здесь не видим. Видя этот рисунок, мы по меньшей мере уве-
ренно предполагаем, что (*The suggestion, at least, is, quite*
decidedly, that) тождество есть отношение простое. Линия же
тождества, которой можно было заменить селективы, совер-
шенно явно репрезентирует принадлежность Тождества роду
Непрерывности и виду Линейной Непрерывности. И если взять
Систему Экзистенциальных Графов, то Иконой какой разно-
видности Линейной Непрерывности жирная линия оказывае-
тся в еще большей мере? Задавшись целью достоверно это вы-
яснить, противопоставим Иконичность линии и поверхности
Фемического Полотна. Непрерывность указанной поверхно-
сти, имея два измерения и будучи поэтому множественной
(*polyadic*), должна репрезентировать внешнюю непрерывность
и особенно — непрерывность опытной видимости (*experiential*
apparence). Более того, Фемическое Полотно иконизирует Уни-
версум Дискурса: оно более непосредственно репрезентирует
поле Мысли, или Умственного Опыта, а этот последний сам по
себе направлен на Универсум Дискурса и, будучи рассмотрен
как знак, денотирует его. Более того, Умственный Опыт ико-
низируется Фемическим Полотном именно в своей направлен-
ности на (*as being directed to*) этот Универсум. То есть, исходя

дается — либо безусловно, либо при каком-то условии, и либо утвердительно, либо отрицательно — Субъектом обеих этих Инстанций. Две Граф-Инстанции, связанные лигатурой, явно и определенно будут индивидуально и напрямую связанными. Находясь в одной и той же Провинции, две Граф-Инстанции тем самым явно, хотя и неопределенно, будут индивидуально и прямо связаны — ибо хотя они обе (либо одна и отрицание другой, либо отрицания и той и другой) утверждаются как истинные или ложные вместе (то есть при одних и тех же обстоятельствах, пусть эти обстоятельства формально и не определены), их придется проинтерпретировать в согласии с одной лишь природой вопроса. Две Граф-Инстанции, находящиеся не в одной Провинции, но на одном и том же Модусе Тинктуры, будут связаны только в том, что обе будут в одном и том же Универсуме. Две Граф-Инстанции, находящиеся на разных Модусах Тинктуры, будут связаны только в том, что они обе (либо одна и отрицание другой, либо отрицания и той и другой) устанавливаются по Истине (*appertaining to the Truth*). О них нельзя сказать, что они имеют какую-либо индивидуаль-

из того принципа (называемого логиками «*Nota notae <est nota rei ipsus>*»), что знак чего-либо, X, сам есть знак этого же самого X, Фемическое Полотно, репрезентируя поле внимания, репрезентирует общий объект этого внимания, т. е. Универсум Дискурса. Ввиду такого обстоятельства непрерывность Фемического Полотна в тех местах, на которые, по причине отсутствия каких-либо начертаний на них, не направлено никакое *частное* внимание, есть по возможности наиболее подходящая (*appropriate*) Икона непрерывности Универсума Дискурса (внимание к этим местам есть лишь *общее* внимание к этому Универсуму), или, иначе говоря, непрерывности опытной видимости этого Универсума — непрерывности относительно любых объектов, репрезентированных принадлежащими ему. — из «Почвы, на которой стоит Прагматизм» («*The Bedrock beneath Pragmaticism*»), ок. 1906 г., одной из многочисленных и фрагментарных рукописей, которые должны были быть, по замыслу Пирса, опубликованы вслед за настоящей статьей.

¹ <Это можно уподобить правилу скобок в алгебре и символической логике — значение заключенного в скобки детерминруется тем, что непосредственно находится за пределами этих скобок.>

ную и прямую связь. Две же Граф-Инстанции, не связанные индивидуально внутри самого внутреннего (innermost) Надреза, который содержит их обе, не могут быть связаны подобным образом вообще — всякая их связывающая лигатура не имеет значения и может быть как сделана, так и разорвана.

34. Отношения, которые не подразумевают наличия в их отдельных универсумах всех их (отношений) коррелятов, не должны выражаться Пятнами или единичными Графами¹ — хотя вообще в Системе все эти отношения выражены быть могут.

35. Теперь я перейду к тому, чтобы привести несколько иллюстрирующих метод интерпретации Экзистенциальных Графов примеров — в сопровождении *Допущений относительно Выводных Преобразований (Permissions of Illative Transformations)*, с ними совершаемых.

Внимательно изучив изложенные выше конвенции, вы обнаружите, что они суть не более чем результат, и — за исключением некоторых незначительных деталей — неизбежный результат развертывания той единственной конвенции, что если какой-либо Граф, А, утверждает реальность одного положения вещей, а другой граф, В, утверждает то же самое относительно другого положения вещей, то результат помещения на полотно вместе А и В — АВ — будет утверждать реальность обоих положений вещей. И хотя с моей первой системой Графов, описанных в т. VII «Мониста»² и теперь называемых мной *Энтитативными (Entitative) Графами*, дело обстояло иначе, принять указанный принцип меня побудил тот ряд соображений, который, в конце концов упорядочившись, позволил мне точно логически дедуцировать все характеристики Экзистенциальных Графов (исключая Тинктуры). На подробное обсуждение у меня здесь нет места — и тем не менее выводы, к которым я пришел, будут излагаться мной более или менее в том порядке, в каком они впервые заявляют о себе по ходу разбирательства.

¹ Допустимо, чтобы были такие пятна, как «обладает свойством», «находится в реальном отношении к», однако недопустимо такое пятно, как «способен помешать существованию».

² [См. «The Logic of Relatives». *The Monist*. Vol. 7 (1897). P. 161–217.]

Наиболее совершенно аналитическая система репрезентации пропозиций в первую очередь должна позволить нам разделить выводные преобразования на неразложимые части. Следовательно, в подобной системе необходимо, чтобы выводное преобразование из какой-либо пропозиции, А, в любую другую, В, состояло, во-первых, в преобразовании А в АВ, а затем — АВ в В. Ибо неразложимыми преобразованиями оказываются именно пропуск (omission) и вставка (insertion), причем единственными неразложимыми преобразованиями. То есть если А путем вставки может быть преобразовано в АВ, а АВ путем пропуска — в В, преобразование А в В раскладывается на вставку и пропуск. Соответственно, поскольку логика изначально имеет в виду аргумент и поскольку доказательность (соключенность — conclusiveness) аргумента не может быть ослаблена ни прибавлением к посылкам, ни вычитанием из заключения, я полагал необходимым взять общую форму аргумента как базовую форму составления знаков в моей системе схематизации; последняя же с необходимостью приняла форму «свитка» («scroll»), то есть (см. рис. 4, 5, 6) не имеющей резких сгибов кривой линии, возвращающейся, после единственного пересечения с самой собой, в саму же себя и образующей внешний и внутренний огороженные участки («close»). Внешнюю границу я буду называть *Стеной*, а внутреннюю — *Изгородью*. Итак, во внешней части я начертил Антецедент Условной Пропозиции *de inesse*, а во внутренней — ее Консеквент. Для этой цели свиток был выбран мной вовсе не наугад, но в результате экспериментов и рассуждений, заставивших меня увидеть, что именно он оказывается наиболее верной Схемой указанной Пропозиции. Когда эта форма была получена, ее логически неизбежное разворачивание стремительно привело меня к Системе Экзистенциальных Графов. Говоря конкретно: согласно идее свитка, рис. 4, например, должен был бы утверждать, что если А истинно (при действительных обстоятельствах), то С и D оба истинны. Это оправдывает изображенное на рис. 5: если А и В истинны, то истинны и С и D — вне зависимости от того, что может утверждать В, ибо позволено делать любую вставку во внешней участке и любой пропуск во

внутреннем. Применив первую часть этого правила к рис. 6, мы видим: данный свиток с пустым внешним

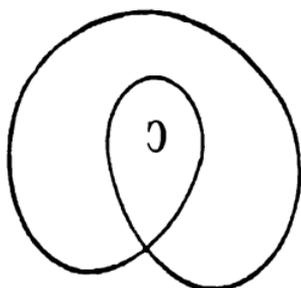

Рис. 4

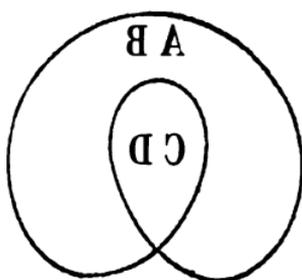

Рис. 5

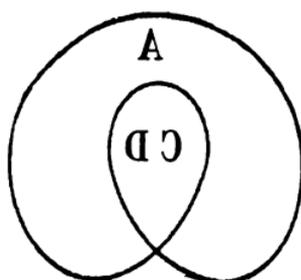

Рис. 6

участком оправдывает то утверждение, что если истинно все что угодно (no matter what be true), С истинно в любом случае — две ограды свитка, когда между ними ничего нет, совпадают, взаимоуничтожаются, и содержимое внутреннего участка, будучи утвержденным, остается стоять в открытом поле. Если же, согласно допущению, содержимым внутреннего свитка было CD, то останутся эти двое, оба утвержденные — благодаря какому обстоятельству мы возвращаемся к тому принципу, что написание вместе утверждений (affirmations) на открытом полотне утверждает (asserts) их оба. Теперь же, Читатель, если только вы возьмете карандаш и бумагу, и, начертав свиток, выражающий: если А истинно, то истинно, что если В истинно, то истинны С и D, сравните полученное с рис. 5, который по значению равносителен тому же самому, вы увидите, что ограды, между которых ничего нет, взаимоуничтожаются, даже если они принадлежат разным свиткам — и далее, что свиток есть не что иное, как один овал внутри другого. Поскольку же Условная Пропозиция *de inesse* (в отличие от других условных пропозиций) утверждает (affirms) лишь либо ложность ее антецедента, либо истинность консеквента, то из этого само собой следует, что будь первая из указанных возможностей устранена начертанием в овале только антецедента (могущего быть любой пропозици-

ей), этот antecedent тем самым окажется отрицаемым.¹ Употребление жирной линии как соединения, обозначающего тождество, неизбежно, а поскольку рис. 7 должен значить, что если что-либо есть человек, это что-либо смертно, из этого будет следовать, что рис. 8 должен значить «Нечто есть человек».

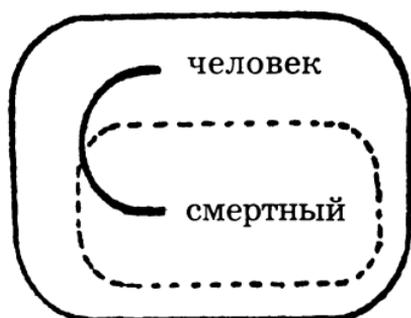

Рис. 7

человек —————

Рис. 8

¹ Я могу сделать этот зачерненный (blackened) Внутренний Участок сколь угодно малым, лишь бы я мог видеть — своим телесным или умственным глазом, — что он наличествует. Могу ли я умалить его до полной невидимости, невидимости даже для моего умственного глаза? «Нет, — скажете вы, — ибо тогда он вообще не будет начертан». Вы правы. И все же, поскольку для моей души может быть полезна исповедь и поскольку для вас будет полезно узнать, сколь похожи занимающиеся рассуждениями о логике на ходящих по скользкому льду (столь похожи, что я нередко высказывал такого рода мнение: в так называемое «логическое заблуждение» («logical fallacy») не впадает никто (или почти никто) кроме логиков, но зато уж эти сваливаются в него беспрерывно), моим долгом будет указать на одну ошибку. А именно: на предположение, что раз зачерненный Внутренний Участок может быть неопределенно малым, от него можно вовсе избавиться как от бесконечно малого (infinitesimal). Именно оно заставило меня сказать, что Надрез вокруг Граф-инстанции в результате отрицает ее. Я беру свои слова назад: Надрез отрицал бы ее, лишь если бы огораживал пятнышко (blot), сколь угодно маленькое, иконически репрезентирующее зачерненный Внутренний Участок. Я был частично введен в заблуждение тем фактом, что в Условной Пропозиции *de inesse* Надрез может рассмат-

36. Из сказанного очевидно первое допущение относительно выводных трансформаций:

Первое Допущение, называемое «Правилом Удаления и Вставки». Любая Граф-Инстанция может быть удалена из любой recto-Области (причем в эту операцию может включаться и разрыв любой Линии Тождества), и любая Граф-Инстанция может быть вставлена в любую verso-Область (включая в себя как Граф-Инстан-

риваться как отрицающий содержимое собственной Области. Это истинно лишь тогда, когда на Месте <Надреза> находится весь Свиток. Однако это не доказывает, что Надрез в отсутствие Внутреннего Участка действует подобным образом. Наоборот, просто Надрез — огораживающий только А и пробел (пустое место — blank) — говорит лишь: «Если А», или «Если А, то» и на этом останавливается. Если что? — спросите вы. Он не говорит этого. Вероятно, «То нечто следует»? — но и здесь нет никакого утверждения (affirmation). Это тоже можно доказать — ибо если мы начертаем на Фемическом Полотне Граф, выражающий «Если А истинно, Нечто истинно», мы будем иметь Свиток лишь с А во Внешнем Участке, и ни с чем кроме Пробела во Внутреннем. Но этот Пробел есть Повторение (an Iterate of) Пробел-инстанции, которая всегда присутствует на Фемическом Полотне и поэтому может быть, согласно правилу, отменена в своем повторении посредством удаления Пробела во внутреннем участке. Это *сделает* то, чего не сделает наше пятнышко, а именно: это *станет* причиной уничтожения (collapse) Внутреннего Участка и таким образом оставит А внутри одного лишь надреза. Таким образом мы видим, что обозначение Графа А, огороженного только одним, не содержащим ничего более кроме Пробела Надрезом, никак не отличается от подразумеваемого пропозицией «Если А истинно, Нечто истинно». Когда мне было двадцать с чем-то лет и я еще не пришел к полному осознанию собственных невероятных способностей к логическому заблуждению, с каким презрением я думал о том, как Гегель путает Бытие и Пустое (Blank) Ничто на том лишь основании, что первое имеет форму лишенного содержания (matter) предиката! И вот я теперь я, посвятивший изучению точной логики больше лет, чем, вероятно, Гегель — часов, повторяю точно ту же самую ошибку! Уверяю, Читатель, я скрыл бы от вас мой промах (хотя бы из тщеславия), не будь мне так «на руку» — и, по сути дела, необходимо — выставить его напоказ. — из «Экземпляра Т» («Сору Т»), ок. 1906 г., одной из многочисленных и фрагментарных рукописей, которые должны были быть, по замыслу Пирса, опубликованы вслед за настоящей статьей.

цию соединение любых двух Линий Тождества или Разветвлений (Points) Троичного Тождества).

37. Справедливость следующего допущения изучающие любую форму Логической Алгебры уяснят мгновенно, для остальных это тоже не составит большого труда:

Второе Допущение, называемое «Правило Повторения и Отмены Повторения (Iteration and Deiteration)». Любой Граф, начертанный на любой Области, может быть Повторен в этой Области (или в любой другой Области, включенной в эту), а также (если уже Повторен) Отменен — посредством его удаления из указанного — в своем Повторении. Сказанное подразумевает Допущение произвольного искажения (distort) линии Тождества.

Рис. 9

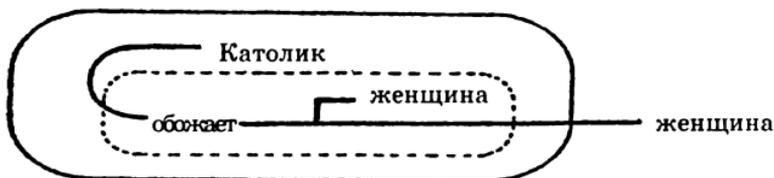

Рис. 10

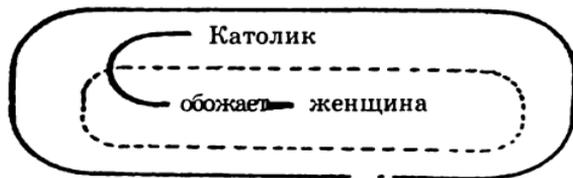

Рис. 11

Повторить Граф значит начертать его вновь, соединяя при этом Лигатурами всякую Вершину новой Инстанции с соответствующей Вершиной Первоначальной Инстанции. *Отменить Граф в повторении* значит изъять вторую его Инстанцию, каждая Вершина которой соеди-

нена Лигатурой с <соответствующей Вершиной> первой. Область называют *включенной* в другую в том и только том случае, когда включающая Область либо есть то же, что включенная, либо есть Область Надреза, Место которого необходимо, в согласии с этим определением, оказывается Областью *включенной*. По этому Допущению, рис. 9 может быть преобразован в рис. 10 и затем, по Допущению №1 — в рис. 11.

38. Теперь мы пришли к Третьему Допущению. Хотя моя его формулировка верна (*valid*), достаточна и удобна на практике, все же его нельзя принять за недедущируемое — нельзя на том основании, что после удаления Свитка оно позволяет нам рассматривать Внутренний участок как часть той Области, на которой Свиток находится. Оно не будет в строгом смысле ни Вставкой, ни Удалением — а ведь совершенно аналитическая Система Допущений должна допускать только неразложимые операции Вставки и Удаления просто выражаемых Графов. Более научным было бы заменить Второе и Третье Допущение одним, а именно:

*Если некая Область Y и некая Область Ω , соотносятся любым из следующих способов: (1) Если Y и Ω суть одна Область; (2) Если Ω есть Область Огораживания, Место которого есть Y ; (3) если Ω есть Область Огораживания, и Место последнего есть Область того еще одного Огораживания, Место которого есть Y ; (4) если Ω есть Место Огораживания, Область которого <Огораживания> пуста (*is vacant*), за исключением того случая, когда она (Ω) есть Место Огораживания, Область которого <Огораживания> есть Y , а также того случая, когда она (Ω) может содержать лигатуры, отождествляющие <некоторые> Вершины Ω и <некоторые> Вершины Y ; то, если Ω будет recto-Областью, любой простой Граф, уже начертанный на Y , может быть повторен на Ω — тогда как если Ω будет verso-Областью, любой Граф, уже начертанный на Y и повторенный на Ω , может быть отменен в своем повторении путем удаления или устранения (*being abolished*) из Ω .*

Эти два правила (относительно Удаления и Вставки и относительно Повторения и Отмены Повторения) суть

по существу всё, что необходимо для недедущулируемых Допущений — все остальные правила суть либо их Следствия, либо Объяснения. Будет лишь необходимо, чтобы это было истинно, принять, что все недоказываемые (недемонстрируемые — *indemonstrable*) импликации Пробела с самого начала были начертаны на отдаленных частях Фемического Полотна, на любых частях которого, следовательно, они с тех пор могут быть по желанию повторены. Я не стану приводить списка этих импликаций, поскольку он мог бы служить лишь для предостережения начинающих, что не включенные в него необходимые пропозиции дедущулируемы из других допущений. Я всего лишь отмечу два принципа, пренебрежение которыми может привести к затруднениям. Один из них заключается в том, что физически невозможно удалить Пробел (то есть попросту избавиться от него), который находится в какой-либо содержащей Пробел Области — причем неважно, содержит она только Пробел или дополнительно к нему какие-то Граф-Инстанции. Тем не менее мы можем принять, что один и только один Граф, Инстанция которого целиком, не оставляя Пробела, заполняет Область, есть. Второй принцип заключается в том, что поскольку Точка (*Dot*) попросту утверждает (*affirms*), что некоторый индивидуальный объект существует и поэтому есть лишь одна из импликаций Пробела, она может быть вставлена в любую Область. А поскольку Точка вне зависимости от размера будет обозначать одну и ту же вещь, она может рассматриваться как Огораживание, чья Область заполнена Инстанцией — и это будет Инстанция того самого единственного исключяющего Пробел Графа. Последний, будучи, таким образом, отрицаем Точкой, может быть истолкован как единственно абсурдный (*the absurd*) Граф, а его обозначение можно сформулировать как «Все что угодно истинно». Абсурдный Граф также может принять форму Огораживания, чья Область целиком Пуста (*Blank*) или огораживает всего лишь некоторую Инстанцию имплицулируемого Пробелом Графа. Эти два принципа позволят Графисту проложить себе путь сквозь некоторые Преобразования, которые иначе могли бы показаться парадоксальными и абсурдными.

Третье Допущение, называемое «Правило Двойного Надреза». Два Надреза, один в другом, между которых либо ничего нет, либо есть лишь Лигатуры, проходящие извне внешнего Надреза вовнутрь внутреннего, могут быть произведены или устранены на любой Области.

39. Рассмотрим теперь Интерпретацию указанных Лигатур. Для этого я, во-первых, отмечу, что Полный Граф любой *recto*-Области есть целиком частная и утвердительная Пропозиция или Совокупность таких Пропозиций. Говоря «целиком частная», я имею в виду «такая, что все ее Субъекты суть неозначенные индивиды». Полный Граф любой *verso*-Области есть целиком общая отрицательная пропозиция или дизъюнкция таких пропозиций.

Для впервые слышащего некое Собственное Имя произнесенным, последнее есть лишь имя, сказываемое, как обычно можно догадаться, о существующем, или по меньшей мере исторически существующем индивидуальном объекте, о котором или о ком услышавший почти всегда способен собрать некоторую дополнительную информацию. Когда то же имя произносится во второй раз, для этого услышавшего оно гораздо более определено, и почти всякий раз, услышав его вновь, услышавший будет все более знаком с именуемым объектом. Хотя Селектив есть Собственное Имя, впервые встречающееся Интерпретатору, оно всегда встречается дважды, и обычно

— на разных областях. Что же касается Интерпретации в данном случае, то она, согласно Конвенции №3, должна быть Эндопоревтичной — самое внешнее местоположение (occurrence) Имени есть самое раннее <с точки зрения

хода интерпретации — т. е. более внешнее детерминирует более внутреннее>.

40. Проанализируем теперь интерпретацию Лигатуры, проходящей через Надрез. Возьмем, например, Граф на рис. 12. Частичный Граф на Месте Надреза утверждает

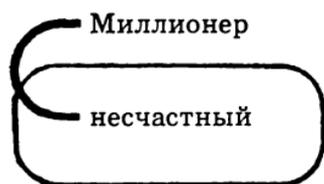

Рис. 12

ет (asserts), что существует индивид, денотируемый окончанием линии тождества на Надрезе, и этот индивид — миллионер. Назовем его С. Тогда, поскольку примыкающие друг к другу точки денотируют один и тот же индивидуальный объект, окончание линии тождества на Области надреза также будет С, и Частичный Граф на этой Области будет утверждать, что любой произвольно выбранный Интерпретатором индивид либо не С, либо не несчастен. Итак, Полный Граф утверждает (affirms), что существует миллионер, который не несчастен. Далее, если Огораживание лежит в одной с «миллионером» Аржент-Провинции, то утверждается (affirmed), что бытие этого индивида миллионером связано (*is connected*) с его не бытием не несчастным. Данный пример показывает: Графисту допустимо продлевать любую Линию Тождества на *recto*-Области так, чтобы довести ее конец до любого Надреза на этой области. Теперь проинтерпретируем рис. 13. Оно очевидно утверждает (asserts), что существует турок, который есть одновременно муж Индивида,

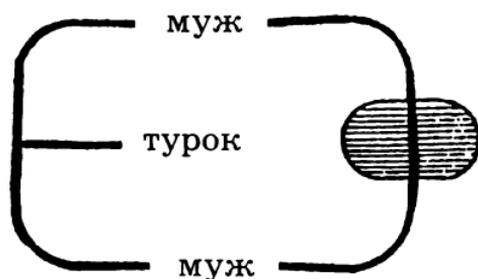

Рис. 13

денотируемого точкой (point) на Надрезе (назовем этот индивид U), и муж Индивида (назовем его V), денотируемого другой точкой на Надрезе. Граф на Области этого надреза будет гласить, что любой выбранный Интерпретатором Индивид либо не есть и не может быть U, либо не есть и не может быть V. Полный Граф, таким образом, будет утверждать (affirm), что есть существующий турок, который приходится мужем двум существующим лицам; «муж» же, «турок» и огораживание, находящиеся в одной Аржент-провинции (хотя *Область* этого Огораживания лежит на цвете и поэтому отрицает *возможность* тождества U и V), — все четыре сказывания истинны *вместе*, то есть истинны при одних и тех же об-

стоятельствах, каковы, если о них как-либо встанет вопрос, могут быть определены специальной конвенцией. Дабы проиллюстрировать это, я теперь начертаю рис. 14

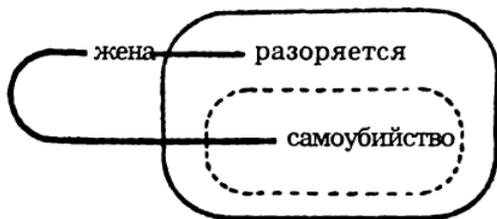

Рис. 14

целиком в одной провинции. Он может быть истолкован так: «Есть некоторая замужняя женщина, которая совершит самоубийство в случае, если ее муж разорится». Это высказывание очевидно выходит за пределы высказывания

«Если всякий женатый мужчина разорится, то некоторая замужняя женщина совершит самоубийство». И все же отметьте, что поскольку Граф лежит на Металле, он утверждает (affirms) условную пропозицию *de inesse* и значит лишь: «Есть некая замужняя женщина, и либо ее муж не разоряется, либо она совершает самоубийство». По крайней мере именно это, как кажется, он будет значить, если мы не возьмем в расчет тот факт, что здесь — весь Граф лежит в одной Провинции — также говорится: ее самоубийство *связано* с его разорением. Пренебрегите этим, и пропозиция будет лишь отрицанием той пропозиции, что «Тогда как всякий женатый мужчина разоряется, ни одна замужняя женщина не совершает самоубийства». Согласно принципу логики, сказать, что есть некоторый один индивид, относительно которого истинен один или другой из двух предикатов, есть то же, что сказать, что либо есть некоторый индивид, относительно которого истинен один из предикатов, либо есть некоторый индивид, относительно которого истинен другой. Формулируя же данный принцип как выводное допущение Системы Экзистенциальный Графов, получим:

Четвертое Допущение. Если Область малейшего Надреза, который целиком содержит связывающую два Графа в разных Провинциях Лигатуру, лежит на стороне Листа, противоположной той, на которой лежит Область малейшего Надреза, содержащего оба эти графа,

то — в том, что касается этих двух Графов — указанная Лигатура может быть произвольно проведена или разорвана.¹

41. Еще одно несколько курьезное затруднение относительно лигатур заключается в том, чтобы сказать, посредством какого принципа оказывается истинно — а это очевидно истинно, — что прохождение лигатур извне внешнего из двух Надрезов вовнутрь внутреннего не мешает этим Надрезам (если между ними нет никакой другой Граф-Инстанции) взаимоуничтожаться. Достаточно небольшого исследования, чтобы увидеть: данное обстоятельство, возможно, зависит от того, что там, где они пересекают Надрез, лигатуры заменяются Селективными, а Селектив всегда, встречаясь впервые (at its first occurrence), оказывается новым предикатом. Принцип Логики гласит, что вводящий новый предикат имеет право утверждать относительно него все что угодно без каких-либо ограничений — если только тем самым не подразумевается утверждения относительно чего-либо еще. Увидеть, как этот принцип объясняет взаимоуничтожение двух Надрезов, я оставляю вам, Читатель. Другим решением этого затруднения, не зависящим от такого ненужного приспособления, как Селективы, будет еще раз сформулировать Правило Повторения и Отмены Повторения — оно допускает, что Граф Внутреннего Участка может быть тут же повторен на Фемическом Полотне. Можно выбрать одно или другое решение этого затруднения.

42. Система Экзистенциальных Графов, теперь мной достаточно — или в меру моего знания о том, как это сделать (оставляя другим дальнейшее ее совершенствование) — описанная, значительно облегчает решение проблем Логики. Это ей удастся, как будет видно из следующей статьи, благодаря не каким-то загадочным свойствам, но благодаря простой замене употребляемых для репрезентации логических проблем символов на конкретные визуальные фигуры. О последних нам необходимо сказать лишь, допускают ли они некоторые описуе-

¹ [В письме к Ф. А. Вудсу (F. F. Woods), 1913, Пирс скептически отозвался об универсальной применимости этого допущения.]

мые отношения их частей или нет. Схематическое рассуждение есть единственное реально плодотворное рассуждение. Если бы только логики приняли этот метод на вооружение, мы больше не становились бы свидетелями попыток основать их науку на хрупком фундаменте метафизики или психологии (самых по себе на логической теории не базирующихся), но в скором времени стали бы свидетелями такого развития логики, что всякая наука почувствовала бы на себе его результаты.

Конечно же, эта Система может быть применена <не только к построению, но и> к анализу рассуждений. Так, для разделения силлогистического вывода «Любой человек был бы животным, и любое животное оказалось бы смертным; следовательно, любой человек оказался бы смертным», его Посылки будут начертаны сначала как на рис. 15. Затем, по правилу Повторения, первое вы-

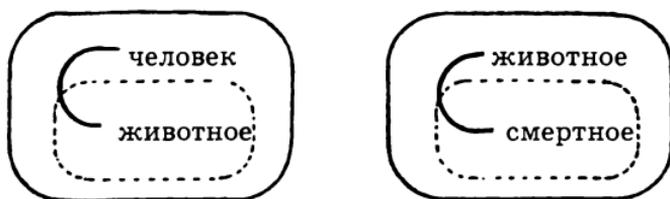

Рис. 15

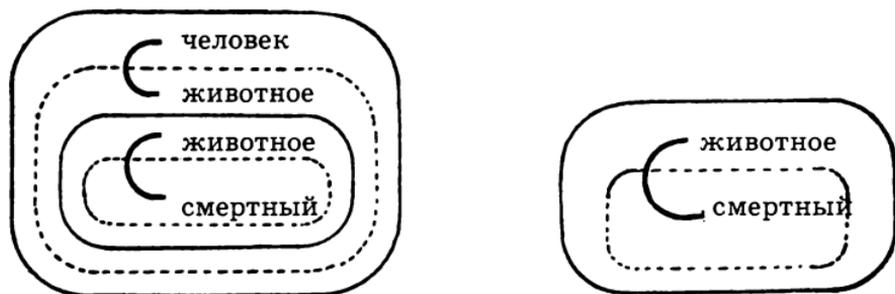

Рис. 16

водное преобразование даст рис. 16. Далее, в согласии с допустимостью изъятия из *recto*-Области, второй шаг даст рис. 17. Затем, в согласии с допустимостью деформирования линии Тождества на *recto*-Области, третий шаг даст

рис. 18. Далее, в согласии с допустимостью вставки в *verso*-Область, четвертый шаг даст рис. 19. Далее, Отменной Повторения, пятый шаг даст рис. 20. Далее, взаимоничтожением двух Надрезов, шестой шаг даст рис. 21; и наконец, пропуском в *recto*-Области, седьмой шаг даст заключение, рис. 22. Этот анализ мог бы быть глубже,

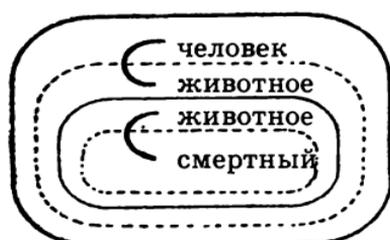

Рис. 17

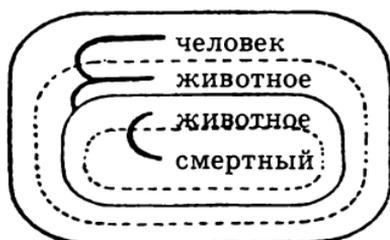

Рис. 18

Рис. 19

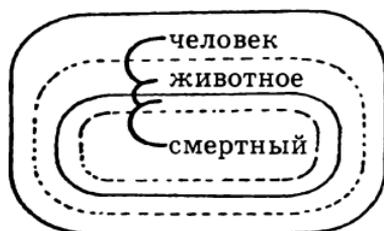

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

если бы мы применили Правило Повторения и Отмены Повторения, увеличив число отчетливых шагов вывода до девяти и показав, насколько сложен такой процесс как получение силлогистического заключения. С другой стороны, вряд ли нужно говорить, что для преобразований будет создано множество *дедуцируемых* допущений, посредством которых даже более сложные, чем силлогизм,

выводы могут быть осуществлены одним движением руки. Как бы то ни было, для решения того рода проблем, который состоит в получении заключения и удостоверения его правильности, данная система не особенно приспособлена. Истинная же польза от нее состоит в том, что она помогает — поддерживая ум путем предоставления ему конкретных схем, на которых следует экспериментировать, — в решении наиболее сложных проблем логической теории.

43. Я упомянул на одной из первых страниц этой статьи, что данная Система приводит к понятиям Пропозиции и Аргумента, которые разнятся от того традиционного воззрения, что Пропозиция составлена из Имен, а Аргумент — из Пропозиций. Причем вопросом незначительных деталей становится смысл, в котором мы берем Аргумент: как Средний Термин, как Совокупность объединенных связкой Посылок, как выдвижение (*setting forth*) Посылок и Заключения, или как репрезентация того, что реальные факты, утверждаемые (*affirmed*) посылками, (совместно, может быть, со способом, которым эти факты оказались предъявленными нам (*have come to light*)) логически обозначают истинность Заключения. В любом случае, когда Аргумент предъявлен нам (*is brought before us*), мы становимся способны заметить (и это ясно видно в Выводных Преобразованиях Графов) процесс, посредством которого Посылки дают Заключение — причем не сообщают Интерпретатору об Истинности последнего, но апеллируют к нему за ее признанием (*to assent thereto*). И этот Процесс Преобразования, который очевидно есть самое существо дела, построен из Пропозиций не более чем движение построено из положений (*positions*). Логическое отношение Заключения к Посылкам могло бы было быть утверждено. Однако не это был бы Аргумент — по существу понять Аргумент как репрезентирующий репрезентируемое им (*as representing what it represents*) можно лишь в силу логической привычки, которая привела бы любого логически мыслящего (*logical*) Интерпретатора к признанию (*assent*) этого Аргумента. Мы можем выразить это так: Конечный (или квази-предполагаемый (*quasi-intended*)) Интерпретант Аргумента репрезентирует его Символом своего Объекта

(represents it as representing its Object after the manner of a Symbol). Аналогично: отношение Предиката к Субъекту, которое в Пропозиции *постулируется* (*stated*), могло бы быть в Термине попросту описано. Однако сущность Пропозиции в том, что она, так сказать, предполагает (*intends*) рассмотрение себя как находящейся к своему Объекту в отношении существования — и, таким образом, подобной Индексу, — а потому ее утверждение должно будет рассматриваться очевидностью <свидетельствующей в пользу> факта. Утверждение и повеление, мне кажется, существенно не разнятся в отношении природы их Конечного Интерпретанта — как, впрочем, и Непосредственного, и (в аспекте их действенности) Динамического; однако это не так уж интересно. Имя, или любая Сема, всего лишь подменяет свой Объект в той или иной способности, и в этом оно целиком едино (*is all one*) с ним. Окончательный Интерпретант Имени, таким образом, репрезентирует его Иконой своего Объекта (*represents it as representing its Object after the manner of an Icon*) — благодаря одному лишь согласию в идее. Из всего сказанного явствует, что разница между Термином, Пропозицией и Аргументом никоим образом не есть разница в сложности и состоит не столько в их строении, сколько в тех целях, которым каждый из них отдельно должен (*severally intended*) послужить.

Основываясь на этом, можно сказать, что между способами возможного соединения Терминов и Аргументов и способами возможного соединения Пропозиций нет большой разницы. Вопрос о Составе Понятий всегда сопровождала некая таинственность или парадоксальность. А именно, если два понятия, А и В, должны быть соединены (*compounded*), то их композиция, как кажется, должна с необходимостью быть третьим ингредиентом, Понятием С — и то же самое затруднение возникнет относительно Составления понятий А и С. Однако Метод Экзистенциальных Графов решает эту загадку мгновенно, показывая, что насколько это касается пропозиций — и то же самое очевидно должно быть верно относительно Терминов и Аргументов, — возможен только один общий способ их Составления. А именно: каждый компонент должен быть в том или ином аспекте недетермини-

рован, и в их составлении каждый будет детерминировать другой. На *recto* это совершенно наглядно: «Некоторый человек богат» будет составлено из «Нечто есть человек» и «нечто есть богатое», а два нечто (*some things*) попросту будут в некоей мере прояснять смутность друг друга. Два одновременных независимых утверждения будут связываться тем же самым способом — ибо каждое само по себе будет смутным в отношении того, в каком Универсуме, или «Провинции», лежит его истинность, и именно в этом аспекте оба будут в какой-то мере определять друг друга. Составление Условной Пропозиции объясняется точно так же. Антецедент есть Знак, Неопределенный в отношении своего Интерпретанта; Консеквент есть Знак, Неопределенный в отношении своего Объекта. Они восполняют недостающее друг у друга. И конечно же, объяснение строения Условной Пропозиции даст объяснение и отрицанию — отрицательное (*the negative*) есть просто то, из чьей Истинности можно истинно сказать, все что угодно будет следовать *de inesse*.

В моей следующей статье я покажу, насколько пригодной может оказаться данная система схематизации мысли для вопроса об истинности Прагматизма.¹

¹ [См. сноску к п. 11.]

ПРИБЛИЖЕНИЕ К МЕТАФИЗИКЕ¹

1. Логика требует, чтобы более абстрактные науки в своем развитии упреждали науки более конкретные. Ведь конкретным наукам результаты более абстрактных наук необходимы в качестве основополагающих принципов, в то время как последние используют результаты первых только в качестве данных. И если один факт отсутствует, другие в большинстве случаев способны обеспечить нужное обобщение.

2. Все же, несмотря на это, имеется одна в высшей степени абстрактная наука, которая пребывает в прискорбно отсталом состоянии. Я имею в виду Метафизику. Нет и не может быть никакого сомнения в том, что такое незрелое состояние Метафизики сильно затрудняет развитие одной из двух важных ветвей специального знания, которую составляют Моральные Науки, или Науки о Душе. Наиболее пагубно это сказывается на развитии психологии. В силу же плачевного состояния психологии в невыгодном положении оказываются и все другие науки о душе, такие как лингвистика, антропология, социальная наука и т. д. Я равным образом сознаю, что несовершенство и ущербность метафизики причиняет почти столь же значительный вред также наукам физическим и является реальной причиной того, что все зависящее от науки об устройстве материи, даже физиология, как бы раскачивается в открытом море вдали от берегов, отдавшись на волю волн без руля и ветрил. Общим местом в объяснении плачевного состояния Метафизики является ссылка на то, что существо ее находится вне пределов достижимости человеческого познания. Однако для меня, полагаю, совершенно очевидна ошибочность подобного мнения. Отчего метафизика должна быть так трудна? Не в силу ли своей абстрактности? Но

¹ <Два отрывка взяты из рукописей 1898 и ок. 1903 гг. соответственно (СР. 6.1–6).>

чем более абстрактна наука, тем менее затруднительно ее постижение как в качестве собирающего опыт закона, так и в качестве следствия из логических принципов. Математика, наука гораздо более абстрактная, нежели метафизика, по степени своего развития намного превосходит любую из наук специальных; то же, хотя и не в столь заметной степени, истинно относительно логики. Можно попробовать объяснить непроницаемость метафизики тем, что ее объекты недоступны для наблюдения, и в отношении некоторых систем метафизики это верно вне всяких сомнений, хотя далеко не настолько, насколько полагают. Всякая наука открывает нечто недоступное для прямого наблюдения — мы не можем видеть ни энергию, ни собственно гравитацию, ни движущиеся молекулы газов, ни светоносный эфир, ни леса каменноугольного периода, ни реакции нервных окончаний. Непосредственному наблюдению доступны лишь предпосылки науки, но не ее заключения. Соответственно всякая, и даже плохая метафизика, осознанно или нет, также находит реальную опору в наблюдениях. Единственная причина того, что этот факт не признается абсолютно всеми, состоит в том, что метафизика опирается на феномены, которые пропитали собой всякий человеческий опыт настолько, что совершенно ускользают от чьего бы то ни было внимания. Данные метафизики открыты для наблюдения никак не менее, и даже много более, чем данные, скажем, такой основательно разработанной науки, как астрономия, любое сколько-нибудь важное дополнение к фактам которой требует многих десятков тысяч долларов. Думаю, теперь нам следует совсем оставить попытки объяснения плачевного состояния метафизики присущей этой науке сложностью.

3. Главной причиной такого положения дел я считаю тот факт, что ей в основном занимались теологи. Если бы это были просто христианские священники, их вмешательство в столь важное научное предприятие имело бы последствия такие же разрушительные, как если бы за метафизику взялось такое же количество денежных мешков с Уолл-Стрит, пользуясь в целях ее продвижения услугами посредников с Брод-Стрит. Непригодность как в первом случае, так и во втором объяснима неспособно-

стью этих людей представить возможность выхода за рамки личного интереса — как первая, так и вторая категория представлены людьми сугубо практическими. А человек практический совершенно не способен понять действительный смысл той или иной науки, разве что для этого он должен стать совершенным ребенком и как бы родиться заново. Ведь человек науки вырастает из юноши, который с молодых ногтей посвящает год за годом бескорыстному ее изучению. Большинство таких становится простыми учителями, и только незначительная часть впитывает самый дух науки. Человек практический имеет определенную работу, которую назначает себе довести до конца. Для этого он должен составить некий последовательный план, основываясь на той или иной теории, которую обязан полностью принять еще до того, как начать работу. Даже если стоящие перед ним практические проблемы серьезны не более чем игра в вист, когда партия состоит всего из трех раздач, он все равно должен подчинить свои действия предположению, по которому карты лягут так, что он сможет выиграть решающую взятку. Если он судья, ведущий слушание дела, оно должно в конце концов как-то решиться, как бы ни были неполны свидетельства, а поэтому он вынужден под бременем имеющихся доказательств вынести вердикт в соответствии с законом. Идея же науки в том, чтобы покрывать подножия крепостного вала истины мертвыми телами атакующих до тех пор, пока какое-нибудь из поколений будущего, ступая по ним, не сможет наконец взять цитадель. Данное различие наиболее ярко проявляет себя в том, что практический человек готов поставить не карту все, чем он дорожит, и, даже рискуя жизнью, продолжает всеми силами души верить в полезность объекта его стремлений и правильность теории, на которую он опирается в достижении цели; в то время как человек науки прежде всего стремится познать истину, ради которой готов поступиться своими преходящими убеждениями (ибо все его убеждения преходящи), желая их опровергнуть и прилагая для этого все свои силы. Вот в чем причина того, что человек, хорошо ориентированный практически, не способен успешно выполнять научную работу. Типы темперамента, необходимые для двух данных видов деятельности, совер-

шенно друг другу противоположны. Прежде всего это верно в отношении практического наставника, который не начнет работу, пока не будет совершенно уверен в том, что обладает универсальной значимости истиной, которой стремится всеми способами напитать другие умы, так, чтобы они никогда не смогли уже от нее совсем отказаться. Человек науки, обладающий подобными неколебимыми убеждениями, которых он придерживается с религиозным тщанием, не может вместе с тем желать их изменения. Другими словами, он не может стремиться узнать истину. Значит, если бы занятия метафизикой были доверены обычным приходским священникам, результат не имел бы с наукой ничего общего. Реальная же судьба ее на самом деле оказалась еще более трагична, ибо ей занялись не приходские священники, но каста теологов. В область моего исследования не входит выяснение того, сколь велик вклад теологии в идею христианства, насколько оправданным было бы считать теологические трактаты реальными инструментами, способствовавшими утверждению в душах верующих евангельского идеала, или насколько могли они, напротив, содействовать забвению христианами этой истины. Однажды мне довелось приобрести трехтомник «Христианские вероучения» (*The Creeds of Christendom*) д-ра Шаффа (Schaff), который я прочел от корки до корки с большим вниманием. Мной руководило желание найти в нем хоть одно предложение, написанное кем-либо из составивших все эти вероучения теологов, которое подразумевало бы признание принципа евангельской любви, но я так и не смог обнаружить ничего похожего. Это и понятно, ведь поскольку указанный принцип и так признан во всем христианском мире, еще одно упоминание о нем никак не послужило бы достаточной причиной для осуждения очередного грешника. Вместе с тем главная задача теологии как раз и состоит в том, чтобы заставить человека переживать малейший отказ от метафизики, которая, по ее мнению, связана с установленной верой как реальное преступление. Так или иначе, у меня нет никакого мнения о степени влияния теологии на собственно религиозное чувство, но поскольку теология претендует на то, чтобы быть наукой, мы должны рассудить, насколько оправданно говорить о теологах

именно как о людях науки. И в этом смысле я должен заметить, что никто еще не оказывал на моральные устои науки влияние более разлагающее, нежели то, что оказали они. По моему глубокому убеждению, теология получает свой изначальный импульс от религиозного сомнения, ибо в общении людей друг с другом элемент мистического и пробуждающего научное любопытство столь же или даже еще более велик, сколь и в общении человека с Богом, так что проблемы развития науки во многом аналогичны теологическим. Несмотря на это, на деле теология не обнаруживает большого интереса к этим проблемам, принимая общение людей друг с другом как нечто само собой разумеющееся и вовсе не представляющее собой проблему. Насколько я могу судить о движущих мотивах теологии, они сосредоточены в попытке человека, присоединившегося к армии христиан и поклявшегося в верности ее заветам, заглушить в своем сердце желание отречься от данного слова. Успешно ли она справляется со своей задачей, я судить не берусь. Ясно одно: ничто не может быть более далеким от науки, чем позиция тех, кто пытается утвердить себя в первых же обретенных им убеждениях. Человек науки, если он только имеет какие-либо убеждения, прикладывает все свои силы, чтобы отыскать в них ошибку. Логика, которой пользуется наука, основанная на наблюдении, непохожа на логику, которой учат трактаты, нимало не учитывающие мотивы и установки мыслящего существа. Последние имеют самое непосредственное отношение к этике, т. е. к идеалам честности и справедливости. Автор же, на собственном примере научающий отыскивать аргументы для заключений, в которые ему просто хочется верить, тем самым лишает смысла самые основания науки, ибо попирает ее этические нормы. В общем и целом речь идет вот о чем:

4. Мы должны видеть в метафизике — если судить о ней с научной точки зрения — нечто более трудное, нежели логика, но в то же время в целом рассматривать ее как одну из простейших наук, ибо она такова, что основной ее принцип должен быть установлен до того, как мы сможем осуществить сколько-нибудь значительное продвижение в области таких дисциплин, как психология или физика.

Поразительное открытие, которое мы делаем, рассмотрев проблему с точки зрения истории, состоит в том, что метафизика до сих пор является и всегда оставалась просто ареной непрекращающихся тривиальных споров. С тех же позиций становится очевидным, что метафизические проблемы часто решались в духе, противоречащем желанию узнать истину, которое представляет собой наиболее существенное требование научной логики. Поэтому, продвигаясь не спеша, постепенно раскрывая смысл метафизики как науки, основанной на наблюдении, и применяя к ней общезначимые методы такой науки; не обращая при этом внимания на то, к какого рода заключениям мы приходим или можем прийти, но лишь с верным расчетом применяя индуктивный метод и выдвигая гипотезы — стоит потратить силы на то, чтобы обрести, наконец, почву для надежды, что споры прекратятся и тьма отступит.

5. *Метафизика* есть правильное наименование третьей и завершающей части коэноскопии (*coenoscopy*), имеющей некоторые точки соприкосновения с идеоскопией (*ideoscopy*), или специальным знанием. Ее целью является изучение наиболее общих черт реальности и реальных объектов. Однако в своем нынешнем состоянии она, и даже в большей степени, чем другие направления коэноскопии, представляет собой науку слаборазвитую, рахитичную и морально не устоявшуюся. Те, кто умело притворяется, что способствует ее развитию, только лишней раз разоблачают себя, показывая, что в груди их не бьется сердце истинного человека науки. Вместо того чтобы изо всех сил стараться обнаружить ошибки, жертвами которых они оказались, и радостно приветствовать каждое такое открытие, они страшатся взглянуть в глаза истине — трусливо поджав хвосты, они избегают ее. До сих пор они дали себе труд подступить лишь к очень немногим из огромного числа проблем, разрешение которых является их прямым долгом.

6. Попробуем перечислить наугад небольшое число вопросов, которые должна решать метафизика и которые требуют не поспешных ответов, но примерного и строгого исследования: Имеется или нет какое-либо реальное от-

сутствие ясности (real indefiniteness), реальная возможность или невозможность? Имеется или нет какая-либо отчетливая неопределенность (definite indeterminacy)? Имеет ли место какое-либо сугубо индивидуальное существование? Имеется ли какая-нибудь дистинкция кроме той, что делает их различимыми более или менее, между фактом и фантазией? Или между внешним и внутренним мирами? Какое общего характера объяснение или отчет могут быть даны о различных качествах переживания и их связи с понятиями массы, пространства и времени? Формируют ли все возможные ощутимые качества — включая, безусловно, и бесконечное разнообразие тех, о которых нам ничего неизвестно из опыта, — стабильную и непрерывную систему наподобие цветовой гаммы? Какова в общем и целом внешняя реальность, которую репрезентируют чувственные качества? Реально ли Время, и если нет, какова природа реальности, которую оно репрезентирует? Что в том же отношении может быть сказано о Пространстве? Насколько и в каких отношениях Время есть нечто внешнее или имеет непосредственное внешнее содержание? Непрерывны ли Время и Пространство? Каково числовое соотношение прямолинейного, кругового, ограниченного и бесконечного движения в Пространстве? Имеют ли Время и Пространство какой-либо предел или центр? Является ли гилозоизм стоящим серьезного рассмотрения учением, или же его следует признать полной бессмыслицей, и если является, то в чем его действительный смысл? Что представляет собой сознание или ум, т. е. является ли сознание, подобно Времени и Пространству, единым континуумом, в котором по различным причинам могут образовываться разрывы под воздействием того, что в нем же содержится; составлено ли сознание из неких неизменных частей, или природа его абсолютно изменчива? Имеет ли в общем истина, выражаясь языком Канта, какие-либо «материальные» характеристики, по которым она могла бы быть распознана с той или иной степенью вероятности? Имеется ли, к примеру, в течение событий какая-либо общего характера закономерность или развитие, протекающее в одном направлении?

ВОСПРИЯТИЕ И МОТИВАЦИЯ¹

1. Всякое человеческое действие может отсылать к некоторому случайному и преходящему положению дел и совершается либо под воздействием естественного желания, либо вследствие предпочтения одного desideratum'a другому, либо как мера предосторожности на предмет будущих желаний. <Человеческие поступки могут также определяться> под воздействием навязываемого убеждения, инстинкта подражания, страха перед ответственностью или приказа, требующего немедленного исполнения. Вместе с тем человек может действовать и в соответствии с некоторым общего характера правилом, накладывающим ограничения на его собственные стремления, будь это стремление к наслаждению, инстинкт самосохранения, расположенность к другому человеку, привязанность к дому и знакомым местам, ортодоксальное следование заведенным в данном обществе обычаям или уважение к закону. В ином случае, став моралистом, он может выбрать себе целью достижение некоего идеального положения вещей, которое ясно себе представляет. Скажем, такого, при котором все окружающие проявляли бы участие исключительно к его делам и действовали исключительно в его интересах (индивидуализм); или все мыслимые желания всякого существа, способного что-либо желать, оказались бы исполнены (утилитаризм). <Человек способен вообразить себе идеальный мир>, где преобладали бы альтруистические настроения (альтруизм); или его сообщество было бы защищено от всякой возможной опасности (патриотизм); или оказывалось бы возможно наименьшее влияние на природу (натурализм). Далее, он может пытаться приблизить некий результат, известный наперед не иначе,

¹ <Оба отрывка взяты из «Pearson's Grammar of Science». *Popular Science Monthly*. Vol. 58 (1900-1901). P. 298-9, 301-2.>

как такой, к которому должен неизбежно привести определенный процесс, оцениваемый им как благоприятный, т. е. соответствующий велению сердца (сентиментализм); или же как такой, который подводит общий итог предваряющим поступок размышлениям на предмет всех возможных преимуществ последнего (для данного случая я ввожу особый термин *энтелехизм*, выделяя его и некоторые нижеследующие курсивом); или же как такой, который предопределен исторической эволюцией общественного мнения (*историцизм*); или же наконец как результат взаимодействия сил мировой гармонии (эволюционизм). Человек может посвятить себя истине и обязать себя не делать ничего, что противоречило бы разуму, руководствуясь при этом собственными размышлениями (рационализм), результатами публичного обсуждения (диалектицизм) или данными все решающего эксперимента. Он может посчитать единственным стоящим приложения усилий делом обобщение и ассимиляцию отдельных элементов в целое истины либо как в единый предмет, в котором ум его в конечном счете распознает свою истинную цель (просвещенчество), либо как нечто, единственно достойное обладания универсальной властью (панкратизм). Наконец он может быть одержим идеей, что единственное основание, должное, по здравому размышлению, быть признанным в качестве предельного, есть то живое основание, ради которого весь психический и физический универсум находится в состоянии непрерывного творения (*религиозный фанатизм*).

Данный перечень этических мотивационных категорий способен, надеюсь, служить удовлетворительным фундаментом для определения тех или иных типов человеческих мотиваций как предельных, ибо ни на что большее он и не претендует. Перечисление имеет такой порядок, чтобы последовательно представить к рассмотрению различные степени всеобщности мотиваций. Так или иначе, нашим целям будет способствовать и их сопоставление с других точек зрения. Так, мы можем изменить порядок, расположив категории по степени присутствия в мотивациях влечения к зависимости. От безоговорочного подчинения, общей склонности к таковому, желания соответствовать внешнему примеру для подражания

или совершать поступки ради объекта, рассматриваемого в качестве внешнего, — к заимствованию мотивации, сосредоточенной на чем-то, что противопоставляет себя существующему положению вещей и далее к противопоставлению одного соображения другому, пока наконец мы не достигнем таких мотиваций, как естественное желание, стремление к наслаждению, индивидуализм, сентиментализм, рационализм, просвещенчество и религиозный фанатизм, в котором присутствие другого сведено к минимуму. Мы могли бы, опять же, расположить категории в соответствии со степенью, в которой в мотивациях проявляют себя непосредственные качества переживаний (feelings). От естественного желания, через сдерживаемое желание чего-то реально доступного, мотивы поступка во имя собственного Я или поступка, совершенного ради удовольствия, выходящего за рамки собственного Я, мотивы, основанные на ретроспекции Я в отношении внешних вещей и отождествлении с сообществом — к таким, как безоговорочное подчинение, благоговение, натурализм, эволюционизм, экспериментализм, панкратизм и религиозный фанатизм, в котором элемент эгоистического само-ощущения сведен к минимуму. Но к какой бы классификации мы ни обратились, наиболее важной задачей остается возможно более полное знакомство со всем разнообразием человеческих мотиваций, охватывающим собой пространство науки этики.

Я не стану слишком глубоко проникать в проблемы науки этики и замечу только, что о всяком мотиве, направленном на получение удовольствия и самоуспокоенность, как бы ни был возвышен этот мотив, каждый, кто обладает достаточным опытом, скажет, что он непременно обречен на неудачу в достижении той степени удовольствия, на которую нацеливает в конечном счете. Это истинно даже относительно тех высочайших типов мотиваций, которые описывает в своем труде «Мир и индивид» Иосайя Ройс. С другой стороны, всякий мотив, включающий в себя идею зависимости от иного, заставляет нас задаться вопросом об основаниях неявного характера. Единственный объект, желание обладать которым является самодостаточным без каких-либо скрытых на то оснований, есть объект желания, имеющий в

себе собственное разумное основание своей желаемости. Я не имею в виду придать этому положению сколько-нибудь аргументированный вид, ибо всякая аргументация по поводу подобных предметов есть не что иное, как софизм, ложная игра с языком. Я утверждаю только, что это истина, основанная на опыте.

Итак, единственная мотивация, значимая с точки зрения этики, есть такая, которая имеет наиболее общий характер. И мотивация, вдохновляющая человека чистой науки, если и не в точности подобна этической, то во всяком случае очень близко к ней примыкает — ближе, смею надеяться, чем любая из тех, что движет равные таковой по степени значимости науки гуманитарные.

2. [По мнению профессора Пирсона], знание строится на основе чувственных впечатлений — утверждение с точки зрения психологии вполне корректное. И все же, взятое так, как понимает и использует его профессор Пирсон, т. е. как утверждение, сообщающее нечто о природе наших логических данных, «фактов науки», оно в целом абсолютно неприемлемо. Он хочет сказать нам, что каждый из нас, подобно оператору центрального телефонного узла, изолирован от внешнего мира, информация о котором поступает к нему посредством чувственных впечатлений. Вовсе нет! Не так уж многое доступно для моего наблюдения в столь малой степени, как те гипотетические элементы мысли, которые психолог со своих позиций находит возможным определить как «непосредственные». Точкой, от которой берет начало всякое логическое рассуждение, являются не чувственные впечатления (*sense-impressions*), но объекты восприятия (*percepts*). Когда мы впервые осознаем тот факт, что являемся мыслящими существами и способны в той или иной степени контролировать логический ход своих мыслей, мы должны прийти также к осознанию необходимости начать наше интеллектуальное путешествие с порога родного дома, то есть от того места, в котором мы всегда уже находим себя. Дом этот есть область объектов восприятия. Она не скрывает себя под черепной оболочкой, но всегда открыта и доступна, ведь объектом нашего прямого (*direct*) наблюдения является именно

внешний мир. О том же, что происходит «внутри», мы знаем только так, как внутреннее отражается во внешних объектах. То, что называют интроспекцией, в некотором смысле действительно имеет место, но именно как интерпретация феноменов, дающих себя в виде внешних объектов восприятия. Сперва мы просто видим предметы, имеющие синий или красный цвет. Когда мы обнаруживаем, что к этому имеет какое-то отношение глаз, это становится для нас большим открытием. Еще более смутно распознается тот факт, что за глазом стоит некое *ego*, к которому указанные качества имеют уже отношение самое прямое. Это открытие для понимания и вовсе трудное. Итак, нашими исходными логическими данными являются объекты восприятия. Последние, несомненно, представляют собой результаты психической деятельности и вместе с тем обладают природой мысли. Каждый вовлекает три типа психических составляющих: качества переживаний, факт противодействия моей воле и обобщающая (ассоциирующая) составляющая. Но обо всем этом я узнаю лишь во вторую очередь. Я вижу стоящую на столе чернильницу: это объект восприятия. Слегка повернув голову, я схватываю уже другой объект восприятия чернильницы. Он срастается с первым. То, что я при этом называю чернильницей, есть обобщенный объект восприятия или некое квази-полагание, основанное на имеющихся объектах, или, я бы сказал, составная фотография этих объектов. В этот психический продукт вовлечен элемент сопротивления, который я изначально смутно осознаю. Впоследствии, допуская гипотезу о существовании внутреннего субъекта моих мыслей, я уступаю сознанию сопротивления и принимаю чернильницу как длящийся (*standing*) внешний объект. Так или иначе, позже я могу поставить это под вопрос. Но как только я сделал это, я обнаруживаю, что в пику моим сомнениям чернильница все еще на месте. Если я отвел глаза, другие очевидцы подтвердят, что она находится там же, где и была. Если мы все покинем комнату и постараемся забыть обо всем, что видели, фотография напомнит нам, что чернильница никуда не делась, никуда не делись и остались теми же самыми ее округлость, отполированность, прозрачность и наполняющая ее тем-

ная жидкость. Так или каким-либо иным образом я утверждаюсь во мнении, что ее качества таковы, каковы они есть и продолжают при каждой удобной возможности проявлять себя, независимо от того, что вы, или я, или любой другой человек, или поколение людей, думаем о том, каковы они. Заключение, к которому все это меня подводит, с какой бы силой я ему не сопротивлялся, я могу кратко выразить в утверждении, что чернильница является *реальной* вещью. Конечно, оставаясь чем-то реальным или внешним, она ни в коей мере не перестает быть чисто психическим продуктом, обобщенным объектом восприятия, как и что угодно другое, о чем я могу получить то или иное знание.

АБДУКЦИЯ И ИНДУКЦИЯ¹

О всяком нашем знании можно сказать, что оно покоится на фактах, почерпнутых из наблюдения. Верно <и то>, что существуют психологические состояния, предшествующие нашему наблюдению фактов как таковых. Так, то, что я вижу перед собой чернильницу, является фактом; но до того, как я смогу сказать это, у меня обязательно должны быть впечатления, в которых никак не присутствует ни идея некоей чернильницы, ни идея некоего отдельного объекта, ни идея некоего «Я», ни идея зрительной способности. Верно также и то, что мое суждение, согласно которому я вижу перед собой чернильницу, есть плод умственных операций над такими впечатлениями. Однако управлять процессом познания я становлюсь способен напрямую лишь тогда, когда познание приняло форму пропозиции или суждения о факте; обсуждение же «законосообразности» того, чем нельзя управлять, было бы безрезультатным. Из этого следует, что наблюдения фактов должны приниматься так <и в том>, как <и в чем> они себя проявляют.

Как бы то ни было, почерпнутые из наблюдения факты соотносятся исключительно с частными обстоятельствами, имевшими место во время наблюдения этих фактов. Они не соотносятся с какими бы то ни было будущими событиями (occasions), в связи с которыми мы способны сомневаться в том, как нам необходимо действовать. Из этого следует, что такие факты сами по себе не содержат никакого практического знания.

¹ <Первый и третий отрывки — из рукописи 1901 г. (CP, 522–8); второй — из гарвардских «Лекций о Прагматизме» (Lectures on Pragmatism at Harvard. 1903. CP. 5.189); четвертый отрывок взят из рукописи 1896 г. (CP. 1.71–4); пятый отрывок составляет часть статьи «Упущенный аргумент в пользу реальности Бога» («A Neglected Argument for the Reality of God»), *Hibbert Journal*. 1908 (CP. 6.477).>

Подобное знание требует дополнений к почерпнутым из наблюдения фактам. Осуществление этих дополнений есть операция, которой мы можем управлять; очевидно также, что в течение процесса этого осуществления сохраняется немалая вероятность появления ошибки.

Всякая пропозиция, дополняющая почерпнутые из наблюдения факты и стремящаяся сделать их каким бы то ни было способом применимыми к обстоятельствам иным, нежели те, при которых они были наблюдаемы, может быть названа гипотезой. Гипотеза, во-первых, должна быть выдвинута (*entertained*) вопросительно. Далее она должна быть подвержена экспериментальной проверке — в той мере, в какой это осуществимо на практике. Два указанных шага суть отличающиеся друг от друга процессы, каждый из которых может быть исполнен правильно или неправильно. Мы способны впасть в заблуждение и зря потратить время даже в рамках самой формулировки гипотезы, пусть и в виде вопроса. Такое положение дел открывает в каждом случае возможность для критической оценки. Природа некоторых гипотез такова, что они вообще никогда не могут быть проверены. Должны ли такие гипотезы вообще формулироваться, и если да, то в каком смысле, — серьезный вопрос; однако он вряд ли имеет отношение к нашему настоящему исследованию. Гипотезы, с которыми нам предстоит иметь дело в этой статье, способны быть подвергнутыми проверке. Как именно это надлежит делать — вопрос крайней важности; тем не менее здесь я намерен рассмотреть его лишь фрагментарно. Далее, есть множество гипотез, которые уже имеющееся у нас знание может сразу же и вполне оправданно либо возвести в ранг мнений, или даже позитивных убеждений, либо послужить причиной их немедленного отвержения. Этот вопрос также подлежит рассмотрению. Однако именно первый процесс — формулирование гипотезы — будет иметь здесь для нас наиболее важное значение.

Прежде чем идти дальше, обозначим для себя установленное выше со всей ясностью. Под гипотезой я имею в виду не просто предположение (суппозицию) о наблюдаемом объекте — например, я предполагаю, что некий человек — католический священник, так как это объяснило бы его платье, выражение лица и общее впечатле-

ние, которое он производит, — но и всякую другую предполагаемую истину, результатом которой стали бы факты, подобные тем, что установлены в результате наблюдения. Например, ван'т Хофф (van't Hoff), отметив обратную пропорциональность осмотического давления однопроцентного раствора некоторых химических веществ показателям их атомного веса, подумал, что, возможно, существование того же самого отношения обнаружится между теми же свойствами любого другого химического вещества. Зарождение гипотезы и ее выдвижение — в виде ли простого вопрошания или с какой-то степенью уверенности — есть одна из ступеней вывода, которую я предлагаю называть *абдукцией* [или *ретродукцией*]. Такая разновидность вывода будет включать предпочтение в пользу какой-то одной гипотезы перед другими, равно объясняющими рассматриваемые факты, если это предпочтение не базируется ни на каком-то предшествующем знании, имеющем отношение к истинности этих других гипотез, ни на какой бы то ни было проверке любых из них, уже предпринятой и приведшей к их принятию. Я называю всякий такой вывод необычным термином *абдукция*, потому что его законосообразность зависит от принципов, полностью отличных от тех, что уместны в других разновидностях вывода.

Задолго до того, как я впервые классифицировал абдукцию как разновидность вывода, в логике считалось общим местом, что для операции принятия объяснительной гипотезы — каковая операция как раз и есть абдукция — должны выполняться определенные условия. А именно: данная гипотеза не может быть принята, даже как гипотеза, если относительно ее не будет предполагаться, что она дает отчет о рассматриваемых фактах или <хотя бы> некоторых из них. Форма вывода, следовательно, будет такова:

В результате наблюдения неожиданно был обнаружен некий факт, С;

Но если бы А было истинно, С был бы в порядке вещей;
Отсюда, есть основание предполагать, что А истинно.

Таким образом, мы не можем абдуктивно вывести А, или, если вы предпочитаете другое выражение, относи-

тельно А не может быть высказана <никакая> абдуктивная догадка, если его содержание не будет уже полностью присутствовать в предпосылке «Если бы А было истинно, С был бы в порядке вещей».

Операцию проверки гипотезы экспериментом, которая состоит в том, чтобы в случае истинности гипотезы отметить необходимость наличия у сделанных при определенных условиях наблюдений определенных результатов, а затем, выполнив эти условия и зафиксировав результаты, расширить, если последние благоприятны, имеющуюся в наличии определенную уверенность до конкретной гипотезы, — я называю *индукцией*. Нечто, например, привело меня к догадке, что тенденция к рождению девочек больше среди нашего цветного населения, нежели среди наших белых граждан. Если так, говорю я, последняя перепись должна это продемонстрировать. Я читаю отчет о последней переписи и обнаруживаю, что, вне всякого сомнения, в той или иной мере наблюдается большее представительство существ женского пола среди всех рожденных в год этой переписи цветных, чем среди рожденных в тот же год белых. В соответствии с этим отчетом к моей гипотезе законно будет отнестись с некоторым доверием. Мы имеем дело с сильной индукцией. Я беру все случаи рождения в данном году как образец всех случаев рождения во все годы вообще — в той мере, в какой общие условия остаются в настоящем теми же, что и раньше. Взятый образец довольно велик по масштабу, причем в том не было бы необходимости, не превышай показатель одной пропорции показатель другой очень ненамного. Всякую возможную индукцию можно было бы рассматривать как вывод о том, что для всего класса пропорция будет иметь приблизительно то же значение, что и для случайно взятого образца этого класса — при условии, что природа пропорции, с точки зрения которой осуществляется проверка образца, характеризуется (или виртуально (*virtually*) характеризуется) до самой проверки. До тех пор пока класс, из которого берется образец, состоит из единиц (*units*) и рассматриваемая пропорция есть пропорция между счетными количествами случаев, индукция есть сравнительно про-

стое предприятие. Но допустим, мы хотим проверить гипотезу, что некий человек — католический священник, то есть обладает всеми качествами, которые обычны для католических священников, а также характерны именно для них. Качество же — это ни единица, ни нечто, составленное из единиц, ни нечто, способное быть сосчитанным — в том смысле, что только один счет правилен, а все остальные нет. Качества должны оцениваться в соответствии с их значимостью (*significance*). Следствием всего этого оказывается то, что в рассматриваемой нами индукции будет присутствовать определенный элемент гадания; именно поэтому я называю ее *абдуктивной индукцией*. Я мог бы сказать себе: подумаем о каком-то другом качестве, которым обладают католические священники, помимо тех, что я отметил в этом человеке; <подумаем о> качестве, относительно которого я мог бы удостовериться, владеет им он или нет. Все католические священники более или менее знакомы с латынью, которая произносится на итальянский манер. Тогда, если этот человек — католический священник и если я сделаю какое-нибудь замечание по-латыни, которое человек, не знакомый с итальянским произношением, не смог бы сразу понять, причем произнесу его именно таким способом, тогда, будь этот человек католическим священником, для него это будет столь неожиданно, что он неизбежно выдаст свое понимание моего высказывания. Я высказываю такое замечание; и я вижу, что он действительно его понял. Но насколько весомой должен я признать эту проверку? В конечном счете она не затрагивает существенной характеристики священника или даже католика. Должен признать, что она оказывается лишь слабым подтверждением, и еще более слабым в свете того, что совершенно недостоверно то, насколько она весома. Тем не менее она склоняет меня — и должна это делать — к убеждению, что данный человек — католический священник. Мы имеем дело с индукцией, потому что эта проверка есть проверка моей гипотезы посредством предсказания, которое в результате оказалось верифицировано. Однако это лишь абдуктивная индукция, потому что на примере именно образца качеств священника — ведь их нельзя ни сосчитать,

ни даже взвесить, кроме как при помощи гадания — можно было увидеть, в какой пропорции обладает ими данный человек. Эта индукция оказывается причастна природе абдукции еще и потому, что она требует сделать новое предположение (*original suggestion*); в то же время типичная индукция не подразумевает подобного новшества, а только проверяет предположение, которое уже сделано.

В индукции истинность гипотезы, или даже ее вероятность, делает в какой бы то ни было степени необходимым не сам предсказанный факт, а то, что означенный факт был предсказан успешно и представляет собой случайный образец всех предсказаний, которые могли бы быть основанными на гипотезе и которые составляют его практическую истину. Но часто случается, что определенные факты, просто как факты — помимо способа, которым они представляют себя — делают истинность, или ложность, или некую фиксированную (*definite*) вероятность гипотезы необходимой. К примеру, допустим гипотезу, что некий человек верит в непогрешимость папы. Тогда, если мы каким-то образом удостоверимся в его вере в непорочное зачатие, в исповедь и в молитвы за мертвых, или, напротив, удостоверимся в его неверии во все или некоторые из этих вещей, то и тот и другой факт будут почти решающими относительно истинности или ложности нашей пропозиции. Такой вывод есть *дедукция*. То же окажется верным, если мы удостоверимся, что этот человек в вопросах политики и во многих других всегда и без колебаний занимает одну определенную позицию. Если, далее, мы обнаруживаем, что он пожертвовал деньги какому-то католическому учреждению, мы могли бы справедливо рассудить, что этот человек не стал бы так поступать, не верь он в непогрешимость папы. Или опять же, мы могли бы узнать, что он — один из пяти братьев, чьи мнения тождественны почти по всем вопросам. Если, в таком случае, мы обнаруживаем, что остальные четверо все верят в непогрешимость папы, или все в нее не верят, то это подействует на нашу уверенность в собственной гипотезе. Таковое соображение будет усилено тем, что говорит нам обыденный опыт, а именно, что в то время, как разные члены

большой семьи по обыкновению придерживаются разных мнений почти по всем вопросам, в большинстве случаев оказывается, что все они либо католики, либо протестанты. На нашу уверенность в гипотезе могли бы законно повлиять все четыре приведенных разновидности дедуктивных соображений.

Указанные различия совершенно ясны в принципе, и это все, что необходимо — хотя иногда оказывается довольно тонким делом сказать, к которому классу принадлежит данный вывод. Следует отметить, что в чистой абдукции никогда не может быть оправданно принятие гипотезы, которая не имеет вопросительной формы. Но до тех пор, пока это условие соблюдается, не стоит опасаться какой бы то ни было позитивной ложности; и по этой причине весь вопрос о том, какую единственную из всех возможных гипотез необходимо выбрать, становится исключительно вопросом экономии.

Милль отрицает, что в процедуре Кеплера присутствовало какое бы то ни было логическое рассуждение. Он говорит, что она представляет собой просто описание фактов. Он, кажется, представляет себе дело так, будто у Кеплера имелись все положения Марса в космосе, полученные им из наблюдений Тихо [Браге]; и что все им сделанное заключалось в том, чтобы произвести обобщение и дать общее выражение для этих положений. Даже будь это всем, что он сделал, его процедура все равно имела бы форму вывода. Если бы Милль имел хотя бы то небольшое практическое знакомство с астрономией, которое дается постоянным рассмотрением движения двойных звезд, он бы увидел это. Но, отозвавшись таким образом о труде Кеплера, он выдал полное собственное невежество в этом отношении. Милль определенно никогда не читал *De Motu [Motibus] Stellae Martis*, ведь чтение этой книги — не такое простое занятие. Ее нелегко читать потому, что она от начала до конца требует самого отчаянного напряжения всех способностей к рассуждению.

В этой книге Кеплер сводит воедино большое количество наблюдений за видимыми положениями Марса в разное время. Он также знал, что в общем и целом

теория Птолемея вполне согласуется с обнаруженными явлениями, хотя с тем, чтобы привести указанные факты в полное соответствие с данной теорией, у него возникли некоторые трудности. Более того, он был уверен, что следует принять и гипотезу Коперника. Эта гипотеза, как понимал ее в ее основных моментах сам Коперник, является модификацией теории Птолемея, приписывающей один общий вид движения всем телам Солнечной системы, которое необходимо для аннулирования среднего движения Солнца. На первый взгляд, таким образом, казалось, что это вообще не должно повлиять на обнаруженные явления. Если бы Милль назвал простым описанием работу, проведенную Коперником, он не был бы *далек* от истины *настолько*, насколько он оказался далек в случае с Кеплером. Кеплер же понимал вопрос не вполне так, как Коперник. Вследствие того, что Солнце находилось столь близко от центра системы и обладало огромным размером (даже Кеплер знал, что его диаметр должен быть по меньшей мере в пятнадцать раз больше земного), Кеплер, взглянув на вопрос с точки зрения динамики, предположил, что Солнце должно иметь какое-то отношение к причине,двигающей планеты по их орбитам. Эта ретродукция, при всей ее неопределенности, явилась результатом громадной интеллектуальной работы и имела наиболее важное значение по своим последствиям на все, что было сделано Кеплером. Итак, Кеплер отметил, что линии апсид орбиты Марса и орбиты Земли не параллельны; и далее, гениально используя разнообразные наблюдения, сделал вывод, что они, вероятно, пересекаются в той точке, где находится Солнце. Как следствие необходимо предположить, что общее описание движения планет было бы проще, если бы Солнце учитывалось в нем как фиксированная точка, нежели в каком-либо ином случае. Из этого вытекало, что надлежащим временем, в котором следует наблюдать за Марсом, чтобы определить его орбиту, является то, в которое он появляется как раз напротив Солнца — истинного Солнца, — а не когда он находится напротив *среднего* Солнца, как считалось ранее. Развивая эту идею, он получил развернутую теорию Марса, которая совершенно точно соответствовала долготе

при всех противостояниях, общим числом тринадцать, наблюдавшихся Тихо <Браге> и им самим. К сожалению, однако, она вообще не соответствовала широте и полностью противоречила наблюдениям за Марсом, когда он находился вне точки противостояния.

На каждой стадии его долгого исследования у Кеплера появляется теория, которая приблизительно истинна, ибо приблизительно (т. е. в пределах $8'$ погрешности, что ниже, чем погрешность любого наблюдения, кроме таких Тихо <Браге>) соответствует (satisfies) наблюдениям. Каждый раз, после самой тщательной и взвешенной рефлексии, он продолжает вносить в теорию изменения таким образом, чтобы придать ей как можно более рациональный и более соответствующий наблюдаемым фактам вид. Так, обнаружив, что центр орбиты делит эксцентриситет пополам, он находит в этом указание на ложность теории экванта (equant) и заменяет данное искусственное приспособление принципом равномерного описания областей. Далее, обнаружение того, что, находясь под углом в девяносто градусов по отношению к аписиде, планета движется быстрее, чем должна бы, ставит вопрос о том, происходит ли это благодаря ошибке в законе областей (areas), или благодаря сжатию орбиты. Кеплер гениально доказывает, что имеет место как раз второе.

Таким образом, он ни разу не изменяет свою теорию по прихоти, но всегда руководствуясь <только> здравым и рациональным мотивом, <склоняющим> в пользу именно той конкретной модификации, которую он предпринимает. Поэтому всегда, когда он наконец достигает модификации, которая, обладая наибольшей простотой и основательностью, точно соответствует наблюдению, эта модификация теории покоится на полностью ином логическом фундаменте, нежели тот, что имелся бы у теории, которая была выбрана наугад, или еще неизвестно как, и относительно которой обнаружилось, что она соответствует наблюдению. Кеплер обнаруживает острое логическое чутье в детализации всего того процесса, посредством которого он в результате пришел к истинной орбите. Это величайший пример ретродуктивного рассуждения из всех, что когда бы то ни было были выполнены.

Современная наука строится — по образцу, данному ее основателем Галилеем, — на *il lume naturale*. Этот воистину вдохновенный пророк сказал, что из двух гипотез следует предпочесть *простейшую*. Однако в прошлом я был одним из тех, кто, воображая себя в своей тупой самонадеянности более проникательным, чем он, повернул эту максиму так, чтобы ею подразумевалась «логически простейшая» гипотеза, т. е. — наименьшее возможное дополнение к тому, что уже известно из наблюдения. И это несмотря на три очевидных возражения: во-первых, таким образом ни одна гипотеза не может получить себе подкрепления; во-вторых, по той же причине мы вынуждены удовлетвориться простым формулированием конкретных, действительно имевших место наблюдений; и в-третьих, каждое продвижение в науке, которое еще более открывает истину нашему взгляду, открывает в то же время множество неожиданных осложнений. Длительный опыт заставил меня осознать, что следующие друг за другом открытия каждый раз демонстрируют ошибочность моего подхода, в то время как те, кто понимает эту максиму в соответствии с тем, что вложил в нее Галилей, разоблачают тайну раньше. Лишь после этого пелена упала с моих глаз, и во всеобъемлющем и ослепительном дневном свете мне открылось, что предпочтение следует отдавать именно простейшей Гипотезе — в смысле требующей минимальных усилий и максимально естественной, той, которую подсказывает инстинкт; и делать это следует на том основании, что у человека, не имеющего естественной склонности, которая согласуется со склонностью самой природы, нет вообще ни малейшего шанса понять природу.

СУЖДЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ¹

Теперь многие находят вполне очевидным, что всякое убеждение существенным образом проявляет себя в предожидании (expectation). Но хотя эта точка зрения и не лишена оснований, мы не имеем никаких гарантий ее истинности в отношении абсолютно любого типа убеждений. В частности, одной из общепринятых истин, которые мы отвергаем, является истина фактов непосредственного восприятия. Я кладу перед собой кристаллическую пластину. Я смотрю на нее и говорю себе: «Эта пластина выглядит красной». Что именно в этот самый момент служит указанием на присутствие предожидания в моем убеждении, что пластина *выглядит* красной?

Чтобы написать данное предложение, произнести его или даже помыслить, требуется некоторое время. Предложение должно отсылать к определенному состоянию восприятия на тот момент, когда начало складываться выражаемое предложением суждение. Но суждение не существует до тех пор, пока оно не сложилось окончательно. В этом смысле оно отсылает только к памяти о произошедшем в прошлом. Память же, вполне вероятно, имеет погрешность и подлежит критической проверке и контролю. Мое суждение, следовательно, может означать только то, что если характер восприятия вообще когда-либо может быть удостоверен, мы установим, что пластина выглядела красной.

Существо дела может быть изложено и не так запутанно. Каждый согласится, что было бы совершенной бессмыслицей предполагать наличие у серы свойства

¹ <Первые два отрывка из рукописи 1902 г. (CP, 5.542, 544-5), следующие три — из гарвардских лекций о прагматизме, 1903 (CP. 5. 157, 181, 184-5), последний — из обзорной статьи, посвященной «Принципам психологии» («Principles of Psychology») Уильяма Джеймса, опубликованной в журнале *Nation*. Vol. 53 (1891). P. 32.>

окрашиваться розовым в тот момент, когда она не является объектом наблюдения, и вновь становится желтой до того, как наиболее зоркий глаз сможет уловить розовый цвет; а равно полагать, что уголь, в соответствии с некоторым законом, пока не находится под прессом, представляет собой идеально упругий материал и затем приобретает свойство жесткости пропорционально оказываемому на него прессом давлению. Как правило, закон, не действующий на практике, является пустой формулой. Нечто подобное приведенному выше утверждению касательно угля имеет место в любом трактате по динамике, причем речь может идти вообще о какой угодно субстанции. Скажем, считается, что никакая сила, направленная по касательной, не способна воздействовать на идеальную жидкость. Но ни один из авторов не может сделать данное утверждение указанием на конкретный факт, так что оно остается не более чем просто дефиницией. Закон же, который никогда не будет работать, положительно не существует. Если таковой и находил себе применение все последнее время, то теперь он перестал быть законом и превратился в пустую формулу, которую в некоторых случаях удобно учитывать. Отсюда, утверждать, что закон фактически существует, значит утверждать, что он будет действовать, то есть ссылаться, хотя и только условно, на некоторое будущее. Сказать, что тело обладает тем или иным качеством, что оно жесткое, красное, или тяжелое, или данного определенного веса, значит сказать, что оно подчиняется закону, и следовательно, это значит утверждать нечто, ссылаясь на будущее.

Говоря, что суждения восприятия содержат элементы общего, я ни в коем случае не имею в виду сформулировать некий факт психологии. Принципы, которым я следую, не допускают проникновения психологии в логику. Я строго придерживаюсь неоспоримых фактов каждодневного опыта и того, что может быть из них дедуцировано. Все, что я склонен усматривать в определении суждения восприятия, есть суждение, которое я просто вынужден принять. Причем я не могу контролировать то, каким именно образом это происходит, и, следовательно, не спо-

способен критически рассмотреть сам процесс его принятия мной; равно как не имею возможности претендовать на полную уверенность в каких-либо выводах по этому поводу. Если самое тщательное исследование, на которое я только способен, выявит в суждении указанные свойства, я буду должен отнести его к разряду суждений восприятия, пока что-либо не заставит меня изменить решение. Теперь рассмотрим суждение, сообщающее, что событие *C* *выказывает себя* (appears to be) как последовавшее за (subsequent to) другим событием *A*. Конечно, я мог это как-то логически вывести. Ведь я мог заметить, что *C* последовало за неким третьим событием *B*, которое само последовало за *A*. В таком случае обе посылки суть однородные суждения. Не представляется возможным, чтобы я мог выполнить бесконечный ряд подобных актов критического рассмотрения, каждый из которых требовал бы отдельного усилия. В этом наш пример сильно отличается от случая с Ахиллесом и черепахой, ибо от первого вовсе не требуется выполнения такого бесконечного ряда актов. Таким образом, как выясняется, мной было вынесено суждение, что одно событие *выказало себя* последовавшим за другим. Причем я высказал это суждение не как результат вывода из некоторой посылки, то есть без вынесения какого бы то ни было *контролируемого* и *критически рассмотренного* логического умозаключения. Если это так, я имею дело с суждением восприятия, как его понимает логика. Однако из самой пропозиции, что событие *Z* следует за событием *J*, я сразу могу с необходимостью дедуцировать общезначимое положение. Это известное, по крайней мере, достаточно известное для нашей цели определение самого отношения следования (subsequence). *Z* выкажет себя следующим за *Y*, если и только если *Z* находится с *Y* в особого рода отношении *R*, таком, что никакое событие не может находиться в отношении *R* с самим собой. Далее, если мы имеем некоторое событие *X*, к которому *Y* находится в отношении *R*, тогда *Z* находится к этому же *X* в том же отношении *R*. Вот то, что вкладывается в понятие следования, из которого с необходимостью выводим: что бы ни следовало за *C*, это что-то следует за любым *A*, за которым следует *C*. А это положение общезначимо.

Так <...> Троичность сопутствует нам в любом предприятии нашей мысли.

<...> Между Абдуктивным выводом и суждением восприятия не существует четкой границы — одно перетекает в другое. Иными словами, первые посылки или суждения восприятия суть предельный случай абдуктивного вывода, от которого они отличаются единственно тем, что находятся абсолютно за гранью критического рассмотрения. Абдуктивное предположение приходит на ум подобно внезапной вспышке. Это акт чистой *интуиции* (insight), т. е. интуиции абсолютно недостоверной (fallible). Истинно, что различные элементы гипотезы находились в нашем уме и ранее; но сама идея, наделяющая смыслом соединение таких элементов, о возможности которого мы до этого никак не могли подумать, дает нам намек (suggestion), теперь заслуживающий внимания.

В этом смысле суждения восприятия результируют некоторый процесс, хотя процесс не вполне сознательный для того, чтобы его можно было контролировать, или, говоря более точно, процесс неконтролируемый и потому не вполне сознательный. Если бы мы сделали этот бессознательный процесс предметом логического разбирательства, то обнаружили бы, что он завершается тем, что разбирательство в конце концов представит в виде абдуктивного вывода, основывающегося на результате сходного процесса, который логическое разбирательство, подобное первому, определит как заверченный подобным же абдуктивным выводом. И так далее *ad infinitum*. Такое разбирательство как раз в точности аналогично апории, в соответствии с которой Ахиллес не может догнать черепаху, и поэтому оно никогда не выполнит условия репрезентации реального процесса. Подобно тому, как Ахиллесу необязательно выполнять последовательный ряд самостоятельных по отношению друг к другу попыток, чтобы догнать черепаху, как это утверждает софизм, бессознательный и не поддающийся критической перепроверке процесс формирования суждения восприятия не обязательно должен состоять из отдельных актов вывода, но выполняется в едином непрерывном акте.

Если бы восприятие или суждение восприятия по своей природе не были связаны с абдукцией, можно было бы предположить, что восприятие не было бы наделено характеристиками, которые свойственны для *интерпретации*. Однако оно никак не может их не иметь, если представляет собой непрерывный ряд осознанных дискретных абдукций. ... Действительно, вовсе необязательно выходить за рамки обычных жизненных наблюдений, чтобы открыть чрезвычайно широкое разнообразие способов интерпретации восприятия.

Целый ряд гипнотических феноменов, многие из которых представляют собой случаи обычного каждодневного опыта — как, например, пробуждение ото сна в нужное время с такой точностью, на которую мы в бодрствующем состоянии, ориентируясь на то же время, были бы не способны, — подразумевает тот факт, что мы воспринимаем то, к интерпретации чего мы приспособлены, хотя это гораздо менее отчетливо воспринимаемо, чем может позволить любое направленное усилие. То, условиям интерпретации чего наша приспособленность не отвечает, мы просто не воспринимаем, хотя по интенсивности своего проявления оно бы и превышало феномен, который мы обязаны воспринять с легкостью, если нас хоть сколько-нибудь заботит его интерпретация. Мне необыкновенным чудом представляется факт, что во время моих занятий часы в комнате громко бьют каждые тридцать минут, а я никогда их не слышу. Я никогда не знаю, бьют ли они в тот или иной момент, пока они не начнут бить в неположенное время. И если это происходит, то, уж конечно, я это замечаю. <...>

Дальнейшие пояснения настолько знакомых, в особенности психологу, вещей, касающихся интерпретативности суждений восприятия, были бы утомительны. Таковые представляют собой абсолютно не что иное, как предельный случай Абдуктивных Суждений.

[абдукция восприятия имеет следующую форму:]

Отчетливо распознаваемый тип объектов M имеет в качестве предикатов P_1, P_2, P_3 и т. д., распознаваемые смутно.

Предполагаемый объект S имеет те же предикаты P_1 , P_2 , P_3 и т. д.

Следовательно, объект S относится к типу объектов M .

По своей форме это гипотеза. Первая предпосылка не является фактической мыслью, но находится в сознании некоторым привычным образом (*habitually*). Само по себе это не делает вывод бессознательным. И тем не менее это так, ибо данный вывод не распознается как вывод. Заключение принимается нами без осознания того, как это происходит.

СОДЕРЖАНИЕ

Предуведомление читателю	5
Некоторые последствия четырех неспособностей	10
Дух картезианства	10
Умственное действие	13
Мысли-знаки	25
Человек, знак	45
Основания силы законов логики: дальнейшие последствия четырех неспособностей	51
Возражения против силлогизма	51
Три разновидности софизмов	67
Общественная теория логики	79
Закрепление убеждения	92
Наука логики	92
Руководящий принцип	96
Сомнение и убеждение	100
Цель исследования	103
Методы закрепления убеждения	105
Как сделать наши идеи ясными	125
Ясность и отчетливость	125
Прагматистская максима	130
Некоторые случаи применения прагматистской максимы	139
Реальность	147
Что есть прагматизм?	155
Утверждение с точки зрения экспериментатора	155
Философская терминология	158
Прагматицизм	160
Прагматицизм и гегелевский абсолютный идеализм	180
Вопросы прагматицизма	182
Шесть особенностей Критического Здравомыслия ...	182
Субъективная и объективная модальность	199
Приложение: из рукописей 1903 г.	210

Прологомены к апологии прагматизма	219
Знаки	219
Собрания	225
Графы и знаки	230
Универсумы и способы сказывания	236
Тинктурированные экзистенциальные графы	255
Приближение к метафизике	288
Восприятие и мотивация	295
Абдукция и индукция	301
Суждения восприятия	311

Директор издательства	<i>Абышко О.Л.</i>
Гл. редактор издательства	<i>Савкин И.А.</i>
Гл. редактор серии:	<i>Соколов Б.Г.</i>
Отв. редактор:	<i>Кирющенко В. В.</i>
Редакционная коллегия серии:	<i>Багдасарян А.Г., Малинов А.В., Орлова Ю.О., Разеев Д.Н., Сиверцев Е.Ю., Соколов Е.Г.</i>
Художники:	<i>Марина Шапаренко Владислав Оршер</i>
Корректор:	<i>Н. М. Баталова</i>

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 07.02.2000. Подписано в печать 21.06.2000.
Формат 84×108/32. 10 п. л. Тираж 1500 экз. Заказ № 3308

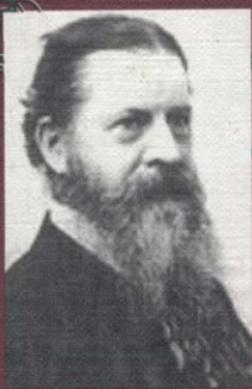
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН:
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»

Наши книги можно приобрести, заказав их через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги, прислав заказы по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 28, e-mail: totja@cbs.spb.ru, тел.: (812) 219-6301. Книги нашего издательства продаются и в Москве: магазин «Библио-Глобус» (м. «Лубянка»); в книжной лавке «У Сытина» (тел.: (095) 156-8670; проезд Черепановых, 56); Московский Дом Книги (м. «Арбатская»); магазин «У Кентавра» (м. «Новослободская», Миусская пл., д. 6; тел. (095) 214-5446); магазин «Ad marginet» (м. «Павелецкая», 1-й Новокузнецкий пер., д. 5/7; тел. (095) 951-9360); еженедельная книжная ярмарка в «Олимпийском» (м. «Проспект мира»). В Петербурге весь ассортимент книг издательства «Алетейя» представлен в специализированных магазинах и отделах: Дом Книги (Невский пр., 28, отдел «Общественных наук и учебной литературы»); в магазинах издательства Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, д. 7/9); Российская Национальная (б. Публичная) Библиотека (м. «Гостиный Двор», книжный киоск при входе в Научные Читальные Залы на площади Островского); в магазинах и киосках «Академкниги»; в магазинах издательско-торгового дома «Летний Сад»: Большой пр. П. С., 82 (тел. (факс) (812) 232-2104); В. О., Менделеевская линия, 5; Невский пр., 3; в ассортиментном кабинете «Петербургского книжного центра» (Стремянная ул., 20) тел. (812) 113-1012; на еженедельной книжной ярмарке в ДК им. Крупской (м. «Елизаровская»).

Когда мы мыслим, к какой мысли обращается тот мысль-звук, который есть мы сами? Он может, через посредство внешнего выражения — какового он, по всей видимости, достигает только после немалого внутреннего развития, — обратиться к мысли другого лица. Но произойдет это или нет, он всегда интерпретируется нашей собственной последующей мыслью. ... Что отличает человека от слова? Отличие здесь, несомненно, есть. Материальные качества, силы, организующие чистое денотативное применение и значение человека как знака чрезвычайно сложны по сравнению со словом. Однако эта разница лишь относительна. Что еще есть в этом знаке? Можно сказать, что человек осознует, слово же — нет. Но сознание — термин очень смутный. Он может значить эмоцию, которая сопровождает рефлексию о том, что мы обладаем животной жизнью.

Такое сознание притупляется, когда животная жизнь в упадке — в старости или во сне, — но не притупляется, когда в упадке жизнь духовная; оно тем живее, чем лучше человек оказывается как *животное*, но не живее, чем лучше человек оказывается как *человек*. Мы не приписываем этому ощущению слова, потому что у нас есть основание быть убежденными в том, что оно зависит от обладания животным телом. Тем не менее это сознание, будучи лишь ощущением, есть только часть материального качества человека-знака. Сознание, опять же, употребляется для обозначения *я мыслю*, или единства мысли; но единство это есть не что иное, как связность или признание таковой. Связность относится к каждому знаку в той мере, в какой он есть знак; и, следовательно, каждый знак, в первую очередь обозначающий именно то, что он — знак, обозначает собственную связность. Человек-знак приобретает информацию и начинает значить больше, нежели значил раньше. Но то же самое происходит и со словами. ... Человек создает слова, и слово значит не более, чем то, чем человек создал его значить, да и то не для всякого человека. Но поскольку человек способен мыслить только посредством слов или других внешних символов, эти последние могут обернуться к нему и сказать: “Всеми, что ты значишь-имеешь в виду, научили тебя мы, и даже так ты способен на это только в той мере, в какой ты обращаешься к какому-то слову как интерпретанту своей мысли”. Фактически получается, что люди и слова взаимно обучают друг друга...

Приложение к альманаху Метафизические Исследования